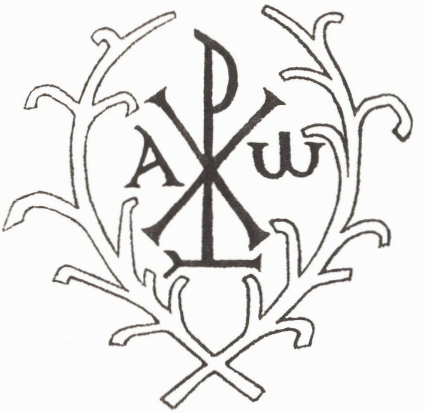

XPICTIANOC

IV

АЛЬМАНАХ

РИГА 1995

Путям, которыми идет душа
человеческая к Богу, посвящен
этот альманах.
Особенно значима для нас
жизнь Христиан нашего времени.
Войдем же и мы вместе с ними
в святое и любовное
единение с Богом – Отцом
и Сыном и Духом Святым,
Троицей Единосущной
и Нераздельной. Аминь.

Редактор Наталья Большакова

Обложка работы архимандрита Зинона (Теодора)

При перепечатке материалов
ссылка на альманах обязательна

© Международный Благотворительный фонд
имени Александра Меня, Рига, Латвия, 1995

К 70-ЛЕТИЮ СО ДНЯ КОНЧИНЫ СВЯТОГО ПАТРИАРХА ТИХОНА

Святой Патриарх Тихон

Александр НЕЖНЫЙ

ДОПРОС ПАТРИАРХА

Пятого ноября 1917 года в храме Христа Спасителя перед принесенной сюда из Успенского собора иконой Владимирской Божьей Матери слепой схимонах Зосимовой пустыни Алексий вынул из ковчега жребий с именем митрополита Московского Тихона (Беллавина). «Божий избранник!» — пронеслось тогда в храме, — вспоминал впоследствии об этой минуте член Поместного Собора Русской православной церкви князь Григорий Трубецкой.

Два с лишним века спустя после того, как Петр Первый бестрепетной рукой надел на Церковь государственный мундир, в России снова появился Патриарх.

Ему выпала беспримерная участь. Как раз в ту пору объявила о себе новая власть, по первым послеродовым крикам которой Патриарх безошибочно понял, что ничего хорошего она России не принесет. В предвидении уготованных ему судьбой испытаний он так и сказал депутации Поместного собора, посланной объявить о выпавшем ему жребии: «Ваша весть об избрании меня в Патриархи явилась для меня тем свитком, на котором было написано: «Плач, и стон, и горе», и каковой свиток должен был съесть пророк Иезекииль. Сколько и мне придется глотать слез и испускать стонов в предстоящем мне патриаршем служении, и особенно — в настоящую тяжкую годину!» Вместе с тем мне почему-то кажется, что поначалу он все-таки не сознавал до конца, какой природы была сила, поднявшаяся теперь против Церкви. Он, может быть, полагал, что это всего лишь ухудшенная разновидность Февраля, и, так рассуждая, в глубине души даже надеялся, что, очнувшись от угара государственного

переворота, новые вожди услышат обращенный к ним голос Церкви. Он думал, наверное, что как бы ни были нравственно уродливы захватившие Россию люди, они все-таки не могли окончательно испепелить в себе данный всякому из них от рождения образ Божий и погасить засветившийся в них с первым вздохом Небесный Свет; что как бы ни закоснели они в грехе, покаяние может коснуться и их сердец; и что как бы ничтожен ни был в их представлении священный смысл патриаршего сана, они вряд ли осмеляться на прямое насилие над главой Русской православной церкви.

Вместе с патриаршим куколем и жезлом митрополита Петра ему вручена была забота о сохранении Церкви и обязанность пасти народ свой, оберегая его душу от растления ложью и посулами земных благ, предостерегая от злобы, насилия и мести и напоминая о спасительной силе покаяния. На нем, кроме того, лежал «долг печалования перед государственной властью» — долг, вмененный Патриарху избравшим его Поместным собором. И в первые (считая с 1918-го) три года Советской власти Патриарх Тихон с бесстрашной твердостью не раз обращался к большевистским руководителям — в том числе, и к самому Ленину.

Он пытался внушить «господину председателю Совета Народных Комиссаров» и его соратникам, что «происходящее ныне освидетельствование святых мощей угодников Божиих»глубоко ранит всякое верующее сердце. Он писал Ленину (в связи с намеченным районным совдепом Сергиева Посада вскрытием мощей преподобного Сергия Радонежского): «По долгу пастырского служения заявляю вам, что всякое оскорбление религиозного чувства народа вызовет в нем естественную скорбь, справедливое негодование и может взволновать его даже в несравненно большей степени, чем все другие невзгоды жизни, а нас обязывает встать на защиту поругаемой святыни и отечески вещать народу: «Должно повиноваться больше Богу, нежели человекам» *(Деян.5,29)*». Он выступал в защиту арестованных в Могилеве ксендзов (да, да: именно ксендзов! итак, было в ту страшную пору — как перед ликом Зверя — единение христиан, научающее сегодня нас, в горделивом обособлении сущих, что религиозные перегородки все-таки не достигают Небес) и досаждал народным комиссарам очередным письмом: «...хотя ксендзы — служители не нашей Церкви, од-

нако во имя того, что мы служим единому Богу — Христу, я усердно прошу облегчить их участь. Не повторяю уже прежних своих писаний о всей несправедливости, жестокости и бесцельности взятия заложников и особенно из служителей культа». Он протестовал против Брестского мира («...тот ли это мир, о котором молится Церковь, которого жаждет народ?»), благословлял архипастырей и пастырей молится о расстрелянном императоре и предавал анафеме гонителей Церкви.

С мощью ветхозаветного пророка так говорил Патриарх вождям Советской России в первую годовщину их власти: «Вы разделили весь народ на враждующие между собой станы и ввергли его в небывалое по жестокости братоубийство. Любовь Христову вы открыто заменили ненавистью и, вместо мира, искусственно разожгли классовую вражду. По вашему наущению разграблены или отняты земли, усадьбы, заводы, фабрики, дома, скот, грабят деньги, вещи, мебель, одежду. Сначала под именем «буржуев» грабили людей состоятельных, потом, под именем «кулаков», стали уже грабить более зажиточных и трудолюбивых крестьян, умножая, таким образом, нищих, хотя вы не можете не сознавать, что с разорением великого множества отдельных граждан уничтожается народное богатство и разоряется страна. Вы обещали свободу... Великое благо — свобода, если она правильно понимается, как свобода от зла, не стесняющая других, не переходящая в произвол и своеволие. Но такой-то свободы вы не дали: во всяческом потворстве низменным страстям толпы, в безнаказанности убийств, грабежей заключается дарованная вами свобода. Все проявления как истинной гражданской, так и высшей духовной свободы человечества подавлены вами беспощадно... Ныне же к вам, употребляющим свою власть на преследование ближних, истребление невинных, простираем мы Наше слово увещания: отпразднуйте годовщину своего пребывания у власти освобождением заключенных, прекращением кровопролития, насилия, разорения, стеснения веры;обратитесь не к разрушению, а к устроению порядка и законности, дайте народу желанный и заслуженный им отдых от междоусобной брани».

Поистине, в послании этом власти вполне могли различить слова «мене, текел, упарсин», начертанные на стене чертога царского перед Валтасаром во время пира, устроенного им для тысячи вельмож. Тайный смысл трех слов означал, что гибель

царства Валтасара уже при дверях. И ныне, еще и еще раз вчитываясь в послание Патриарха и опаляясь его огненной правдой, разве не должны мы признать безусловную справедливость и суда, и приговора? Советская без-нравственная и без-божная империя почти прикончила Россию — что бы там не толковали сегодня рабы сильной власти,державности, военной мощи и прочей гибельной дури. В послании Патриарха Тихона точно указаны два непременных условия крепкой российской государственности: свобода и богатство. Повивальными же бабками СССР были нищета и насилие. Они приняли и выпестовали государство, ни в грош не ставящее человека,его жизнь и его бессмертную душу.

Могла ли стерпеть Советская власть Патриарха, перед ней не преклонившегося? Больше того: ее обличающего? Костью в горле стал он Советам с первых же их дней, и едва ли не с первых же дей принялись они его гнуть и ломать. Смертельный ненавистник Церкви, заведующий ликвидационным отделом Наркомюста Петр Ананьевич Красиков, один из птенцов ильичева гнезда, иногда услаждавший вождя игрой на скрипке и обученный им холодному презрению к нравственности (они все были рано вылупившиеся геббельсы, дружно твердившие вслед за своим учителем: «Мы в вечную нравственность не верим и обман всяких сказок о нравственности разоблачаем»... бедная Россия! много-много лет спустя им с упоением вторил большой партийный начальник, сейчас, кажется, объявивший себя социал-демократом и другом Церкви), — Петр Ананьевич, пожалуй, первым сделал стойку на Патриарха, созвав в субботу, 18 мая 1918 года, совещание по проведению в жизнь Декрета об отделении Церкви от государства. Приглашая на это совещание представителей ЧК, Красиков указывал: «будут рассмотрены утвержденные православным патриархом и синодом правила, содержащие признаки, что правила эти были изданы с контрреволюционными намерениями». (Русский язык они насиловали так же, как русскую жизнь). Узел затягивался. Последовали далее: повестка в следственную комиссию Московского революционного трибунала и первый домашний арест.

«Священный Синод, — сказано в обращении от 27 ноября 1918 года, — извещает верных чад Святой Церкви Московской, что в ночь с 24 на 25 ноября по распоряжению «чрезвычайной комиссии» в покоях Святейшего Патриарха был про-

изведен обыск, а сам Святейший Отец наш подвергнут домашнему аресту и в его помещении поставлена стража, причем до сих пор Его Святейшеству не предъявлено никакого обвинения».

Полтора месяца спустя синодалы и члены Высшего церковного совета просили — под свое ручательство — «освободить Всероссийского Патриарха от домашнего ареста». В канун Рождества Христова 1919 года в СНК обратились и православные москвичи: «просим разрешить Святейшему Патриарху Тихону выезд из его покоев для совершения богослужений». Их письмо, само собой, оказалось в ЧК, где все фамилии подписавших были отчеркнуты красным карандашом.

В декабре 1919-го Патриарха вызвали на Лубянку. С ним вместе отправился член Высшего церковного совета, протопресвитер Н. А. Любимов, несколько дней спустя доложивший Синоду о том, как проходил допрос.

Доклад Любимова потрясающе интересен. Насколько мне известно, это первое и единственное свидетельство нечекиста о встрече Предстоятеля Русской православной церкви с высокими чинами большевистской охранки. Они уже записали его в свои лютые враги — но еще не определили вполне степень насилия, которое можно применять к Патриарху. У подъезда Святейшего очень приветливо (пишет Любимов) встретил чекист Сорокин, который — вообразите! — подошел к Патриарху под благословение. Затем, проводив Патриарха в комнату 46, Сорокин обратился к нему со словами, в здании Чрезвычайной Комиссии совершенно дикими: «Добро пожаловать!» «Минут через 10 приблизительно, — сообщает далее Любимов, — Патриарх был приглашен в следующую небольшую комнату, где за письменным столом сидел какой-то субъект, оказавшийся впоследствии тов. Лацисом; он предложил Патриарху сесть напротив себя за столом, с боку поместился секретарь Москанин для записи всех вопросов и ответов, а немного сзади Патриарха сидел какой-то коммунист, приехавший с Казанского фронта (фамилия неизвестна). Начался допрос».

Поначалу спрошен был Патриарх о епископе Камчатском Несторе, который будто бы — по сведениям ЧК — явившись к адмиралу Колчаку, объявил, что привез ему благословение Патриарха на его дело. Нестора, отвечал Святейший, знаю, благословения же не посылал и посылать не мог. И объяснил — почему. «...епископ Нестор скрылся с нашего московского гори-

зонта еще в начале сентября 1918 г. до окончания Собора, а Колчак появился на политическом горизонте позднее. Это — явная неправда, и я ее решительно отвергаю».

«Сколько вы выпустили посланий?» — спросил далее Лацис. Патриарх ответил, что с января восемнадцатого по сегодняшний день общим счетом четыре — и перечислил, какие. «А послание к первой годовщине Октябрьской революции забыли?» «Это вовсе не послание к народу, — отбил Патриарх, безусловно именно этого вопроса ждавший и заранее приготовивший свой ответ, — а это письмо, обращенное мною прямо в СНК, совсем не предназначавшееся для обнародования».

Лацис спросил, наконец, в лоб об отношении Патриарха к Советской власти. Святейший ответил, что и теперь держится взгляда, изложенного им в письме народным комиссарам по случаю первой годовщины революции, и может изменить отношение к власти лишь в том случае, если и она изменит свое отношение к Церкви и Христовой вере.

Так, недвусмысленно и прямо отвечал Патриарх в декабре 1919-го на допросе в ЧК, прибавляя однако, что Советскую власть признает и никому никогда не говорил, чтобы ей не подчиняться в делах мирских. «Только в делах веры и благочестия, — записал Любимов слова Патриарха Тихона, — должно повиноваться не мирской власти, а только воле Божьей». «Да и вообще, — сказал Святейший, — я бы просил вас разъяснить мне, что означает это слово: контрреволюция?»

Лацис объяснил: «Стремление к свержению Советской власти есть контрреволюция».

«Этим мы не занимаемся». «А каковы ваши политические убеждения? — задал свой последний вопрос Лацис. — Вы, конечно, монархист?» Патриарх на сей раз был довольно резок. «Прошу таких вопросов мне не предлагать, и от ответа на них я уклоняюсь. Я, конечно, прежде был монархистом, как и все мы, жившие в монархической стране. И каких я лично теперь держусь политических убеждений, это для вас совершенно безразлично: это я проявлю тогда, когда буду подавать голос за тот или другой образ правления при всеобщем народном голосовании. Я вам заявляю, что Патриарх никогда не будет вести никакой агитации в пользу той или иной формы правления на Руси, ни в каком случае не будет насиловать и стеснять ничьей совести в деле всеобщего народного голосования».

На этом поставлена была точка. Допрос, отметил Любимов, продолжался около двух часов. Лацис объявил, что Патриарх подвергается домашнему аресту, и отныне всякий следующий к нему посетитель должен будет оставить на особом листе свою фамилию и имя. На следующий день сии списки следует предоставлять в ЧК. Гулять по саду и служить в домовой церкви можно; устраивать заседания без предварительного разрешения Лубянки — нельзя.

Попрощались. Играя заботливого хозяина, Лацис спросил у Патриарха, есть ли у него извозчик. «Не хочу вам говорить: до свидания, — заметил он, — так как, я думаю, что это свидание Вам особого удовольствия доставить не может».

Месяц спустя, объясняя Красикову причины домашнего ареста Патриарха Тихона, заведующий секретным отделом ВЧК сообщил: «Обвиняется в контрреволюционной агитации путем рассылки воззваний и сношений с Колчаком и Деникиным».

Откуда они это взяли? Ну, хотя бы одну улику выложил перед Патриархом товарищ Лацис, зацепку какую-нибудь, ниточку самую тонкую, но достоверную, которая и в самом деле вела бы либо к адмиралу, либо к генералу либо и к тому, и к другому. Нет. Исключительно одно лишь классовое чутье и революционное сознание. Причем, и в дальнейшем, в самую страдную пору подготовки суда над Патриархом, когда каждый конкретный факт был для обвинения на вес золота — как ни рыло ГПУ, ничего, кроме блаженного Феди, пару раз приносившего Святейшему вести с юга, не откопало.

Суть, разумеется, в том, что на Церковь и ее Предстоятеля большевики неизменно смотрели сквозь прорезь прицела. Для мирового сообщества, мнение которого им было вовсе не безразлично, они плели всякие байки о зловещих замыслах священнослужителей против Советской власти, тем самым пытаясь смягчить впечатление от бессудных расстрелов (ничем, впрочем, не отличающихся от казней по приговорам ревтрибуналов). Своим же (строжайшим образом засекречивая при этом всякое слово) они объясняли совершенно откровенно: Церковь — враг и ее следует уничтожить.

Железный Феликс так, например, писал Калинину, растолковывая тому церковную линию ВЧК: «Как создание следствия и судебного процесса (в 1920 г. против Патриарха было выдвинуто обвинение в спекуляции — *А. Н.*), так и факт домашнего

ареста над патриархом Тихоном есть просто результат политики, ведущейся ВЧК и Наркомюстом по отношению к духовенству, заключающейся... в дискредитации духовенства... Те обстоятельства, что ведутся следствия и устраиваются судебные процессы, давали нам возможность следовать своей политике и отказывать в просьбах... разрешения службы патриарху в том или другом месте. Да и кроме того, все эти ходатайства вовсе не являются голосами рабочих, а делом рук разных религиозных шантажистов, буржуа и их приспешников, которые прикрывают подписями рабочих лишь свои гнусные планы».

Когда в 1921–22 гг. Россия корчилась в муках ужасающего голода, Советская власть воспользовалась страшным бедствием для беспощадного наступления на Церковь. Под предлогом помощи голодающим начался грабеж накопленных за века усердием и жертвой верующего народа ценностей. Чтобы современный читатель мог хотя бы отчасти представить себе размах всероссийского налета на православные храмы, приведу данные за апрель и май 1922 г. по **одному только Рыбинскому уезду.** Так вот: большевики забрали из церквей 6,5 фунтов золота, 55 пудов серебра, 710 бриллиантов разной величины, 6 фунтов жемчуга, 203 алмаза и 745 прочих драгоценных камней. Куда утекло огромное (невозможно даже вообразить ныне его действительные размеры) богатство православных храмов, костелов и синагог? Во всяком случае, **лишь самая незначительная часть его была использована для того, чтобы спасти людей от голодной смерти.**

В строго секретном письме Ильича В. Молотову для членов Политбюро ЦК РКП(б) от 19 марта 1922 г., письме, ледяная жестокость которого раз и навсегда кладет конец слащавой болтовне о человеколюбии основателя коммунистической партии и государства рабочих и крестьян, сказано, что церковные ценности следует употребить для государственной работы, хозяйственного строительства и укрепления международного положения. О помощи голодающим — ни слова. Но главное: воспользовавшись событиями в Шуе, где верующие попытались защитить свои храмы, расстрелять как можно «большее число представителей духовенства и реакционной буржуазии». «Надо, — пишет Ильич, — именно теперь проучить эту публику так, чтобы на несколько десятков лет ни о каком сопротивлении они не смели и думать».

Сейчас это письмо достаточно известно. Неизвестно другое. Оно легло в основу плана уничтожения Церкви, который 30 марта 1922 года предложил Политбюро Л. Троцкий. Причем, если Ленин упирал на беспощадное насилие, то Троцкий, ни на секунду не отказываясь от **топора**, предложил вместе с ним и **яд**: разложение Церкви с помощью обновленцев. Ставка на них — временная. Уже сегодня, учит Лев Давидович, «нам надо подготовить теоретическую пропагандистскую компанию против обновленной церкви. Надо, — пишет он далее, — превратить ее в выкидыш». А с «черносотенными попами — расправиться».

Наконец (решение Политбюро): «Арест Синода и патриарха признать необходимым... Печати взять бешеный тон... Приступить к изъятию по всей стране, совершенно не занимаясь церквами, не имеющими сколько-нибудь значительных ценностей».

Для Патриарха Тихона настала пора тяжелейших нравственных испытаний. Стремясь спасти Церковь от разгрома, а народную душу — от растления, он оказался заложником власти, главной опорой и силой которой стала безнравственность, достигшая абсолютного нуля. Его преследовали, не давая передышки. В марте двадцать второго года его вызвали на Лубянку, где — под расписку — дали прочесть сделанное ему официальное предупреждение: «Правительство... требует от гражданина Беллавина как ответственного руководителя всей иерархии определенного и публичного определения своего отношения к контрреволюционному заговору, во главе коего стоит подчиненная ему иерархия». Один за другим последовали затем новые вызовы в ГПУ, где его допрашивали: начальник секретного отдела Самсонов, начальник 6-го отделения секретного отдела Тучков, Красиков и сам Менжинский. (Чуть позже к ним присоединился Агранов).

Святейшего уже никто не сопровождал на Лубянку, у него не спрашивали, ждет ли на улице извозчик, и, прощаясь с ним, высокие чекистские чины уже не таили, что новых свиданий с ними и новых допросов Патриарху не избежать.

Он еще держался. На слова Красикова (по поводу церковных ценностей): «Необходимо отдать всё за исключением необходимого», он отвечал и резко, и твердо: «Всё? Никогда!» и корил власть, запретившую церковные комитеты помощи голодающим. Самсонову он говорил: «Принудительно мы никогда не сой-

демся», и на вопрос-требование начальника секретного отдела ГПУ: «Ваши мероприятия по отношению к священникам, которые выступили против изъятия церковных ценностей?» отзывался непоколебимо: «Мне неизвестны их фамилии, я не имею сведений. Требую конкретных случаев».

От него настойчиво добивались осуждения епископов, ушедших вместе с частями Белой армии за рубеж и в 1921 г. в сербском городе Сремские Карловцы образовавших Высшее церковное заграничное управление (сейчас — Русская православная церковь заграницей). Менжинский даже предлагал Святейшему пригласить митрополитов Антония (Храповицкого) и Евлогия (Георгиевского) в Москву и потребовать от них личного объяснения. У Патриарха не было и тени сомнения, что проклинавшие из-за рубежа соввласть архиереи, окажись они в Москве, прямехонько проследуют на Лубянку, откуда живыми уже не выйдут. «Разве они поедут сюда?» — не без легкой насмешки сказал он всесильному Менжинскому.

Тем не менее именно здесь его сопротивление было впервые сломлено, и чекисты услышали от Патриарха (и записали — а он скрепил протокол своей подписью) нужные им слова. Патриарх Тихон сказал: «Антония Храповицкого, митрополита Киевского, врагом рабоче-крестьянской власти я не считал. В настоящее же время, судя по выступлениям его в заграничной печати — "Новое время" и другие — я нахожу, что он, Антоний Храповицкий, является заклятым врагом рабоче-крестьянских трудящихся масс России. Антисоветские и интервенционистские выступления Антония Храповицкого мне стали известны только с марта 22-го года, может быть — с февраля».

Самсонов вцепился крепче: была ли у Патриарха переписка с «беглым православным духовенством»? Через кого? «Такие письма, — ответил Патриарх, зная, должно быть, что некоторые из них перехвачены ГПУ, — я получал от Антония Храповицкого, митрополита Евлогия, от архиепископа Анастасия и других. Письма от беглого контрреволюционного духовенства я получал через иностранные миссии — латвийскую, эстонскую, финляндскую и польскую. Кто из миссий персонально приносил эти письма, я не знаю, не припоминаю. Чины моей канцелярии, в частности, мой секретарь Неофит, лиц, приносивших письма, видели и должны их знать. Из польской миссии письма из-за

границы приносил и передавал лично мне член миссии Моравский».

Май 1922-го вообще стал для Патриарха месяцом великой скорби. Допросы на Лубянке сменялись допросами в Политехническом музее, где Московский ревтрибунал судил священников и мирян, обвиняемых в сопротивлении изъятию церковных ценностей. Святейшего вызывали в трибунал свидетелем, но по смыслу и тону вопросов всем, наверное, было ясно, что в скором будущем скамья подсудимых ждет и его. Из Патриарха тянули признания: в том, что своим посланием побудил клириков и верующих встать на защиту церковного достояния; что послание было подготовлено им в соучастии с другими священнослужителями; что, назвав изъятие священных предметов святотатством, он нанес тягчайшее оскорбление Советской власти... Патриарх возражал вполне резонно, что Церковь могла и хотела отдать ценности добровольно, жертвуя их в помощь голодающему народу, и что об этом была поначалу достигнута договоренность с Помголом, но власть, переменив свое намерение, порешила взять все силой. «Значит, — наступал председатель трибунала, некто товарищ Бек, — вы считаете, что Советская власть поступила неправильно, и вы были вынуждены выпустить воззвание?» «Да», — ответил Патриарх.

«Вы признаете, — спросил тогда Святейшего Николай Крыленко, в ту пору начинавший свою мрачную карьеру профессионального государственного обвинителя, будущий покровитель советских шахамат и альпинизма, — что церковное имущество не принадлежит по советским законам церкви?» «По советским законам, — сказал Патриарх, — а не по церковным». «Ваше послание касается церковного имущества. Значит, с точки зрения закона, оно незаконно», — наступал обвинитель, на что Патриарх отвечал не без насмешки: «Вам лучше знать. Вы советская власть».

Накрепко ухватился Крыленко и за «святотатство»: «А слово «тать» что значит по-русски?» «Тать — это вор», — сказал Патриарх. «Значит, святотать — это вор по святым местам?» «Да». «Такими вы нас и считаете?» — вбил последний гвоздь обвинитель, и Патриарх несколько смешался: «Нет, простите...»

Итог таков: одиннадцать человек приговорены были к расстрелу, против Патриарха начато судебное дело, он снова оказался под домашним арестом, в Донском монастыре. Отсюда он

написал М. И. Калинину: «Решением от 8 сего мая революционным трибуналом в Москве приговорено несколько в том числе и духовных лиц к высшей мере наказания (смертной казни) по делу об изъятии церковных ценностей. В силу определения Всероссийского собора от 8 декабря 1917 года параграф 2 имею долг печаловаться перед Вами как представителем высшей государственной власти о помиловании осужденных, тем более, что инкриминируемого послания они не составляли, сопротивления при изъятии не проявляли и вообще контрреволюцией не занимались».

Само собой, руководящие большевики плевать хотели на печалование Патриарха. Но у них был уже в ходу незамысловато-садистский прием, успешно застилавший гуманистической пылью глаза либеральному Западу: после некоторых раздумий ВЦИК отменял часть наштампованных с большим запасом смертных приговоров. В Москве из одиннадцати приговоренных к стенке поставили пятерых; чуть позднее, по процессу католического духовенства, помиловав архиепископа Цепляка, расстреляли прелата Буткевича; и в Петрограде после судилища над митрополитом Вениамином (Казанским) из десяти приговоренных к смертной казни убито в конце концов было четверо... О, милосердная власть! Между тем, набирала обороты запущенная на полный ход машина ГПУ. 31 мая 1922 года начальник 6 отделения СО ГПУ Е. Тучков подписал постановление, в одиннадцати пунктах которого были изложены все преступления «гр. Беллавина Василия Ивановича, так называемого патриарха Тихона» против Советской власти. «Посему постановил, — заключал Тучков, — избрать меру пресечения уклонения от суда и следствия содержание под стражей на дому...»

В том же, 1922-ом году, под покровом излюбленной большевиками тайны возникла Антирелигиозная комиссия: поначалу при ЦК РКП(б), а впоследствии при Политбюро ЦК ВКП(б) — главный партийный штаб, в течение почти десяти лет руководивший разрушением Церкви, искоренением веры и утверждением повального безбожия в Советской России. Бессменным ее председателем был Емельян Ярославский (Губельман), бессменным секретарем — Е. Тучков, совмещением двух своих должностей как бы подтверждавший безусловное единство партии и тайной полиции в церковном вопросе. Судьбу Патриарха — когда забрать его из-под домашнего ареста во внутреннюю тюрь-

му Лубянки (где он провел тридцать восемь дней и ночей), когда назначить суд над ним, какого цвета должны быть пригласительные билеты на заседания этого суда, кто выступит обвинителем (Крыленко — кто же еще!), какого рода покаяния и каких уступок ждет от гражданина Беллавина В.И. Соввласть в обмен на избавление от суда и относительную свободу — все определяла теперь Антирелигиозная комиссия. (В моей недавно вышедшей книге «Комиссар дьявола» я, в частности, рассказываю о жизни и деятельности образцово-показательного большевика — председателя Комиссии и впервые публикую почти все ее протоколы, которые партия хранила в глубокой тайне — как Кощей иглу, таившую в себе его погибель).

Под ее диктовку ГПУ изнуряло Патриарха Тихона новыми допросами. В его следственном деле с августа 1922-го по март 1923-го я насчитал их четырнадцать — и очень подозреваю, что в КГБ мне показали не все. Зажатый тисками ареста, Патриарх вынужден был как о великой милости просить своих тюремщиков позволить ему богослужения и приобщение Святых Тайн. Кто верует — тот знает, что нет большей муки для верующего сердца, чем оказаться вне храмовой молитвы и причастия.

«ГПУ. 3.04. 1923 г. Москва, Большая Лубянка, 2. Отдел секретный. Сов. секретно. Верх. Суд — тов. Карклину. СО ГПУ при сем препровождает заявление гражданина Беллавина Василия на ваше распоряжение. Пом. нач. СО ГПУ Андреева. Начальник 6 отделения СО ГПУ Тучков».

Письмо Патриарха: «Верховный суд РСФСР. Прошло уже более 10 месяцев, как я, поселившись в Донском монастыре, вблизи храмов Божиих, лишен возможности посещать их и совершать богослужения. Едва ли нужно говорить о том, как такое решение тяжело отзывается на верующем сердце, особенно в дни праздничные. Вот и теперь наступают великие дни Страстной Седмицы и Св. Пасхи. Усердно прошу Верховный суд разрешить мне совершать богослужения в Донском монастыре хотя бы в последние дни Страстной и в первые Святой Пасхи. Патриарх Тихон (Василий Беллавин)».

Красными чернилами сверху: «Тов. Галкину на усмотрение». Синим карандашом чуть ниже: «Отклонено».

И мало-помалу Патриарх уставал бороться. Последовательно-жестокий натиск ГПУ, торжество лишивших его сана обновленцев, доносящиеся со всех концов России известия о казнях

и арестах священнослужителей — все это, мне кажется, вызвало у него состояние глубочайшего безразличия. Теперь он соглашался со своими обвинителями почти во всем.

Спрашивал, например, у него Тучков о воззвании в связи с изъятием церковных ценностей: «не могли бы на вас влиять люди, намеренно используя вас как главу церковной организации в политических антисоветских целях?» — и ему Патриарх, признавая свое первоначально отрицательное отношение к Советской власти и антисоветский характер ряда своих воззваний, поначалу отвечал на этот вопрос уклончиво. «А кто на меня влиял персонально, назвать затрудняюсь, так как не помню».

Однако четыре месяца спустя, когда место Тучкова до конца следствия занял особоуполномоченный ГПУ Я.Агранов, Патриарх говорил уже по-другому: «Припоминаю, что архиепископ Никандр (Феноменов, архиепископ Крутицкий и Коломенский— *А. Н.*)... после издания указанного Декрета (об изъятии церковных ценностей — *А. Н.*)... сказал мне, что необходимо написать послание с протестом против существа Декрета». «Послание это — отвечал Патриарх Агранову в январе 1923 года, — было издано мною главным образом потому, что: 1. считал изъятие церковных ценностей святотатством, 2. если бы это послание мною издано не было, я мог бы подлежать суду церковного Собора, 3. послание мною было составлено также под влиянием окружавших меня лиц. Я их поименовал в предыдущих протоколах...»

Агранов буравил дальше, вытягивая из Патриарха новые имена, подробности и признания.

«Представители антисоветской организации, — говорил Святейший на допросе 18 января 1923 года, — были у меня в конце 18-го года или в начале 19-го, точно времени я не помню, не единовременно, а два раза. Одна группа была в составе Сергея Михайловича Леонтьева, Д.Урусова, и Д.М.Щепкина. В разговоре со мной они заявили, что являются представителями организации "Совет общественных деятелей"... которая была направлена против сов. власти. В конце беседы... я их благословил и пожелал успеха в их трудной работе. Приблизительно такой же характер носила моя беседа с приходившими ко мне от другой организации С. А. Котляревским и Карташовым». (Уже в январе в ГПУ оказался Леонтьев, в феврале — Щепкин. Последний министр вероисповеданий Временного правительства,

искренне и глубоко верующий человек и замечательный знаток православия, Александр Васильевич Карташов в двадцать третьем был, слава Богу, в Париже, о судьбе остальных не знаю ничего. Счастье и то, что их имен в следственном деле Патриарха Тихона нет).

Патриарх, кроме того, признал ошибкой данное им благословение на открытие карловицкого собора; признал «свою вину перед сов. властью в том, что в 18-ом по осень 19-го издал ряд постановлений контрреволюционного характера»; признал, что его послание от 19.01.1918 г. «заключало в себе анафематствование Сов. власти и призывало верующих сплотиться... для отпора всяким покушениям на Церковь и политике Сов. власти в отношении Церкви». Что дальше? Еще несколько новых имен и новых признаний, из которых наибольший интерес, мне кажется, представляет для нас вот какое (допрос 5 марта 1923 г.): «27 ноября 1917 года во время моего служения в Знаменском монастыре — в то время в Москве заседал Собор — ко мне обратился служивший со мной в литургии Тобольский епископ Гермоген с просьбой вынуть частицы из поданной мне просфоры за Николая, Алексея, Ольгу и прочих. Я, вынимая частицы, спросил у Гермогена: это, вероятно, за бывшего государя с семьей? Гермоген ответил: да, я с собой это отвезу государю. Через несколько дней Гермоген уехал в Тобольск... Вынимание частиц из просфоры во время литургии означает молитвенное поминание». (Привезенные епископом Гермогеном в Тобольск частицы вместе с известием, что за царскую семью молился только что избранный Патриарх, было одним из последних утешений для Николая Второго, Александры Федоровны и их детей, которым оставалось жить чуть более полугода. В одно время с ними погиб и епископ Гермоген, которого большевики, привесив ему на шею камень, утопили в Тоболе).

ГПУ торжествовало победу. 16 марта 1923 года Агранов предъявил Патриарху Тихону постановление, обвиняющее его в преступлениях, предусмотренных четырьмя статьями действовавшего в ту пору Уголовного Кодекса. Набор таков: призывы к свержению власти Советов, возбуждение к сопротивлению законным постановлениям рабоче-крестьянской власти, совершение обманных действий с целью возбуждения широких масс населения... Во всем этом Патриарх признал себя виновным.

«Все показания, данные мной на предварительном следствии, — сказал он, кроме того, — я подтверждаю».

Последовало затем известное обращение Патриарха в Верховный суд («...я раскаиваюсь в этих проступках против государственного строя»), освобождение его из-под стражи и прекращение уголовного дела. Немногим более полутора лет оставалось ему до кончины. Бегло перелистав последние страницы его жизни, мы еще не раз встретим его заверения в полной лояльности Советской власти, с особенной тщательностью выраженные в предсмертном, так называемом завещательном послании. Мы обнаружим его неимоверные усилия провести церковный корабль между Сциллой ГПУ и Харибдой обновленчества. Мы ощутим безмерную скорбь Патриарха, сказавшего однажды врачу Таганской тюрьмы Михаилу Александровичу Жижиленко, по благословению Святейшего позднее ставшего монахом и епископом с именем Максим, прошедшего Соловки и 4 июня 1931 года получившего пулю в сердце от Советской власти, — что, должно быть, единственная возможность для Русской православной церкви сохранить верность Христу — это уход в катакомбы. Тщета сделанных им уступок и вымученных у него признаний открылась ему с ошеломляющей ясностью. Он вынужден был теперь по каждому поводу обращаться к отвратительному Тучкову, который, ликуя, сообщал своему начальству о зависимости Патриарха от ГПУ.

Как объяснить, как понять трагедию Святейшего Патриарха Тихона, как связать воедино пламенную непримиримость первых лет его служения с его склонившейся перед богоборческой властью головой? Не обладая нашим знанием документа, но очевидно превосходя нас духовным видением, о.Сергий Булгаков так сказал в своем слове на смерть Патриарха Тихона: «Сними обувь твою с ног твоих: ибо место, на котором ты стоишь, есть земля свята... ...уступки Патриарха мы должны рассматривать, как его последнее пастырское самопожертвование для благополучия своего духовного стада: вместо венца мученичества — бесчестие и унижение мира с теми, кому на время дозволено было мучить нашу страну».

Отец Сергий был уверен: «Патриарх не мог изменить своего отношения к духу безбожия и антихристианства советского правительства».

В своем понимании личности Предстоятеля Русской православной церкви о.Сергий был всецело прав. Подобно крепко закрученному сюжету, следственное дело дает нам некий, впрочем, довольно ясный намек, вернее — обещает совершенно иное развитие событий, чем то, к которому вела жестокая и, казалось, незыблемая логика признаний и уступок. В двадцать шестом (из двадцати девяти) томе «Дела по обвинению бывшего патриарха Тихона и других» (так написано на твердой, картонной, палевого цвета обложке) есть допрос от 21 марта 1925 года. Двадцать пятый год — все слова произнесены, точки расставлены, послание, которому суждено было стать завещательным, практически готово, Патриарх болен и находится в лечебнице доктора Бакунина, где и скончается всего пятнадцать дней спустя... **Зачем? Почему?**

Для начала был задан Патриарху вопрос о подготовке к восьмому Вселенскому собору. Святейший ответил, что этот собор Вселенским не считает и должной подготовки к нему не было хотя бы потому, что соответствующая комиссия собиралась всего один раз. Помимо назначенных в комиссию архиереев, начал работать церковный историк, профессор Иван Васильевич Попов, но вскоре был арестован. Последовал затем вопрос главный: «Кто вам приносит списки архиереев, канонически находящихся в живоцерковном расколе с отметками о понесенных ими репрессиях со стороны Советской власти?» Патриарх дал такой ответ: «Эти списки принес мне Николай Кирьянов. Мне интересно было знать, кто из архиереев арестован, кто сослан, кто канонический, кто неканонический. Я своей рукой исправил неточности в списке. Кирьянов мне оставил списки в двух экземплярах». «Давали вы согласие на отправку списков через иностранные миссии для печатания в прессе за границей?» «Нет, такого согласия я не давал», — сказал Патриарх.

Еще были вопросы: о назначении Платона митрополитом Американским,о встречах с представителями американской секции «Европейской студенческой помощи». И на них коротко ответил Патриарх, а, ответив, не только подписал протокол допроса, но и поставил еще одну свою подпись: под обязательством хранить в тайне все, «о чем меня сегодня спрашивали и какие я давал показания по делу. В случае невыполнения

мною подписки я понесу наказание по существующим законам СССР».

Шесть лет минуло со дня первого допроса — с вежливой встречей и чекистом, подошедшим под благословение. Советский порядок заметно окреп.

В том же марте готово было постановление об избрании меры пресечения. Вот оно: «Я, пом. нач. 6 отделения Секретного отдела ОГПУ Соловьев М. Д., рассмотрев дело по обвинению Беллавина Василия Ивановича, нашел, что гр. Беллавин В. И. составлял сведения о репрессиях, применяемых сов. властью по отношению к церковникам, пользуясь сведениями из недостаточно верных источников. Имеет целью дискредитировать Сов. власть. Преступление Беллавина В. И. следствием установлено. Постановили: привлечь гр. Беллавина Василия Ивановича в качестве обвиняемого, применив к нему обвинение по статье 73 Уголовного кодекса, и избрать меру пресечения уклонения от следствия и суда (графа незаполнена — *А.Н.*)».

И снова покатилось к суду теперь уже новое дело, затеянное властью скорее всего для того, чтобы напомнить Патриарху о мече пролетарской законности, беспощадно карающем любое отклонение от предписанной Лубянкой нормы, — но, может быть, с целью избавиться, наконец, от Предстоятеля Русской православной церкви. Во всяком случае, есть все основания утверждать, что Советское государство опять объявило Патриарху войну.

Но он ушел. «Выписка из протокола особого совещания при коллегии ГПУ от 19 июня 1925 г. Слушали: Дело N 32530 по обвинению гр. Беллавина Василия Ивановича по 59, 73 статьям УК. Постановили: Дело ввиду смерти Беллавина следствием прекратить, сдать в архив 6 отдела СО ОГПУ». Он был в тюрьме, но не хотел считать себя узником.

ЗАВЕЩАНИЕ ПАТРИАРХА

В судьбе Святителя Тихона, Патриарха Московского и всея России, было много потрясений, одно же из них случилось 9 декабря 1924 года. В шесть пятнадцать вечера неизвестные люди проникли в дом Патриарха в Донском монастыре, тремя выстрелами уложили натолкнувшегося на них келейника Якова

Полозова и бежали, прихватив с вешалки две принадлежащие Святейшему шубы. Патриарх с потрясающей наивностью кричал им вслед: «Стойте! Вы человека убили!»

Пропажу заметили только на следующий день.Евгений Александрович, — дрожащей от пережитых волнений рукой писал Патриарх начальнику 6-го отдела Секретного отделения ГПУ Тучкову, — сегодня утром я обнаружил, что вчерашние гости, убийцы бедного Якова, похитили две мои рясы-шубы. Ясно, что это бандиты-грабители. Обращаюсь к вам с покорной просьбой: посодействуйте, пожалуйста, о разрешении похоронить Якова Полозова на Донском кладбище.

Испрашиваемое разрешение было получено, а по следу грабителей пустился уголовный розыск. Десять дней спустя после дерзкого налета агент бандгруппы Иванов сообщил помощнику начальника МУРа Гиберу: «Мною были получены негласные сведения о том, что сыном гражданина Захарова Ивана Захаровича, проживающего по Шаболовке, дом 88, кв. 13, было приобретено якобы себе на пальто спорок лисьего меха больших размеров. По описанию размера подходит к меху, подшитому к рясе патриарха Тихона, каковая была похищена в момент убийства его келейника, Полозова Якова. Сын Захарова, Петр Иванович Захаров, проживает в деревне Дубосеково Тимошевской волости Волоколамского уезда Московской губернии».

Агент Иванов потянул ниточку — клубочек вроде бы начал распутываться. Три других агента: Родионов, Шахов и Базаров привели Захаровых, отца и сына, на Устьинский рынок, где Захаровы указали торговцев, двух татар, у которых 13 декабря они за 60 рублей купили злополучный мех. Торговцы, Шемшетдинов и Юсипов, от своего товара отпираться не стали, и со следующего дня в скрытом сопровождении сотрудников розыска Юсипов отправился по московским рынкам — высматривать человека, соблазнившего его старой лисой.

Мех тем временем перекочевал в МУР («Приемная квитанция № 18357. Дело № 745. Доставлен агентом Базаровым спорок лисьего меха без рукавов, старый, вытертый. Оценка в золотых рублях — 135 рублей»), где Гибер предъявил его Патриарху. Святейший «категорически и безошибочно» этот мех признал за свой, что засвидетельствовали агенты Иванов и Ефимов, а также митрополит Петр (Полянский) и архимандрит

Анемподист.По словам Патриарха, мех был подшит под бордовой бархатной рясой.

Сия во всех отношениях замечательная история о розыске похитивших утепленные патриаршьи рясы злоумышленников, история, омраченная невинно пролитой кровью келейника Полозова, не имея последней точки в образе схваченных и представших перед судом преступников, имеет, однако, свое продолжение в виде легенды, появившейся тотчас, но живущей и поныне.

Агент № 417 седьмого, контрразведывательного отделения ГПУ 28 декабря 1924 года доносил: «Одним из самых злободневных разговоров в настоящее время является вооруженное ограбление патриарха Тихона и убийство его телохранителя, келейника Яшки. Среди многочисленных версий и слухов о происшедшем среди духовных лиц тихоновского толка упорно держится слух, что бандит, совершивший убийство и ограбление, был подослан убить патриарха большевиками, в частности, ГПУ». Истинная цель налета, передавал далее содержание ходивших по Москве разговоров агент № 417, была поспешно замаскирована кражей двух «очень дорогих шуб патриарха».

В разгар войны на уничтожение, развязанной советским государством против Церкви, разбой и кровопролитие в Донском монастыре с уверенностью были восприняты как очередное большевистское злодейство. Точно так же думали и в 1919-ом, когда совершенно безумная баба, Пелагея Гусева, кинулась на выходящего из храма Христа Спасителя Патриарха и ударила его ножом в бок. Удар, по счастью, пришелся в кожаный пояс, рана оказалась незначительной, а сама Пелагея на следствии несла всякий бред вроде того, что «послана Богом для уничтожения врагов народа и христиан — гордых сатанинских вождей».

Между тем, в ЧК-ГПУ трудились в ту пору люди безжалостные, но не лишенные воображения. Если бы партийная верхушка дала им команду убрать Святейшего, то, без сомнения, они нашли бы для этого **мокрого** дела куда более толковых и надежных исполнителей, чем сумасшедшую тетку с ножом или непрофессиональных убийц, с перепугу застреливших Полозова, но почему-то кинувшихся прочь от появившегося перед ними Патриарха.

Начальник 6-го отдела Секретного отделения ГПУ и секретарь Антирелигиозной комиссии ЦК РКП(б) Евгений Тучков прекрасно понимал, кроме того, что насильственная смерть Патриарха Тихона никакого капитала властям не принесет. Властям не нужен был страстотерпец и мученик; в скверной своей игре они стремились заполучить первосвятителя живого, но надломленного.

Удалось это, не удалось — тема особая, тема **яда**, которым Ленин, Троцкий, Ярославский, Тучков и прочая К° на десятилетия вперед **пропитали** немалую часть епископата и клира Русской православной церкви. И протестантов. И мусульман. И буддистов. Вплоть до того, например, что в июне 1928-го председатель Антирелигиозной комиссии Ярославский писал усевшемуся в Кремле бандиту с большой дороги, что надо бы отстегнуть 50 тысяч рублей направляющейся в Тибет, к Далай-ламе, буддистской делегации, дабы развеять поклеп о преследовании в СССР «желтой веры». Денежки не пропадут — в делегации поедут надежнейшие люди, а польза будет огромная, убеждал товарища Сталина главный безбожник Советского Союза и автор во всех отношениях омерзительной «Библии для верующих и неверующих»[2]. Тогда, похоже, устояли только католики — впрочем, чтобы пасть в послевоенное время).

В счет большевикам вслед за двумя их неудачными покушениями на Святейшего ставят, натурально, и третье, последнее и роковое: то ли под видом лекарств подсунули губительную отраву, то ли, удаляя Патриарху зубы, вкололи губительную для него дозу новокаина. Вовсе не собираясь выгораживать большевиков, которые при случае травили своих врагов успешней, чем Борджиа, Лейстер и Тоффана вместе взятые, я все же замечу, что Бог дал право на справедливость всем, даже отъявленным злодеям. Поэтому послушаем доктора Бакунина, в больницу которого 13 января 1925 года поступил Святейший. (К слову: репутация Бакунина среди московских медиков — и профессиональная, и человеческая — была превосходная. Да и Патриарх вряд ли доверился бы ненадежному человеку).

В интервью «Вечерней Москве» (№ 91, 1925 г.) Бакунин говорил: «Патриарх Тихон поступил в нашу лечебницу 13 января 1925 года с хроническим воспалением почек и перерождением мышцы сердца (миокардит). Кроме того, еще до поступления в лечебницу у него было несколько приступов груд-

ной жабы. Лечили Тихона профессор Кончаловский, доктор Покровский. Кроме того, ежедневно посещал больного доктор Щелкан, на консультациях бывал профессор Плетнев[3]».

К словам доктора теперь можно прибавить кое-что из архива КГБ. Именно: четырьмя днями ранее, 9 января, Святейший предстал перед консилиумом из трех профессоров (В. Шервинский, Н. Кончаловский, Д. Плетнев), во-первых, подтвердивших его недуги — почек и сердца, во-вторых, настойчиво рекомендовавших ему лечение в клинике, и, в-третьих, заключивших, что помещение, которое Патриарх Тихон занимал в Донском монастыре, сырое, с низкими потолками, по состоянию здоровья ему никак не подходит.

23 января Патриарх направил письмецо на Лубянку: «Начальнику секретного отдела ГПУ Евгению Александровичу Тучкову. Прошу исходатайствовать предоставление мне для моего жительства и служащих при мне лиц двухэтажного так называемого архиерейского дома при бывшем Богоявленском монастыре, что на Никольской улице». Тучков приказал своему сотруднику Реброву: «Осмотреть это помещение и мне доложить».

Доктор Бакунин в беседе с корреспондентом «Вечерки» говорил далее, что до первой недели Поста (Прощеное воскресение пришлось в тот год на 1 марта) здоровье Святейшего заметно поправилось и что ухудшение «как со стороны сердца, так и почек» отмечено было лишь после того, как Патриарх пять дней провел вне клиники, служа в московских храмах.

Затем снова наступило улучшение, продолжавшееся, однако недолго.Длинные великопостные службы (а Патриарх по праздничным и воскресным дням служил непременно, причем последнюю свою обедню совершил за два дня до смерти, 5 апреля, в храме Большого Вознесения на Никитской) утомляли его.

2 апреля Святейшему вырвали несколько гнилых корешков из нижней челюсти, после чего у него воспалилась десна, а вслед за ней — горло.

Последнюю свою литургию Патриарх Тихон, таким образом, служил, перемогая общую слабость и боль в горле. «В день смерти, — сообщил Бакунин, — Тихон принял митрополита Петра, с которым имел продолжительную беседу, после которой чувствовал себя очень утомленным. В половине двенадцатого ночи состоялся последний обход больных врачом лечебницы, во

время которого Тихон чувствовал себя в общем удовлетворительно, но не успел врач подняться в свою квартиру, как раздался тревожный звонок фельдшерицы, сообщившей по телефону, что больному нехорошо. ...Врачи застали Тихона в ясно выраженном припадке грудной жабы: задыхание, мелкий, падающий под рукой пульс, холодный пот. Больной указывал на сердце и жаловался на боль. Были вспрыснуты обычные в таких случаях камфора и морфий, но пульс продолжал падать, и через 5—7 минут больной скончался».

Властной рукой Господь забрал Патриарха **из жизни временной в жизнь вечную, идеже несть болезнь, ни печаль, ни воздыхание, идеже праведные упокоются — в отечество вожделенное**. Последними своими земными словами славя Бога, Патриарх благодарил Его не только за крестную ношу последних лет своей жизни, но и за то, что Господь в нужный час призвал его к Себе.

По худому моему разумению, Бог спас Патриарха от бездны новых нравственных страданий, от наглого напора товарища Тучкова, от смертной муки собственного бессилия. Святейший **уходил** с облегчением, ибо знал, что здесь ему уже уготована новая череда унизительных допросов, тугая петля вавилонского плена и бесконечная тоска подневольной немоты. Смерть освобождала его. Он скрывался в нее от своих мучителей. Она была ему убежищем, для них недоступном. Быть может, он даже сожалел, что не ушел раньше и что в последний день своей жизни взял на душу грех и собственной рукой подписал воззвание, угодное власти.

Сомнений нет ни малейших — под призывом ко всем возлюбленным чадам «Богохранимой Церкви Российской слиться с Нами в горячей молитве ко Всевышнему о ниспослании помощи Рабоче-Крестьянской власти в ее трудах для общенародного блага», под утверждением, что «Советская власть — действительно народная... а потому прочная и непоколебимая», под осуждением «так называемого» Карловацкого Собора и под недвусмысленными угрозами прещений в адрес «бежавших за границу архипастырей и пастырей» стоит **действительная** подпись Патриарха.

Вскоре после кончины первосвятителя в Париже, в журнале «Путь» появилась статья князя Григория Трубецкого, довольно близко знавшего и любившего Патриарха Тихона. Трубецкой

был уверен в подложности завещания; он говорил, что «содержание его противоречит всей линии поведения Патриарха по отношению к Советской власти».

Увы: ошибался Трубецкой, ошибались и ошибаются те, кто с 1925 года пытаются убедить себя и других, что человек, с пророческой мощью обличавший преступления новой власти, призвавший православный люд к покаянию в грехах, ослабивших народную силу и помрачивших народный разум, гневно восставший против оскорбительной для всякого верующего сердца кампании вскрытия мощей — этот человек не мог последним своим словом завещать мир и любовь с уничтожающим Бога государством.

Патриарх подписал «завещательное послание» или «воззвание» после мучительной борьбы с товарищем Тучковым и его ведомством. Читая отвергнутые Святейшим варианты, я представлял его словно бы перебирающимся через болото, где что ни шаг — то либо скрытая темной водой яма, либо погибельная топь.

Ему подсовывали, к примеру, ни с чем не сообразное и глупейшее наименование его сана: «Патриарх... Союза Советских Социалистических Республик», предлагали упомянуть о «великом подвиге» Советской власти, пнуть архиепископа Кентерберийского, который вместе с Папой Римским не давал Кремлю покоя своей тревогой за судьбу заключенного большевиками русского Патриарха, и **осудить и отлучить** «от общения со Святой Церковью тех, кои, сознательно склоняясь на сторону врагов нашей Родины, тем изменнически ее предают». Ему предлагали призвать архиереев «с мужеством честных людей немедленно прибыть на Родину... и дать отчет о себе и своей деятельности», настаивали, чтобы он объявил о принятии нового стиля и назвал **безумными** надежды «на возвращение изжитого навсегда царя».

Все это Патриарх отверг. Однако разорвать путы, которыми с умелой настойчивостью оплетала его большевистская верхушка, освободиться до конца и швырнуть в лицо Тучкова проклятую грамоту он не мог и не смог.

Он был в плену. Он уже слишком многое сказал раньше — на допросах, во время которых Менжинский, Агранов, Самсонов и Тучков вытягивали из него нужные им признания; своим покаянным заявлением в Верховный суд; на своих встречах с

Тучковым, о которых тот с победной ухмылкой докладывал затем своему начальству.

Он готов был признать и подписать какую угодно бессмыслицу, направленную против него лично, — с надеждой, что таким образом убережет Церковь от разгрома. Тщету этой надежды он осознал поздно.

Тем не менее некто из ГПУ, человек не только подозрительный, но и проницательный, в пространной записке, писанной казенными фиолетовыми чернилами, дотошно перечислял неприемлемые для власти положения патриаршего воззвания. Скорее всего, именно после этих замечаний из окончательного текста исчезли «наши святыни, храмы и монастыри», **в неприкосновенности** которых Патриарх видел залог доверия власти к Церкви.

Послание, заметил чекист, «является как бы новой Голгофой для Тихона».

Он даже сам не знал, насколько был прав.

ИСТОЧНИКИ

[1] Центральный архив КГБ. Следственное дело Патриарха Тихона. «Дрожащая рука» Патриарха — вовсе не литература, а бросившееся мне в глаза изменение его почерка, всегда довольно уверенного.

[2] Центральный партийный архив. Ф. 89, оп. 4, ед. хр. 171, лл. 2—4.

[3] Лучший российский кардиолог Д.Д.Плетнев пройдет в 1938 г. по процессу Бухарина-Ягоды. Обвинение: до смерти залечил сначала Максима Пешкова, а затем и папу, Алексея Максимовича. Вышинский и товарищи упекли Плетнева в лагерь, где он и умер в 1953 г.

АЛЕКСАНДР НЕЖНЫЙ О СЕБЕ

Родился в 1940 году. С 18-ти лет работал в газетах: сначала в «Московской правде», затем в «Труде», в качестве разъездного корреспондента которого исколесил всю страну (СССР): от Прибалтики до Дальнего Востока и от Кушки до Северного Морского Пути.

В 1979 году принят в члены Союза писателей СССР — за документальную прозу, которой усердно занимался тогда. (Великое множество статей при этом не в счет.) Были книги и очерки в «толстых» журналах — «Новом мире», «Дружбе народов», «Знамени», «Звезде», «Неве».

Всего книг написано и выпущено, кажется, тринадцать. Большая часть по сегодняшним меркам — барахло, но есть,

однако, и те, которые можно (и полезно) читать и сейчас: «Бумажное дело», «Смертный час», «Комиссар дьявола».

Приход к вере и крещение — в 1975 году.

Огромное влияние Владимира Соловьева, особенно его «Оправдание добра». И в ту же пору (поздно, но что делать: я родился и вырос в советской семье, где рыдали 5 марта 1953 года) стремление писать о главном. Так появился роман «Смертный час», который пролежал в столе лет пятнадцать. В «перестройку» я вошел литератором, абсолютно готовым — нравственно, религиозно и профессионально — использовать открывшиеся (поначалу вполне ничтожные) возможности для защиты интересов Церкви и верующих. Так в разных газетах: «Московские новости», «Литературная газета», «Известия» за последние годы (считая с 1985-го) вышел целый цикл моей публицистики на эти темы.

Я горжусь, что в ту пору, когда у советской власти была еще вполне крепкая хватка, я вырвал из ее зубов для православного народа не менее десяти церквей.

Защитой прав верующих я занимаюсь и сейчас — но теперь уже (бывает!) от соединенного насилия власти и священноначалия.

Занимаюсь с Божьей помощью литературой. На материалах ранее недоступных и потому неизвестных архивов госбезопасности и партии написал «Комиссара дьявола» и пишу огромный роман о трагедии церкви.

Прошу ваших молитв.

ПАМЯТИ ПРОТОИЕРЕЯ АЛЕКСАНДРА МЕНЯ

60 лет со дня рождения
5 лет со дня
мученической кончины

Протоиерей Александр Мень.
Новая Деревня, 1989 г.
Фото Софии Руковой

Наталья БОЛЬШАКОВА

* * *

Есть люди, чья жизнь и смерть имеет великое действенное значение, — соединенные со Христом, они становятся носителями высшего бытия, освящают мир вокруг себя, приобщая его к божественной жизни. Ради них создан мир, и мир ими держится. И мы, созерцая их, непосредственно ли, или получая письменные и устные свидетельства, или молитвенно общаясь с ними, получаем благодать — дар любви от Господа, радость Его близости, и, вместе с тем, чувство благодарности за то, что святые по-прежнему живут среди нас.

Всякий раз, Господь, порождающий такого человека среди нас, делает его одновременно и непостижимо новым * и все тем же вечным святым, не принадлежащим времени и живущим как бы всегда, потому что сквозь все неповторимые черты мы видим сияние Вечности.

Отец Александр приблизил святость к нам вплотную: вот на кухне пьет чай, стоит в очереди за продуктами, озабочен, что щенка нечем кормить, — а мы рядом с ним ощущаем Бога.

Достаточно было посмотреть на него, чтобы понять, как молятся святые, часто глаза его видели что-то далекое от того, что его окружало.

А вот он идет по грязной, заплеванной вокзальной площади среди криков, брани, искаженных лиц, зорко смотрит на все, а видит что-то, что позволяет ему сказать: «Ничего, не унывайте, просто они еще не знают Евангелия, мы здесь все преобразим, это ведь тоже наш приход!»

---

* «Жизнь всякого святого есть как бы новое цветение, чудодейственная непосредственность, пролившаяся из рая» (Бернанос).

Там, где для кого-то мог быть конец, для него всегда было только начало. Вся страна была для него «н а ш приход», так много было в нем любви и призвания. Он говорил, что мы призваны к святости, и что святость есть осуществленная в жизни посвященность Богу. Жизнь его, определившаяся встречей со Христом, была сплошная готовность творить волю Божью. Поэтому, наверно, его книги, рассказывающие нам о Христе, говорят очень многое о нем самом. Читаешь какую-нибудь из его книг и вдруг заплачешь, казалось бы не к месту и без повода, а дело в том, что слово его попадает в сердце, и там становится горячо, как бывает при молитве, и как бывало, когда он говорил с нами, увлекая в ту жизнь, где в центре — Господь, Его Царство, где все неслучайно, полно радости и глубочайшего смысла, все освящено Его присутствием, потому что нет в нашей жизни ни одного дня, ни часа, когда бы Воскресший не стоял у двери нашего сердца и не звал бы нас к Себе, за Собой...

Почему же мы плачем, перечитывая его книги, почему т а к не хватает его физического присутствия?.. Потому, вероятно, что мы тоскуем по его любви, той особенной любви, которой он каждого из нас осчастливил, по любви, пронизанной Божьим Светом.

И когда читаешь его книги, вдруг с какой-нибудь страницы повеет на тебя знакомое горячее чистое дыхание э т о й любви, наверно, для того, чтобы пробудить нас — «встань, спящий», а, может, чтобы утешить — «я здесь, с вами», или призвать — «возьми свой крест...»

А что касается всего остального, то горевать нечего , он ведь нам все главное сказал, рядом с ним всегда решался один главный вопрос, и то, что мы не услышали, пока он был с нами, становится внятно теперь, когда мы созерцаем его смерть, и начинаем понимать, что наша вера — стояние у Креста.

Когда он был рядом с нами, понимали ли мы, что сияло в нем? Понимаем ли мы теперь, что это сиял в нем его крест?..

Священник Георгий КОЧЕТКОВ

ПРОПОВЕДЬ,

произнесенная в храме Успения
Пресвятой Богородицы в Печатниках
21 января 1995 года в субботу по Богоявлении
во время воскресной вечерни
накануне 60-летия со дня рождения
отца Александра Меня

Скоро завершается праздник Богоявления. В пятницу — его отдание, и мы с вами продолжаем вникать в тайну, — тайну свидетельства Божьего.

С одной стороны, мы зрим свидетельство Бога о Сыне Его возлюбленном — Господе нашем Иисусе Христе, Которого надо слушаться, и слушаться более, чем кого бы то ни было. Никогда в истории не было, нет и не будет другого такого Человека, Которого надо было бы так слушаться, дорогие братья и сестры! И это свидетельство Божье о Сыне Божием требует от нас быть свидетелями, живыми свидетелями Христовыми. Это свидетельство, исполненное радости и веселья, жизни и света, всегда есть участь Любви, всегда требует от нас крестоношения. Нам надо быть крестоносцами, христоносцами и богоносцами, как это было в прежние века христианской истории, когда христиане не стеснялись так говорить о себе, когда они не только говорили, но и поступали так. Быть богоносцем настолько, чтобы появление христианина связалось у других людей с Богоявлением, — понести свой крест, крест любви Божьей, ибо без этой любви нет крестоношения, нет и свидетельства.

Чтобы нести свой крест, нужно отвергнуться себя. И это трудно, дорогие братья и сестры. Нужно вновь, вновь и вновь научиться нам подставить другую щеку, когда тебя ударяют по одной, нам нужно научиться благословлять гонящих нас и проклинающих нас, нам нужно научиться жить в «свободе славы детей Божьих», и это также непросто.

В наше время нужда в свидетельстве о Христе как никогда велика. Богоявление должно быть для нас праздником не просто освящения воды, но освящения всего мира, передачей его всего Богу, насколько в нашей власти, насколько в нашей силе это сделать сейчас. Мы знаем, что наших сил немного, и власти у нас совсем почти что и нет, но мы знаем, что за нас ходатайствует кровь Христова перед Богом, за нас ходатайствует и кровь мучеников, кровь всех верных свидетелей Божиих. Верность Богу требует жертвы. Надо отвергнуться себя и отвергнуться до конца, отдав свое сердце Богу, зная, что Богу ничего другого не надо, кроме этого. Кроме нашего сердца, кроме нашего духа. Если сокровище наше будет на небесах, то и все мы будем там. Человек может совершать ошибки, и все мы много согрешаем, однако, мы надеемся, что если отдадим все сердце свое Богу, то эти ошибки и согрешения будут покрыты. Мы должны, в конце концов, сами судить по плодам и верить, что будем также оценены по конечным плодам нашей жизни.

Иногда об этом забывают. И тогда нам становится грустно и печально, потому что забывается самая основа христианской евангельской жизни. Вот вам пример: завтра 60-ти летие со дня рождения отца Александра Меня, человека, который жил и действовал активно, постоянно, бесстрашно многие годы. Человека, которому приходилсь иногда защищаться, иногда менять свои решения, иногда как бы, по-человечески говоря, хитрить перед лицом власти карающей и беспощадной, или перед лицом церковного невежества, перед лицом тех, кто думал видеть в нем чуть ли не врага Церкви. Господь дал ему мученическую кончину. По-человечески мы знаем — ее могло бы и не быть, однако, по Божьей воле есть то, что есть. И для нас это знамение, для нас это знак, для нас это тоже свидетельство с неба. Мы не можем пренебречь этим плодом, этим венцом его жизни. Мы не имеем права переступить через кровь, даже если бы мы были недовольны каким-нибудь словом или какой-то фразой или какой-то мыслью этого священника — верного Богу

и церкви, жившего по совести и имевшего смелость свидетельствовать о своей вере не стилизуясь, не подделываясь в главном.

Его свидетельство привело многих и многих в церковь, но сопротивление какой-то, численно большой части церкви его свидетельству говорит о том, что в церкви не все на месте, не все здорово, не все правильно. Это — разномыслие, разногласие, это — нежелание большой части верующих даже вступить в диалог, объясниться честно, а не из-за угла и лицемеря, как это бывает сплошь и рядом, или фанатично и жестоко, без соотнесения с Божьей волей и Божьим знамением, а лишь соотносясь со своими идеологенами и мифологенами. Это невозможность нормального перетекания сил, энергии, идей, духа от одной части церкви к другой, говорит о том, что какие-то сосуды в церковном теле как бы закупорились, стали непроходимы, как бы слишком сгустилась и отяжелела текущая в них кровь от недостатка воздуха, кислорода в ней. От всех нас зависит, дорогие братья и сестры, будет ли этот живительный кислород для тела дан или нет.

Вспоминая отца Александра, все те, кто знал его лично и все, кто о нем слышал, его читал, пусть, может быть, лично и не знал, — все мы прежде всего видим, что он был свидетелем времени. Он исполнил свое предназначение, он сделал то, ради чего был послан на эту землю. Нам всем надо было бы поддержать все то доброе, что делал отец Александр и люди подобные ему в XX-м веке, в те труднейшие времена,когда огромная масса членов церкви немотствовала, молчала и бездействовала даже тогда, когда можно было действовать и говорить, когда согбенные страхом и параличем, им вызванным, многие и многие люди научились во мраке высказывать свое неудовольствие, ропот, недоверие, при этом не показывая ни мудрости, ни понимания, ни открытости. Эта удушливая атмосфера сейчас так ясно проявилась и отразилась в судьбе как последователей отца Александра, так и тех, кто не считает его врагом церкви. А таковых в мире, может быть, большинство, но в нашей церкви, или в нашем городе вряд ли большинство.

Мы знаем, как иногда, не стесняясь, люди говорят: «Книги отца Александра?! Нет, не продаются и не могут продаваться в нашем храме» И это слышишь то в одном, то в другом, то в третьем, то в десятом, то в двадцатом месте. Что сделали те,

кто так говорит, для церкви? Кого они привели к вере? В чем разобрались? Работали ли они ночами и днями? Могли ли бы они, будучи сутками допрашиваемы в КГБ, остаться достойными и никого не предать?! Могли ли они думать о судьбах народов и готовить будущее Церкви?

Наша церковь оказалась преступно неготовой к наступившей эре свободы. Настолько неготовой, что нам грозит потерять эту свободу. Мы теперь можем ее потерять добровольно. И первые ростки этого мы уже видим. Нет КГБ, нет идеологического контроля над церковью, — так давайте создадим его сами себе! Введем цензуру, введем этот контроль и будем лишь штамповать, механически воспроизводя давно минувшее прошлое, далекое от христианских идеалов.

Мы — свидетели таких вещей в эти дни. Когда на конференции «Единство Церкви» прозвучал голос всем вам известного священника о необходимости церковной цензуры, никто не возмутился, кроме тех, кто возмущался самой этой конференцией.

Когда за год или за два до того стали раздаваться голоса среди священства о необходимости восстановления отмененного чина анафематствования в День Торжества Православия, мы тоже не услышали ни одного серьезного голоса против этого.

Что ж, мы можем пожать плоды всех этих вещей, и скоро. То, на что Дух Святой нам указал как на наши ошибки, то, что было отменено самой историей, — пытаются реставрировать, не сделав никаких выводов из уроков XX-го века. И это, дорогие братья и сестры, симптом страшной болезни. Отец Александр Мень пал от руки такого же больного человека, который представлял такие же больные силы, больные, и в основе своей преступные.

Уже был у нас с вами повод называть конкретно эти силы, и я повторять этого не буду. Нам нужно продолжать то, что делал отец Александр и что делали люди, подобные ему. Мы должны вспомнить о нем и вспомнить об этих людях, ибо, конечно, он не был одинок. Слава Богу, он не был одинок в нашей церкви! Его поддерживала не просто кучка интеллигенции или молодежи. Его поддерживали просвещенные слои церкви, хотя могли в чем-то держаться своих мнений, в чем-то спорить с ним — живым. Достойно спорить с человеком живым. И часто это достоинство утрачивается, когда пред нами

образ человека, отдавшего свою жизнь, свою кровь за Христа. Мы должны всегда это чувствовать, мы должны чувствовать ту меру, которая полагается Самим Богом. Мы многое должны отдать суду Божьему, и мы должны взять все доброе, хорошее, главное, дерзновенное, что дает нам память таких людей.

Вряд ли кто-нибудь сейчас может сомневаться в том, что его имя стало историческим в нашей церкви. Вряд ли победят те мрачные обскурантистские силы, которые сейчас воюют, нещадно воюют против него и тех, кто признает его достойным представителем нашей церкви. У них нет перспективы, они не победят, но зависит от нас, насколько убедительной для всех будет победа Света над тьмой, Бога над ненавистью и мраком.

Мы часто сами скрываемся, боимся, мы часто сами искусственно делаем вид, будто нет никаких противоречий. Мы пытаемся делать вид, что пользуемся плодами мира там, где мира нет. Сначала давайте достигнем мира, а потом будем пользоваться его плодами.

В этом миротворчестве — воля Божья. «Блаженны миротворцы, ибо они сынами Божьими нарекутся.»

Как жаль, что мы так часто поем эти евангельские «блаженства» в храме, да еще на славянском языке, так, что все это знают и уже давно никто не задумывается над их смыслом. Это подобно школьному процессу. Прекрасные книги обсуждаются в школе так, что потом за них не хочется браться. «Блаженства» евангельские для нас — сокровенные слова Господа. Их надо оживить и раскрыть в своей жизни и тогда это будет новым Богоявлением для нас и для нашей церкви.

Сейчас, в неделю о Богоявлении, мы празднуем Воскресный день и Богоявление, Крещение Господне. Пусть же эти евангельские слова, эти великие призывы Христа обновятся в нашей жизни так, чтобы образы всех свидетелей верных, в том числе отца Александра Меня, ожили в нас, чтобы они смогли принести новый плод, чтобы мы не постеснялись нести свой крест даже до смерти, даже до пролития крови. Чтобы мы снова открыли свои объятия и возрадовались каждому человеку, кого ни призовет Господь, вне зависимости от его прежней жизни, национальности, культуры, возраста, социального и прочего положения. Чтобы мы снова увидели в церкви живую жизнь, а не ту или иную форму быта и ритуала.Обо всем этом нужно горячо молиться, дорогие братья и сестры, не жалея себя, не жалея

своего сердца и ума, потому что нам сказано, что блаженны чистые сердцем. Пусть же снова подтвердится в нашей жизни слово апостольское «Болеет один член — болеет все тело. Прославляется ли один член — прославляется и все тело».

Смерть отца Александра прославила вновь и вновь тело Христово. Оно прославляется, и мы благодарим Бога за этот камень преткновения и соблазна, который позволяет христианам лучше увидеть себя и почувствовать, «что есть Воля Божия — благая, угодная и совершенная».

Дай Бог и нам не пасть под тяжестью своего креста, но получить венец правды, неся его до конца! Аминь.

г. Москва

Протоиерей Александр МЕНЬ

О ДУХОВНОМ ОПЫТЕ

Ответить на Ваш вопрос и рассказать о том, что называется духовным опытом и путем *, мне не легко, и не потому, что Вы застали меня врасплох, а по той причине, что я всегда избегал говорить о подобных вещах в личном плане. Что-то останавливало. Назовите это замкнутостью, скрытностью или как угодно, но эта черта — свойственная мне во все времена жизни. Кроме того, я обычно остерегаюсь «раскрываться» по трем соображениям. Во-первых, есть нечто, так сказать, духовно-интимное во встрече души с Богом, что не терпит чужого глаза, во-вторых, при злоупотреблении священными словами что-то стирается и теряется (намек всегда сильнее), в-третьих, даже большим мастерам слова редко удается найти соответствующие выражения для невыразимого. Один писатель метко заметил, что куда легче поведать об аде, чем о рае...

Но все же, уступая Вашей просьбе и аргументам, попробую коснуться некоторых аспектов.

Начну с того, что я плохо понимаю резкое деление на «светское» и «религиозное». Для меня это термины в высшей степени условные. Хотя в детстве мне объяснили, что есть «особенные» предметы и темы, но это скорей вытекало из условий жизни среди чуждых по духу людей. Постепенно это деление почти потеряло смысл, поскольку все стало на свой лад «особеным». Любая сторона жизни, любая проблема и переживание оказались непосредственно связанными с Высшим.

---

* Отец Александр отвечает на просьбу Зои Афанасьевны Масленниковой написать о своем пути к Богу, о своем духовном опыте (*примеч. ред.*)

Отец Александр дома, в рабочем кабинете.
Семхоз, декабрь, 1986 г.
Фото Софии Руковой.

Жить так, чтобы «религия» оставалась каким-то изолированным сектором, стало немыслемым. Поэтому я часто говорю, что для меня нет, например, «светской литературы». всякая хорошая литература — художественная, философская, научная — описывающая природу, общество, познание и человеческие страсти, повествует нам об одном, о «едином на потребу». И вообще нет жизни «самой по себе», которая могла бы быть независимой от веры. С юных лет все для меня вращалось вокруг главного Центра. Отсекать что-либо (кроме греха) кажется мне неблагодарностью к Богу, неоправданным ущемблением, обеднением христианства, которое призвано пронизывать жизнь и даровать «жизнь с избытком».

Мне всегда хотелось быть христианином не «при свечах», а при ярком солнечном свете. Меня не привлекала духовность, питающаяся ночным сознанием, имеющая оккультный привкус (хотя и под православной оболочкой). Я всегда ощущал, что «вне» Бога — смерть, рядом с Ним и перед Ним — жизнь. Он говорил со мной всегда и всюду. Собственно, это редко выражалось в каких-то «знамениях», да я и не искал их. Все было знамением: события, встречи, книги, люди. Именно поэтому я мог и любил молиться, где угодно, чувствуя присутствие Божие в самой, казалось бы, неподходящей обстановке. Помню, однажды такое чувство особенно сильно вспыхнуло во мне, когда сидел в саду напротив Большого театра (и таких случаев было много).

Но если уж говорить о каких-то моментах особого подъема, то они связаны с Евхаристией, природой и творчеством. Впрочем, для меня эти три элемента нераздельны. Евхаристию всегда переживаю космически и как высшее осуществление даров, данных человеку (то есть творчества и благодати).

О природе я упомянул не случайно. Созерцание ее с детства стало моей «теологиа прима». В лес или в палеонтологический музей я входил, словно в храм. И до сих пор ветка с листьями или летящая птица значат для меня больше сотни икон.

Тем не менее мне никогда не был свойственен пантеизм как тип религиозной психологии. Бог явственно воспринимался личностно, как Тот, Кто обращен ко мне. Во многом это связано с тем, что первые сознательные уроки веры (в пять лет) я получил, знакомясь с Евангелием. С тех пор я обрел во Христе Бога, ведущего с нами непрерывный диалог.

Хотя я дорожил ровным светом и боялся всякой экзальтации и аффектации, в какой-то момент пришло и то, что можно

назвать «обращением». Это было где-то на рубеже детства и юности, когда я очень остро пережил бессмысленность и разрушимость мира. Тогда я исписывал тетрадки мрачнейшими стихами, которые диктовались не пессимизмом характера, а открытием «правды жизни», какой она предстает, если выносят высший Смысл «за скобки». И тогда явился Христос. Явился внутренне, но с той силой, какую не назовешь иначе, чем силой спасения.

Тогда же (это было больше тридцати лет назад) я услышал зов, призывающий на служение, и дал обет верности этому призванию. С тех пор оно определяло все мои интересы, контакты и занятия. Вместе с этим пришло решение стать священником. Это самое большое, что я могурассказать...

Неисчислимое количество раз я узнавал Руку, ведущую меня. Ее действие проявлялось даже в мелочах. Это напоминало камни мозаики, ложащиеся на заранее приготовленный рисунок. А над всем — если выражаться выспренним языком — светила звезда призвания.

«Храмовое благочестие» вошло в меня органически, с 12-ти лет, но оно никогда не казалось мне всеобъемлющей формой христианства (хотя одно время я бывал в церкви ежедневно, а с 15 лет стал прислуживать в алтаре). Я воспринимал его как часть (притом вспомогательную) того огромного мира, который включает в себя вера.

Как-то в школьные годы одна знакомая, зайдя к нам и увидя меня сидящим за книгой по антропологии, заметила: «Ты все э т и м занят». Она имела в виду религиозные, богословские темы. Хотя книга была «светской», но эта женщина хорошо меня знала и понимала «откуда дует ветер»...

Занятия естествознанием (начавшиеся очень рано) воспринимались мной как приобщение к тайнам Божиим, к реальности Его замыслов. Изучая препараты или наблюдая в микроскоп жизнь инфузорий, я как бы присутствовал при некой мистерии. Это осталось навсегда.

То же было и с историей, интерес к которой пробудило чтение Священного Писания. Мне была дорога каждая черта, которая могла пролить свет на библейские события. Отсюда любовь к древнему Востоку и Риму, служившим фоном священной истории. Не меньше волновала меня и история Церкви, в которой я искал реальные пути и способы осуществления евангельского идеала. Прочтя в детстве Жития, я понял, что в них много декоративного, легендарного, не связанного с действи-

тельностью. Это привело к поиску подлинных источников, который стимулировался чтением неоконченной рукописи о. С. Мансурова (я познакомился с ней в году 50-ом, теперь она опубликована в «Богословских трудах»).

Еще раз повторяю: все вращалось вокруг одного стержня. Я не желал «оглядываться назад», поскольку рука уже лежала на плуге. Бог помогал мне явным и неприметным образом. В багаж для будущей работы шло все: занятия искусством, наукой, литературой, общественные дела. Даже трудности и испытания оказались промыслительными.

Хотя со стороны могло показаться, что молодой человек просто имеет большой диапазон интересов, но на деле они были подчинены единой цели. Некоторые юноши в этом возрасте, живя церковной жизнью, нередко склонны отрясать прах всего «светского». Быть может, и я переболел такой болезнью, но не помню этого. Помню лишь проникнутость идеей «освящения» мира. «Опрощенчество» церковного нигилизма казалось никак не соответствующим широте и свободе Евангелия.

Многие наставники моей юности были связаны с Оптиной пустынью и с «маросейским» приходом отцов Мечевых. В этой традиции меня больше всего првлекала открытость к миру и его проблемам. Настойчивый голос твердил мне, что если люди уходят в себя, не несут свидетельства, глухи к окружающему, — они изменяют христианскому призванию. Я узнал силу молитвы, но узнал также, что сила эта дается для того, чтобы употреблять ее, действуя «в миру».

Принятие сана (в 1958 году) не переживалось мной как переломный момент, а было органическим продолжением пути. Новым стала Литургия...

С теневыми сторонами церковной жизни наших дней я столкнулся рано, но они меня не «соблазняли». Я принимал их как упрек, обращенный ко всем нам. Как побуждение трудиться. Харизмы «обличительства» у меня никогда не было. Однако обывательское, бытовое, обрядовое православие огорчало. Стилизация, елейность, «вещание», полугипнотические приемы иных людей представлялись мне недостойным фарсом или потворством «старушечьей» психологии, желанию укрыться от свободы и ответственности.

Было бы ошибкой думать, что меня миновал соблазн «закрытого», самоуспокоенного христианства, обитающего в «келье под елью», что мои установки целиком продиктованы харак-

тером. Напротив, мне не раз приходилось преодолевать себя, повинуясь внутреннему зову.

Мне неоднократно была явлена реальность светлых и темных сил, но при этом я оставался чужд «мистического», или, точнее, оккультного любопытства.

Я слишком хорошо сознаю, что служу только орудием, что все успешное — от Бога. Но, пожалуй, нет для человека большей радости, чем быть инструментом в Его руках, соучастником Его замыслов.

сентябрь 1979

Андрей ЕРЕМИН

Родился в 1950 году, в общину к отцу Александру Меню пришел в 1977 году, с 1981-го года нес клиросное послушание; с 1986 помогал в алтаре; с 1981-го года вел группы евангелизации и катехизации.

После гибели отца Александра участвовал в издании трех сборников его проповедей в качестве составителя и в качестве главного консультанта — в издании семитомника отца Александра, куда, кроме истории религий, седьмым томом была включена книга «Сын человеческий». Опубликовал в журналах «Искусство кино», «Знамя», газете «Русская мысль» и др. ряд статей на церковные темы и об отце Александре.

ОТЕЦ АЛЕКСАНДР МЕНЬ И ЕГО ШЕСТИТОМНАЯ «ИСТОРИЯ РЕЛИГИЙ»

(Доклад прочитанный на конференции, посвященной наследию о. Александра в Шантийи под Парижем в ноябре 1993 года.)

Сейчас, когда многие книги отца Александра Меня уже изданы на родине, когда аудитория его читателей насчитывает сотни тысяч человек, пришло время подумать о том, что является характерным для всего его творчества и какие особенности отличают каждую его работу в отдельности.

И, прежде всего, это необходимо понять относительно главных трудов его жизни, таких как «Сын Человеческий» или шеститомная «История религий», которые не успев начать печа-

таться в России, породили вокруг себя самые фантастические мнения. Но, чтобы составить себе верное представление об этих и о других книгах отца Александра, важно помнить, что их автор был не только писателем-богословом, и что литературно-богословская работа никогда не была для него самоцелью; она всегда органично включалась во всю его жизнь — жизнь священника, пастыря, миссионера.

Именно эти служения, в первую очередь, определяли выбираемые им направления богословских изысканий, темы книг и их литературный жанр.

А с другой стороны, отец Александр всегда писал только о том, что ему самому было особенно интересно, что захватывало его целиком. Например, в детстве таким объектом, поразившим его воображение, был мир живой природы. И уже в 6 лет он попробовал сделать свою первую иллюстрированную книжку о мире животных.

Но в 12 лет в его жизнь вошла тайна, вошла любовь, несравненно превышающая его любовь к природе — тайна веры. Нельзя сказать, что до этого он был неверующим. Он вырос в православном, достаточно традиционном, хотя и интеллигентном окружении близких ему людей. Но, как он сам позже напишет в своей шеститомной «Истории религий» о природе веры, сущность подлинной религиозности состоит в «ощущении человеком присутствия Бога, во встрече с Ним, в любви к Нему, в жажде познания Его». И в жизни отца Александра были моменты особого присутствия Бога, которые он определял как этапные встречи, особые Откровения, Призывы, которые на многие годы определяли его судьбу.

Именно после того, как он пережил в детстве первую особую Встречу с Господом, у него возникло желание поделиться опытом своей живой веры на страницах книги. В результате появился рукописный вариант «Сына Человеческого», автору было тогда 15 лет...

В дальнейшем он переписывал эту книгу несколько раз, она обогащалась научными данными, историческими и богословскими приложениями, но всегда оставалась, прежде всего, его «Символом веры».

Следующей книгой по замыслу будущего отца Александра, должна была стать многотомная «История Церкви» (в свое

время таков был замысел и Владимира Соловьева, которого отец Александр всегда называл своим духовным учителем).

Он взялся за этот труд еще в юношеские годы. Однако, когда рукопись первого тома была оформлена в виде книги и стала доступной для чтения в кругу друзей его семьи, она не встретила одобрения. Здесь нет места объяснять причины более чем прохладного отношения к его интерпретации церковной истории (достаточно сказать, что его видение событий и людей уже тогда было отмечено духом терпимости и открытости), но он довольно быстро пришел к выводу, к которому пришел до него и Владимир Соловьев: для такой книги читателя надо сначала подготовить, или даже создать. А для этого до «Истории Церкви» необходимо написать христианское изложение истории мировых религий, в которой происхождение и место христианства было бы показано с позиций всей совокупности как исторических, так и богословских знаний.

Известно, что В.Соловьев этот замысел осуществить не успел, но по его мыслям, идеям группа авторов — среди них А. Ельчанинов, С.Булгаков и П.Флоренский — в начале века написали краткий курс истории религий. Он был издан в 1911 году и послужил для отца Александра отправной точкой. (До этого были и другие попытки выполнить замысел В. Соловьева, но все они не были доведены до конца.) Что же касается очерка А. Ельчанинова и др., то хотя он и был закончен, но по словам отца Александра, «освятил, да и то кратко лишь важнейшие этапы религиозной истории». В дальнейшем планы создания такой истории были намечены Н.Бердяевым в работе «Наука о религии и христианская апологетика». О западных авторах отец Александр говорил, что наибольшее влияние на него оказали идеи Кристофера Даусена.

Итак, отец Александр поставил перед собой задачу: «выполнить то, что завещал Владимир Соловьев нашему времени. И по возможности доступно изобразить драматическую картину духовной истории, воссоздавая ее в свете целостного христианского мировоззрения».

Другая задача «Истории религий» отца Александра, которая несомненно была близка и Владимиру Соловьеву — показать универсальный характер Божественного Домостроительства. На такую цель указывают многие сквозные темы шеститомника, а

также само стремление автора искать и находить в разных религиях общие динамические и статические факторы.

И еще одну важную задачу несомненно ставил перед собой автор: продемонстрировать истинно христианское отношение к другим религиям, создать платформу для диалога, снять барьеры конфронтаций, воздвигнутые временем, незнанием, предрассудками. Остановимся теперь на методах, используемых автором для решения поставленных задач. Отмечу главное.

Прежде всего для отца Александра «История религий», (как и вообще всякая история) — это история великих личностей. Он писал: «История мысли — это в значительной степени история мыслителей. Вечный гений оплодотворяет нерасчлененную бесформенную стихию традиций, созидая нечто новое». «Именно творческая сила личности определяет развитие религии». И в другом месте: «схематические построения, догматические аллегории и легенды не могут создать настоящей религии. Новые религии, как новое видение мира и человека, как новое откровение и новое постижение, всегда зарождаются в глубинах человеческой личности».

И вот, на страницах шеститомника через судьбы конкретных людей, повлиявших на духовное развитие своих народов, через обстоятельства их жизни и служение, через их призвание, автор показывает нам направление религиозной истории, а так как Бог наш есть Бог истории, то и волю Бога.

Можно поэтому сказать, что глубочайшее уважение отца Александра к героям своего повествования есть другая сторона его благоговения перед Святым Духом, дыхание Которого он ощущал в каждом зачинателе новой религиозной традиции. Очевидно, отец Александр видел в таких людях действие Божественного промысла.

Возможно, поэтому его портреты духовных учителей человечества всегда очень добрые. Читатель не встретит в его книгах попыток приписать нехристианским учителям, например, демонические черты.

За такой явный пиетет автора к основателям мировых религий и религиозных учений, некоторые критики сегодня считают возможным упрекать отца Александра в излишней терпимости к иноверию. Они не понимают, что для историка-христианина такая терпимость — прежде всего, дань уважения к Своему Небесному Отцу, Которому было угодно направить разные на-

роды в определенное время по одному Ему известным путям... И отец Александр спокойно ведет читателя по этим путям, путям Божественного Домостроительства, предлагает всматриваться, изучать, сопоставлять, вдумываться, чтобы уже потом помочь осмысленно вернуться на ту дорогу, которая была и его собственной — дорогу пророков Ветхого Завета, прямо восходящую на вершину Евангельского Откровения. Надо заметить, что отец Александр предвидел, что некоторым читателям почудится в его книгах апология нехристианских верований, и тем не менее не счел нужным оберегать их от такого «соблазна». Сам он говорил об этом так: «Сфера религиозная — совершенно особая сфера. Без проникновения в самый дух вероучений, без частичного отождествления себя с их исповедниками невозможно ничего понять в сущности религий. Только путь внутреннего сопереживания, когда мы ищем истину вместе с анимистом, буддистом или греческим мыслителем, может помочь уловить подлинную динамику религий».

Читатель, следующий за автором по ступеням духовного развития человечества начинает глубже понимать и САМО христианство, ибо получает «возможность по новому взглянуть на Евангелие, увидеть его в широкой мировой перспективе».

В результате такого «посвящения» история религий представляется уже «не скопищем заблуждений, а потоками рек и ручьев, несущих свои воды в океан Нового Завета».

Другой способ, которым пользуется автор, чтобы помочь читателю прикоснуться к исследуемой древней культуре: он приобщает его к ее литературному наследию. На страницах шеститомника встречаются выдержки из литературных произведений древнего Шумера и Египта, шедевры Китайской поэзии и буддистские сутты и, конечно, обильные цитаты из Библии.

При этом отец Александр хорошо понимал, что нельзя оставлять читателя один на один с миром непонятных символов и метафор, пусть формально и переведенных на русский язык. Используя весь аппарат современной научной экзегезы и одновременно старательно уходя от наукообразного языка, автор помогает преодолеть все барьеры непонимания и делает древние тексты и интересными и близкими.

Если мы к тому же обратим внимание на подробнейшие библиографии к каждому тому, то нам станет ясен и еще один замысел отца Александра: посвятив читателя в язык древних

культур, приоткрыть ему мир духовных и литературных первоисточников. Это особенно важно в такие времена как сегодня, когда многие обращаются к второсортной оккультной и теософской литературе, которая, по мнению отца Александра, чаще всего опошляет и извращает идеи великих учителей древности.

Чтобы помочь своему читателю, отец Александр пользуется и письменными памятниками и данными археологической науки, благодаря которой мы можем теперь в деталях знать особенности древнего быта... На неоспоримое преимущество такого «научно-критического исследования исторической человеческой оболочки» указывал протопресвитер Алексей Князев в своем предисловии к 6 тому «На пороге Нового Завета». Он писал, что «именно благодаря открытиям в области истории, философии, палеографии, других вспомогательных наук в области исагогики мы сегодня имеем возможность еще ближе, полнее и подробнее видеть действие открывающего Себя Бога человечеству и устрояющего его спасение». Алексей Князев — один из немногих современных православных ученых, кто сразу одобрил замысел отца Александра и кто призывал благословение на его труд...

Этот экскурс в методы отца Александра будет неполным, если не сказать о литературном стиле, о языке, на котором это огромное произведение написано. Мне навсегда запомнятся первые впечатления от чтения этих небольших, прекрасно оформленных, с таким трудом доставленных из-за границы книг: это было чувство НАСЛАЖДЕНИЯ. Охватывал восторг от сочетания глубочайшей мысли с поэтической метафоричностью, кристальной ясностью изложения, динамичностью повествования и даже некоторой лапидарностью. Все было подчинено единому замыслу, и затягивало как хороший детективный роман... Можно вспомнить и слова самого автора который писал, что задумал свое повествование «в духе повести или даже поэмы».

Факт того, что книги отца Александра не пособие и не учебник, а прежде всего, высокохудожественное литературное произведение, надо иметь в виду при подготовке их переводов на другие языки, но не менее важно учитывать всем издателям то, как щепетильно относился автор к оформлению книг шеститомника. Он считал абсолютно необходимым, чтобы эти книги были снабжены богатым иллюстративным материалом, отражающим культуру соответствующей цивилизации или эпохи.

Шеститомная «История религий» была закончена к концу 70-х годов. Но на самом деле томов, раскрывающих замысел автора рассказать о путях Божественного Домостроительства, могло бы быть пять, потому что именно в пяти книгах рассказывается о различных религиях и о религиозном восхождении человечества к Евангельскому Откровению. Однако, понадобилась еще одна книга, первый том, «Истоки религии», который сам отец Александр называл введением ко всем остальным книгам.

Объясняется это тем, что ему прежде всего надо было установить со своей предполагаемой читательской аудиторией языковый, понятийный контакт. В аудитории же этой — будем помнить — были люди, не только неверующие, но со школьной скамьи усвоившие стереотипы атеистического воспитания.

Можно даже утверждать, что весь круг тем первого тома определяется именно стремлением автора к налаживанию диалога с читателем. В объеме статьи трудно подробно осветить все вопросы, поднимаемые на страницах этой книги. Приходится опустить такие важные, как сущность и происхождение религий, проблемы взаимодействия науки и веры или воздействия религии на культуру и социальную жизнь и многие другие.

Но вот одна из тем, которую отец Александр разрабатывает в «Истоках религии» достаточно подробно — это тема познания и связанные с ней вопросы: типы познания, роль интуиции в познании, что есть религиозный опыт, место разума в Богопознании, познание мира и идея Бога, и, наконец, важнейший вопрос, что такое Божественное Откровение.

Этот очерк и сегодня достаточно актуален, ибо все советские люди десятилетиями воспитывались на так называемой ленинской теории познания — идеологической системе грубо атеистической, разработанной специально для манипуляции сознанием народных масс.

Не углубляясь дальше в темы, связанные с проблемой познания, можно подытожить, что отец Александр выделяет три типа познания: рациональное, основанное на здравом смысле, далее, высшее — физико-математическое и философское мышление, и третий путь познания — путь непосредственного, интуитивного восприятия. Последний тип познания он считает «наиболее глубинным и полным восприятием реальности, которая превышает, хотя и не исключает все остальные типы познания», ибо «по-

знание, — согласно отцу Александру, — носит целостный характер, в котором тесно взаимосвязаны все три уровня постижения».

В связи с этой темой несколько слов о том, как автор определяет веру в Божественное Откровение.

В любом простом типе познания активной является только одна воля — воля человека. Но когда человек включается в процесс познания сверхчувственного бытия, тогда в соприкосновение входят две активные воли, и такой процесс познания предполагает Диалог. Собственно, тут главное отличие человеческих открытий от Божественного Откровения.

Важнейшим следствием Откровения оказывается то, что человек выходит из Встречи уже не таким, каким он в нее вступал. Что-то происходит и с самим человеком. «Откровение есть процесс тесно связывающий того, кто познает, с Тем, кто ему раскрывается», — пишет автор.

Важно также отметить, что по глубокому убеждению отца Александра встреча с Богом — вовсе не уникальное событие, рано или поздно она «происходит в жизни каждого человека, и религиозный опыт есть опыт универсальный, всечеловеческий... Миллионы людей, имеющих чистое сердце и искренне любящих истину, способны к переживанию Божественной Реальности... Разница же между святыми, религиозными гениями и людьми обыкновенными — в человеческом ответе на Встречу с Богом». Для одних она подобна «мгновенной вспышке молнии, за которой нередко наступает мрак», другие же «всем своим существом приобщаются Божественной жизни и сами становятся ее носителями».

С универсальностью религиозного опыта связывает автор возможность Диалога между представителями различных религий. Глубоко изучив все мировые религии, отец Александр пришел к убеждению, что общим звеном между ними является само «единство человеческой природы, а также родственность переживаний, которые вызывают у человека чувство Высшего и мысль о Нем».

Более того, он уверен, что для тех у кого есть НАСТОЯЩИЙ диалог с Небом, обязательно найдутся общие темы и на Земле, ибо «благоговение, подлинное ядро религий, роднит между собой даже язычника и последователя высших мировых религий».

Важно только не потерять из виду, что такое отношение автора к другим религиям — это не проповедь панрелигии, и не создание универсальной обезличенной религии. В основании позиции автора — глубочайшее уважение к культурным и национальным особенностям религиозных проявлений. Отец Александр в своих трудах всегда выступает против смешения в одну кучу национальных культур и различий, против религиозной эклектики.

«За нее, — говорил он в одной из своих лекций, — ратуют лишь люди, рассчитывающие превратить все религии в некую аморфную массу. Этого хотел Лев Толстой, теософы. Настоящие терпимость, диалог, взаимопонимание не имеют с ней ничего общего».

Надо также учесть, что отношение отца Александра к нехристианским верованиям (о которых, собственно, и идет речь в его шеститомнике) целиком основано на учении отцов Церкви (св. Юстин Мученик, св. Климент Александрийский, и др.) а также более поздних учителей, которые указывали на возможность частичного богопознания даже и у язычников (например, св.Серафим Саровский или святитель Иннокентий Херсонский).

Развивая их мысль, отец Александр писал, что «постижение божественной реальности осуществляется постепенно в строгом соответствии с готовностью человека к мистической Встрече».

Несмотря на то, что как историк автор видит религиозный путь человечества «зигзагообразным и неровным», тем не менее он убежден, что путь этот «устремлен к свету Богочеловека».

Другой важной темой первого тома, дающей нам представление о взглядах отца Александра, является тема эволюции. Будучи последовательным эволюционистом, он не видит противоречий между Божественным Откровением, запечатленным в первой главе книги Бытия, и данными науки. «Откровение говорит нам о сущности и направленности процесса,- утверждает автор, — а наука пытается уяснить его конкретное содержание». В его рассказе об этапах творения поражает, как гармонично и дополняя друг друга могут уживаться вера и научное мышление...

Чтобы не углубляться далее в эту огромную тему, достаточно сказать, что в этом вопросе отец Александр стоял на позициях весьма близких к Тейару де Шардену, причем еще тогда, когда католического ученого в России никто (включая и самого отца

Александра) не знал и не читал. Только в 60—70 годы отец Александр смог сравнить свои мысли с выводами Тейара де Шардена. Он был во многом с ними согласен. Но в отличие от Тейара отец Александр всегда последовательно отстаивал Церковное учение о грехопадении и Спасении. Он писал, что «у Тейара де Шардена, если не по форме, то по существу, как-то теряется проблема искаженности человеческой природы. Она оказывается в стороне от его основной интуиции». А это «ослабляет его учение, отрывает его от реальной действительности».

И еще, с чем не мог согласиться отец Александр, так это с убеждением французского ученого, что «зло — это, прежде всего, естественный продукт "игры больших чисел", что беспорядки и неудачи являются продуктом разложения, который естественно и неизбежно сопровождает жизнь». Однако, понимание Тейаром де Шарденом Церкви как творческого начала в современном обществе было для отца Александра исключительно близким. Более того, он считал это учение чрезвычайно важным именно сегодня, «потому что оно помогает выработке положительного идеала»... «В противовес мрачной безнадежности, враждебному неприятию мира» и Тейар де Шарден и отец Александр предлагают нам сегодня одно: «идти к миру с действенной проповедью Христа».

С темой эволюции для отца Александра тесно связана тема свободы. Для него очевидно, что возможность ложного выбора должна быть обязательно заложена в существо, задуманное как образ и подобие Творца Вселенной.

Одновременно автор начинает развивать темы греха, зла и страдания, которые проходят через все книги его религиозной истории. И на протяжении всего путешествия по мировым религиям отец Александр постоянно выделяет и сравнивает два религиозных направления, два мировосприятия, противостояние между которыми возникло на заре человечества и сохраняется, к сожалению, до сих пор даже в христианстве. Это, с одной стороны, — направления прогрессивной монотеистической духовности, сочетаемые с преклонением и благоговением перед Высшим. А с другой стороны — религиозные тенденции, имеющие истоки в регрессивных элементах греховного подсознания, связанные со стремлением и в «религии находить корыстные цели», с искаженным представлением о своем месте в мире.

Так отец Александр открывает одну из самых важных тем шеститомника — тему магического богопротивления.

С другой стороны через все повествование проходит мысль о том, что «грехопадение не смогло уничтожить образ Божий в человеке», но что со временем «Бог снова начинает возвращаться в его сознание... и, в конце концов, отзвуки первоначальной интуиции Единого и новые духовные поиски приводят к великим мировым религиям и к восстанию против тирании магизма». А те религии уже в свою очередь, считает автор, стали прелюдией к Новому Завету, «раскрывшему миру Сущего в лице Богочеловека».

Название «Магизм и единобожие» как нельзя лучше определяет содержание второго тома «Истории религий» отца Александра. Ибо весь он посвящен завязке мировой религиозной драмы, суть которой именно в столкновении магического мироощущения и настоящей веры.

Начинается же 2-й том с описания состояния человечества, оттесненного от Бога языческими представлениями. «Желание человека быть как Бог, — пишет автор, — отдалило человека от источника жизни и поработило его демонам и стихиям. Это желание не только породило многобожие, но и вскормило магию, магическое миросозерцание». В библейских рассказах о Древе познания и о последующих этапах грехопадения отец Александр видит проявления как раз таких богоборческих притязаний древнейших людей.

В свою очередь, искаженное мировосприятие, стремление «овладеть силами божества, поставить их себе на службу», приводит человека к мысли, «что все в мире связано жесткой причинно-следственной связью, и что определенные ритуалы могут дать в руки человеку рычаг для управления природой и богами». Отсюда, как следствие, нарушение взаимосвязи человека с Богом, появление религий, и, как ни печально, науки. В приложении ко второму тому, отец Александр отмечает, что прототипом магии был первородный грех. Ибо «главный двигатель магии — самость, извечный антипод любви». Это замечательные слова, сказанные не просто ученым, но опытным пастырем, духовидцем, который прослеживает развитие магизма через всю историю человечества от очевидных его демонстраций в древних языческих ритуалах, до более тонких, но не менее

греховных противодействиях, оказываемых Духу Святому, Духу Любви, современными законниками и «фарисеями».

Приверженцы строгого выполнения религиозных законов и ритуалов, к какой бы религии они не принадлежали, обычно думают, что своими действиями они спасают, как минимум, национальную культуру, но для отца Александра очевидно, что именно магическое, родовое мировоззрение с самого начала и на протяжении всей истории цивилизации самым губительным образом воздействовало на ход духовного развития человека. В частности, оно породило идеологию материализма «с его полным отказом от всего, что выходит за рамки чувственного».

С магическим миросозерцанием автор связывает и происхождение коллективного, родового сознания, а также влияние его на культуру и, вообще, на развитие человеческого общества.

Отец Александр настаивает, что подавление личности коллективизмом определяется именно магическими представлениями. Взятые вместе они глубоко антагонистичны христианскому учению о человеке. «Коллектив, подчиненный воле царя-мага, — пишет отец Александр, — заставляет личность раствориться среди племенного целого», «ибо властителям легче управлять массами нежели личностями».

Результат оказывается трагичным: коллективное магическое сознание, давит на народы, «парализует творческую активность и религиозный гений человечества, тормозит движение культуры».

Читая эти строки, мы не должны забывать, что они были написаны в самом эпицентре современной магической, коллективистской цивилизации, явившей всему миру очередной пример духовной, культурной и экономической стагнации.

Рассматривая во 2-м томе первобытные культы, порожденные угасающим религиозным сознанием и жаждой магического самоутверждения, отец Александр, прежде всего, исследует происхождение культа Богини Матери. Глубинные мифологические корни этого культа он обнаруживает в различных языческих религиях: то ей поклоняются под именем Судьбы, или Рока, или Необходимости, то под видом все порождающей Бездны или Материи. Но в любом случае ее ставят всегда выше прочих богов.

Можно было бы пройти мимо, казалось бы, экзотической темы, если бы не очевидные проявления древнего культа в современной жизни России. Ведь все советские идеологические

мифы так или иначе были пропитаны отголосками этого поклонения. Взять хотя бы, к примеру, патриотическое воспитание (понятие «Родина-мать») или песни о судьбе (постоянная тема советских композиторов). Могучая гордая женщина, антипод Честнейшей Херувим, вместе с другими языческими символами до сих пор смотрит на нас с советских «икон» на станциях московского метро, а ее статуи красуются в различных скульптурных группах, и все это доказывает, насколько легко подсознание, освобожденное пропагандой от настоящей веры, впускает в себя элементы языческой архаики...

(О том, что все это вовсе не безобидное явление, свидетельствует наблюдаемое сегодня в политической жизни России слияние крайнего патриотизма, вырождающегося в расизм и фашизм, с реанимируемым древним язычеством).

Другая тема первых глав «Магизма и Единобожия» — пути возникновения доисторического мистицизма. К нему, согласно отцу Александру, восходит не только большинство экстатических языческих культов, вроде шаманских, но также и некоторые пророческие движения древнего Израиля. Вообще же, тема мистики, ее происхождения и развития, — одна из наиболее проработанных и самых интересных во всем шеститомнике. Хотелось бы только отметить, что экскурсы в мистицизм не перегружены необыкновенными историями и приключениями из мира духов. Если автор и использует такие примеры, их цель одна — показать место мистических переживаний в истории религий. И оказывается, что это место совсем не простое, не однозначное....

После погружения в мир древнейших магических культов отец Александр прослеживает развитие языческих представлений в древних цивилизациях Египта, Шумера, Греции и древней Индии. Тогда везде в борьбе двух начал — магии и чистой религиозности в конце концов победила магия.

Но вот, в следующих частях книги мы уже видим, как тонкий, еле заметный ручеек Единобожия пробивается то тут, то там через «воздвигнутые магизмом преграды язычества» в самых различных уголках Древнего мира: в том же Египте и в Древней Месопотамии, в Индии и в Греции. Однако «полноводной рекой, приведшей к возникновению религии Откровения», он становится не в могучих цивилизациях, а в ма-

леньком Израиле, который теперь попадает в центр повествования автора.

Важно отметить, что такое развитие событий отец Александр отнюдь не рассматривает как результат эволюции религий. Вслед за Ж. Даниелю он считает Божественное Откровение Израилю «вторжением в историю Трансцендентного Бога», т.е. чудом. Но с другой стороны это не означает, что Откровение он видит как одностороннее и тираническое воздействие на человека. В Откровении, по мысли автора, приоткрывается тайна Богочеловечества... «преломление небесного света в духе сынов Земли».

Вот почему с темой Откровения так тесно связана тема призвания. Призвания Авраама, Исаака, Иакова, и вообще, призвания сынов Израиля.

Призвание — это тайна, которую нельзя определить однозначно. Но вот, какие ориентиры дает нам отец Александр: прежде всего, подробное описание исторического фона событий, особенностей национальной культуры Израиля и состояния религиозных взглядов. Его рассказ намного короче, чем известные работы на эту тему Соловьева, Бердяева и Булгакова, но не за счет глубины, а благодаря лаконичности метафорического языка автора и ясной логике повествования. «Религиозное призвание Израиля, — пишет отец Александр, — было даром великим и мучительным, и вся история народа-скитальца стояла под знаком борьбы, под знаком исхода — исхода Авраама из Харана, исхода из Египетского рабства, Вавилонского плена, из пут обрядовой религии. Величайшим исходом был исход Израиля в Христианство, который совершила лишь часть народа». Вслед за отцом С. Булгаковым отец Александр видит на Израиле «печать избранничества и осевого положения в Истории». И этим избранничеством он объясняет отношение Израиля к Евангельскому событию... Именно осевое положение в Истории определяет «двойственность Израиля, родившего Мессию и отвергшего Мессию». Более того, с «величием и славой избранных Богом людей» отец Александр связывает благо всех племен и народов.

В то же время отец Александр начинает развивать мысль об универсальном характере Божественного Откровения, данного сначала праотцам Израиля, и дальше, через пророков и Христа, всему человечеству. «Обетование Израилю, — утверждает он,- не носило узко племенного характера». Но светлая точка, воз-

никшая «среди сумерек многобожия, должна была расти, расширяться и превратиться в конце концов в Новый Завет». Здесь отец Александр видит истоки вселенского характера и Нового Израиля — Христовой Церкви....

Еще одна тема, поднимаемая в «Магизме и Единобожии» (связанная с Обетованием и Избранием), — это тема Союза-Завета, и самые блестящие страницы 2-го тома посвящены главному герою Ветхого Завета — пророку Моисею. Глава о нем возможно еще и потому так трогает сердце, что многое в портрете Моисея напоминает самого отца Александра. Ведь им обоим в избытке была дана возможность и сила вдохнуть веру в окружающих их людей, укрепить их на пути поиска истины, вывести их из духовного рабства. И, очевидно, не без личного опыта автор написал, что именно «в общении с открывавшимся ему в горах Владыкой Вселенной черпал еврейский пророк силы для своего непосильного подвига».

В своей «Истории религий» отец Александр часто обращает внимание читателя на трагедии великих людей — Учителей человечества; как правило, эти трагедии связаны с непониманием современниками смысла их призвания и служения.

Это касается и пророка Моисея. Его судьба, действительно, была печальна. С его именем, — пишет отец Александр, связали то, против чего он всегда вел самую решительную борьбу, ведь именно он, — как считает автор, — «положил начало многовековой борьбе против ритуализма».

Последний яркий портрет книги: пророка Илии, овеянного легендарной славой, окруженного каким-то особым почитанием в Русской Православной Церкви. Пророка Илию отец Александр называет вторым Моисеем Израильской религиозной истории, который появился в этой истории тогда, когда Израилю снова угрожала опасность язычества, чтобы «нанести по нему сокрушительный удар». Автор обращает наше внимание на то, что великие пророки призываются, появляются на исторической сцене, когда для народа Божия (будь то Израиль или Церковь) возникает серьезная угроза уклонения с истинного пути.

Великие пророки Моисей и Илия ознаменовали начало духовного переворота в истории религии, но ни того ни другого пророка, — считает отец Александр, — «нельзя рассматривать как изолированное явление. Ведь все человечество стало в это

время просыпаться после магического сна, тяготевшего над миром».

Вторым томом шеститомной «Истории религий» завершается предыстория религиозного возрождения человечества. И с третьего тома, который носит название «У врат молчания», отец Александр открывает свое повествование об осевом времени — эре мировых Учителей. Третий том посвящен религиозным исканиям Китая и Индии, четвертый — Греции и пятый — пророкам Ветхого Завета.

Все три книги объединяет стремление автора находить сходные черты в религиях, возникших в странах, внешне никак друг с другом не связанных. Так, хотя 3-й том чрезвычайно интересен для европейца тем, что в нем приоткрывается завеса таинственности, всегда скрывавшая учения Востока, тем не менее при ближайшем рассмотрении читатель понимает, что ничего принципиально нового в этих религиозных стремлениях не было.

Сравнивая духовные открытия Запада и Востока, отец Александр отмечает родство как в мистических, так и в рационалистических учениях различных стран и эпох.

Говоря о мистике, он прежде всего обращает внимание читателя на то, что восточная школа безмолвия духовно очень близка к Византийскому исихазму, и, что «именно поразительный опыт мистиков Востока положил начало тому богословию, которое мы называем апофатическим (или отрицательным)».

С другой стороны доброе отношение отца Александра к личности Конфуция не мешает ему написать о его учении, что «эта доктрина являлась общечеловеческим соблазном». Ибо и на Западе, и на Востоке во все времена возникали попытки «устранить высшие запросы духа из сознания человека и прикрепить его конечную цель к земле».

В глубокой заинтересованности отца Александра религиями Востока есть и еще одна причина: множество аналогий в духовных проблемах и поисках того времени и нашего, например, подобие мотивов, ведущих к разочарованию в официальных доктринах, в приземленных идеологиях, в рацио.

С фактом очевидного духовного кризиса «христианство» закрытого типа, как всегда, не видит нужды считаться. А от возможной конкуренции со стороны других религий по привычке

думает спастись с помощью государственных границ и противоестественных законов.

Но сегодня, в отличие от прежних времен, положение у закрытых религий стало намного труднее, ибо границы между странами исчезают, и информационные барьеры рушатся. Люди получили возможность выбирать, а выбрав, оставлять привычную культурную оболочку (особенно если она себя чем-то скомпрометировала) ради экзотических или эзотерических культов.

Отец Александр такую ситуацию предвидел. В своем третьем томе он деликатно, но достаточно убедительно объясняет, что вся экзотика восточной мистики только внешняя. Однако это не означает, что он считал ненужным уметь разбираться в основах восточных вероучений. Известно, что в последнее время такие направления как кришнаизм или йога получили широкое распространение в кругах околоцерковной интеллигенции. Однако, критика многими священниками этих учений, как правило, не только не конструктивна, но отличается еще и злобным поношением, обвинениями в демонизме и тому подобное. Естественно, разумного человека, такая критика не убеждает.

А вот отец Александр в своей эпопее уделяет этим течениям достаточно много места. Так о йоге он начинает свой рассказ в 3-м томе, и заканчивает в 6-м. Это подробный и добрый анализ, который может стать хорошим пособием для священников, которым приходится вести диалог с адептами йоги.

Но главное место в третьем томе, конечно, отведено буддизму, причем, отец Александр, как всегда, очень большое внимание уделяет основателю учения. Само возникновение буддизма, по мнению автора, не в последнюю очередь объясняется личностью Будды.

«Удивительная притягательность и тонкое психологическое чутье, — пишет он, — нежный вкрадчивый голос, привлекательная внешность, ореол святости и бесстрастия — вот что оказывало колоссальное воздействие на окружающих».

Другим преимуществом Будды был его простой и ясный язык, на котором он говорил об очень важных вещах.

Но, конечно, не только внешними факторами объясняет отец Александр популярность Будды и его учения, ведь буддизм обещал миру спасение...

Отца Александра часто спрашивали на лекциях о сходствах и различиях буддизма и христианства, ведь и то, и другое учение обещают Спасение.

Так вот, несмотря на то, что многие обрядовые стороны в них совпадают, «в буддизме, — писал отец Александр, — различия между восточными религиями и христианством достигают своего апогея». И главная причина тут в том, что по своей сути христианство есть религия воплощения, а буддизм — развоплощения. Кроме того, в оригинальном буддизме нет попыток обрести Живого Бога. «Если в Упанишадах и Махабхарате такие попытки есть, то Будда отвергает уже все, кроме трансцендентного». Это значит, что «Бог как Творец, как Разум, как Любовь — Бог, изливающий Свою благодатную мощь на созданную Им вселенную, был неведом Будде.» В результате такого анализа отец Александр называет Будду атеистом, а созданный им буддизм «странной религией без Бога».

И все-таки, несмотря на всю эту критику, отец Александр оценивает историческое значение Будды положительно. «Его величие, — отмечает он, — заключается в том, что он провозгласил Спасение главной целью религии, хотя и не мог спасти мир. Но кто впрочем из людей смог бы совершить это?» Будда «был поистине достоин любви и уважения», — так автор заканчивает свой третий том « У врат молчания».

В конце этой книги есть статьи-приложения, среди них весьма актуальное сегодня приложение о Перевоплощении, Реинкарнации. Всем, кто когда-либо присутствовал на лекциях отца Александра и слышал задаваемые ему бесконечные вопросы о Перевоплощении, не надо объяснять, что у этой статьи будет очень большая аудитория...

В четвертом томе «Дионис, Логос, Судьба», посвященном древней Греции, отец Александр поставил перед собой серьезнейшую задачу: проследить зарождение и развитие ряда идей, которые в дальнейшем оказали значительное влияние на становление европейской культуры и на развитие Вселенской Церкви. Действительно, «мученики и апологеты, учителя и отцы Церкви в большинстве своем — пишет отец Александр, — были сынами греко — римского мира». А уже «через них культура Древней Эллады оказала огромное влияние на всю жизнь христианства». Автор сразу ссылается на известные слова св. Юстина Мученика, говорившего, что «для будущего восприятия

Евангелия почву подготовили и учение Платона, и мировоззрение стоиков, и размышления философов».

Однако хорошо известно, что духовная подготовка не означает приобретение только положительного опыта. Часто, наоборот, разочарование в избираемых целях, в ложно понятых идеалах, в неправедных средствах скорее приводит к настоящему обращению. Так вот у жителей Эллады было более чем достаточно причин пережить необходимый для обращения духовный кризис. Отец Александр пишет: «Романтические представления о прекрасной Элладе, о Золотом веке, о некоей обетованной и спокойной земле после исследований историков 19 и 20 веков оказались не более чем поздним мифом, унаследованным Европой от позднего Возрождения». И легенда оказалась весьма далека от действительности. На самом деле, Греция так же, как и другие страны и культуры, имела все атрибуты, свойственные порочным магическим цивилизациям, «в ней было полно зверств, предательств, безумий, фанатизма. Она знала и коррупцию властей и преследование инакомыслящих и жестокий деспотизм».

Но в том же 19 веке, — утверждает автор, — в результате исследований религии и философии «заново была открыта и мистическая Эллада. И оказалось, что Греция в религиозном поиске шла путем очень близким Востоку». Ей были знакомы и вера в Судьбу, и оргиастические культы, но аналогичны были и результаты: «уныние, растерянность, отвращение к жизни, из которых выход искали в увлечении мистикой и аскетизмом».

Правдивый анализ поисков истины в Древней Греции, который предпринимает отец Александр на страницах 4-го тома, особенно важен для христиан Восточной Церкви, которая многими корнями уходит именно в эту культуру.

Не пересказывая содержания всей книги, хотелось бы выделить несколько самых важных тем и, прежде всего, обратить внимание на те страницы, которые содержат анализ греческих религиозных форм, связанных с радикальным спиритуализмом. Ведь именно через религиозную и философскую мысль Древней Греции проникли в раннехристианские общины такие заблуждения, как манихейство, другие гностические культы и различные церковные ереси. Их общей отличительной особенностью было выхолащивание из христианства тайны Воплощения.

К ранним религиозным сектам, исповедующим крайний спиритуализм, в первую очередь, отец Александр относит орфиков, ибо у них уже были все те « принципы аскезы, которые в дальнейшем стали характерны для манихейства: разделение души и тела, отношение к телесному и материальному как к нечистому».

Еще одна важная тема, поднимаемая в 4-м томе — анализ отличий мистики от мистериальной драмы на примере элевсинских культов. Эти строки особенно интересно читать, когда помнишь, что написаны они не бесстрастным ученым-исследователем, а прослужившим многие годы православным священником. Отец Александр объясняет, что, хотя в «культовой оболочке драмы, возможно, и была какая-то связь с определенным религиозным и нравственным учением, все же они были не способны захватить все существо человека!» Их воздействие на душу человека всегда только внешнее, психологическое. Ведь мистерии — «это, прежде всего, зрелища, а ее участники — прежде всего зрители».

Очевидно, что автор хорошо представлял себе все те многочисленные соблазны, которые таятся в культивировании лишь внешних форм богослужения, когда форма становится самодовлеющей.. «Священная драма, — пишет отец Александр, — при всей своей воспитательной силе не могла заменить непосредственное причастие к Божественному, а ведь, именно, к этому стремится человек, ищущий спасения».

И не случайно в последующих главах автор показывает типичную реакцию на обрядовую религию, на мертвые, внешние формы: возникновение дионисических, оргиастических культов. Для читателя-христианина здесь возможность задуматься над путями своей Церкви, над возможными неудачами в деле христианской проповеди среди молодежи, над причинами таких общественных явлений, как разгул чувственности, насилия, наркомании. Да, собственно и сам автор чуть дальше пишет об этом совершенно ясно: «чем меньше идеи века способны утолить жажду души в Божественном, тем сильнее может оказаться взрыв». И в другом месте: «Когда душа не находит подлинно высокого, ее порывы могут принимать самые устрашающие и уродливые формы. Это мы видим и в нашу эпоху, эпоху “сексуальной революции и наркотиков”».

К положительному наследию древнегреческой культуры относит отец Александр происшедшее именно тогда, разделение науки и веры. С этого момента они должны были «созревать, не препятствуя друг другу». «Изучение природы, отвлеченная мысль требуют своих правил игры, — писал он. — Когда же сюда вторгаются религиозные доктрины, то смешиваются два плана познания и это сковывает науку». Но с другой стороны, «религия не зависит от науки», ее сфера по природе глубже научного исследования. Таким образом, «освобождение науки и философии от опеки богословских теорий, — считает автор — расчищает путь как для знания, так и для веры.».

Такая позиция однако не означает, что отец Александр считал науку абсолютно автономной от веры. «Отправной пункт науки всегда связан с верой,» — замечал он, говоря о природе научных постулатов.

И еще одна нерелигиозная тема, специфичная именно для 4-го тома, интересна тем, что раскрывает для читателя политические убеждения самого отца Александра.

Сравнивая иерархические и демократические структуры полисов Древней Греции, автор дает им такие определения. Иерархическую структуру он рассматривает как унаследованную человеческим обществом еще от животного мира, т.е. такой, в которой действуют те же законы. В демократическом же устройстве общества он видит чисто человеческие проявления, и, следовательно, считает его более прогрессивным. К таким чисто человеческим явлениям он относит и религию, и человеческое творчество, и искусство, и науку. Таким образом, изобретение демократии попадает у отца Александра именно в этот ряд.

Конечно, это не означает, что он идеализирует демократию. «Идеальной она могла бы быть, — по его словам, — только в том случае, если бы была образована идеальными людьми». И все-таки автор считает ее лучшей из возможных политических структур, ибо «она меньше всего подавляет свободу личности». В другом месте он пишет: «Каковы бы ни были несовершенства демократии, свободно-правовой строй и в древности и в последствии показал себя как наиболее соответствующий достоинству и природе человека».

Последние слова сказаны отцом Александром в полемике с политическими взглядами Платона, который, как известно, был противником демократии.

Платону и его учителю Сократу в 4-м томе уделена почти половина книги. Но из этих двух мыслителей отцу Александру, очевидно, ближе Сократ. Их роднит многое, например, отношение к истине, «не как к отвлеченному понятию, но как к тому, что заслуживает благоговейного любовного подхода». И особенно ценной представляется для отца Александра бесконечная преданность Сократа небесной воле, «которая была источником его мужества и спокойной радости». А в конце своего рассказа о Сократе отец Александр даже утверждает, что «Сократово богословие стоит ближе к библейскому учению, чем все, что достигла античная мысль до Сократа».

Что же касается Платона, то несмотря на то, что для многих образованных греков и римлян Платон был проводником к Новому Завету, а христианское богословие часто использовало Платона, отец Александр не торопится отвести этому ученику Сократа почетное место среди «христиан до Христа». Он пишет, что «дела с Платоном обстоят куда сложнее, чем кажется на первый взгляд»; его большое эссе о Платоне носит скорее критический характер...

Теориям Тейара де Шардена отец Александр посвятил одно из приложений к «Истокам религий», а также предисловие к недавно вышедшей в России антологии его религиозных работ.

Говоря о взглядах Платона, отец Александр предупреждает: «Идеализм всегда таил в себе угрозу извращения христианства тем, что вносил в него идеи глубоко ему чуждые». Что же это за чуждые идеи? Автор отмечает три главные угрозы в платонизме: «отвлеченный спиритуализм, родственный индийскому, пантеистическую струю, и отсутствие духа свободы, без которого христианство немыслимо.» Отец Александр также подчеркивает, что важнейшие ереси первых веков в той или иной мере были связаны с Платоновским идеализмом и отрицанием ценностей земного, плотского начала. Эта критика касается философии, что же говорить о политических взглядах Платона, которые как известно, не воспринимались даже среди многих его почитателей.

Сам же автор в привязанности Платона к иерархическому строю видит наследие магических представлений, где род, племя, народ ставились выше личности. А ведь «лучшие завоевания культуры родились именно в борьбе за человека,» т.е. на «путях

противления родовому наследию». Если Платон был убежден в правомерности навязанного добра и насильственного спасения людей, то для отца Александра совершенно очевидно, что «добро без свободы неизбежно оборачивается злом!»

Есть, пожалуй, только одно общее качество у двух великих мыслителей. Их обоих можно назвать «мыслителями-художниками».

Да, очевидно, платоником отца Александра не назовешь, и эта та его черта, которой он серьезно отличается от своего духовного учителя Вл. Соловьева. Возможно, в этом отличии содержится ключ к пониманию: почему то, что не удалось Соловьеву, промыслом Божиим было разрешено сделать отцу Александру.

Ведь это принципиальный вопрос, как смотреть на историю религий, как христианин-платоник или как христианский персоналист...

Итак, все попытки искать истину, о которых мы узнаем на страницах четвертого тома, не могли, по мысли отца Александра, удовлетворить настоящую тягу к вере. Хотя он отдает дань уважения той культурной подготовке человечества, которая прошла через Грецию, через Элладу, через греческий язык, через все то, что создало «условия, необходимые для того, чтобы суметь встретить апостолов, принесших на эту землю »свет Нового Завета", тем не менее «человек искавший живую веру, не мог удовлетвориться отвлеченной метафизикой», — заключает автор.

Но, вот, в это же самое время, в другом месте, в Израиле, зазвучал голос пророков, обращенный к конкретному человеку и возвещающий о Боге живом...

Пятый том «Истории религий» отца Александра посвящен пророкам Ветхого Завета и называется «Вестники Царства Божия».

Кем обычно считают пророков? Чаще всего, провидцами, предсказателями будущего, а также теми, кто предвидел приход Иисуса Христа.

Но для автора шеститомника главный смысл служения пророков раскрывается прежде всего в свете Евангельского Откровения, ибо они были его предтечами. «Они, — пишет отец Александр, — пролагали путь Богочеловеку, возвещая очень высокое религиозное учение, которое хотя и несравнимо с полнотой Евангелия, тем не менее остается жизненным даже в наши дни».

Именно в этом причина того, почему пятый том становится у отца Александра центральным во всей «Истории религий». Эта книга завершает внутренний цикл шеститомника, посвященный осевому историческому времени и великим Учителям. Но, возможно потому, что в семье духовных вождей человечества, действующих приблизительно в одно и то же время, «пророки стоят особняком», (возможно, также потому, что автор чувствовал особую ответственность перед стоящей на этот раз задачей) работа над этой книгой потребовала от него больше всего внимания, времени и сил. Писал он ее несколько лет, по ходу дела хорошо изучил древнееврейский язык, и все переводы ветхозаветных текстов в книге сделаны им самим.

Пятый том (так же, как и шестой) по стилю существенно отличается от предыдущих книг религиозной эпопеи. Если предыдущие тома — это преимущественно статичные картины, то повествование 5-го тома насыщено поистине кинематографической динамикой. Перед читателем проходят перемещения народов, движения войск, он видит осады городов, заговоры правителей, строительство крепостей, торжественные богослужения. Безусловно, 5-й том — один из наиболее сильных в литературном отношении.

И еще одна особенность повести о пророках: если в остальных томах автор раскрывает свой замысел, в основном, через личные портреты гениев мыслителей-основателей религий, то в этой книге перед нами проходит «целая плеяда проповедников, которые сменяли друг друга на протяжении столетий». Но сменяя друг друга, пророки не зачеркивали религиозный опыт предшественников. Взятые в совокупности различные аспекты проповеди пророков, создают стереоскопическую картину, или как говорит отец Александр, «единый, цельный образ Сущего». Разглядеть этот бесконечно любимый Образ самому и дать прикоснуться к нему читателю — вот та сверхзадача, которую ставит перед собой отец Александр в 5-м томе.

С этой задачей непосредственно связана тема, которая, по всей видимости, больше всего интересовала самого отца Александра — тайна профетизма, тайна отношений пророков с Богом. Эта тайна, пишет отец Александр, «неразрешима ни ссылками на личный гений, ни в плане историческом».

Но почему же тайна пророков оказывается столь трудной для постижения? Потому что богопознание, которое присуще пророкам — это совсем не то же самое, что достоверность у мистиков Востока, которые, по словам автора, «входили в Бога, оставив весь мир и самих себя». Это также и «не догадки философов, размышлявших о Боге.»

Отец Александр пишет, что Сущий был для пророков «Пламенеющей бездной, ослепительным солнцем, сияющим превыше постижения и достигаемости». «Они не поднимали глаза на это солнце, но Его лучи пронизывали их и озаряли окружающий их мир». «Их не покидало чувство,что они живут в присутствии Вечного, находясь как бы в Его поле». И это было названо ими Богопознанием — Даат Элогим.

Таким образом, если «для индийцев постижение Бога означало слияние с Ним, отождествление себя с Ним, то пророки ни на минуту не забывали, — пишет отец Александр,- что они лишь проповедники высшей воли». Бог сам вторгался в их жизнь. Отец Александр сравнивал это Вторжение с Откровением, которое было у ап. Павла. Это был Тот же все превозмогающий Свет, Который остановил ап. Павла на дороге в Дамаск. Свет Божественной Любви.

И еще одна деталь пророческого служения, которую подчеркивает отец Александр: «Пророки были свободными соучастниками Божественных замыслов, ... Они не были автоматами, но всегда оставались свободными личностями... и действовали из любви к Богу». Ведь Даат Элогим — это такое Богопознание, которое означает приближение к Богу «через любовь к Нему».

И только этой свободой можно объяснить чудо двуединого сознания пророков. «Это чудо, — пишет отец Александр, — делало каждого пророка живым прообразом Христа, в котором нераздельно и неслиянно соединились Бог и человек». И тут мы касаемся самого главного убеждения отца Александра: в лице пророков мир был подведен к той черте, за которой открывается богочеловечество. Вот в чем причина бесконечного интереса

отца Александра к пророкам. На самом деле тайна пророков в том, что они — прообразы Иисуса Христа.

С Христом пророков сближает и то страдание, которое практически всем им пришлось претерпеть на путях своего служения.. «Почему, — спрашивает отец Александр, — Иеремия, избранник Божий, был подобен агнцу, ведомому на заклание? Потому что он нес на себе бремя грехов своих братьев! И не только Иеремия, но и многие другие пророки прошли в своем пути через долину смерти». И в результате им была открыта великая тайна Нового Завета: «тайна Творца, страждущего за мир, чудо Божественной любви».

С тайной жертвенного страдания связывает автор и тему «святого остатка», к которой обращаются многие пророки.

«Не в этом ли жертвенном приношении, — пишет отец Александр, — заключена роль святого остатка, "бедняков Господних", которые претерпев мучения, принесут миру Божию правду?...Тут мы приближаемся к самому таинственному месту в Ветхом Завете и в то же время к самому возвышенному, где более всего он связан с Евангелием». Но здесь, для нас, очевидно, ключ и к тайне мученической смерти самого отца Александра. И одновременно — источник нашей уверенности в подлинности его пророческого призвания, в его избранности и святости...

Опираясь на такой идеал служения отец Александр формулирует свое представление о библейской философии истории, «которая отвергает как горделивую мысль об автономии человека, так и пассивный фатализм, который все выводит из действия высших сил» ..В библейской перспективе «история — это не только проявление воли Божией, но и арена деятельности человека». И вот краткая формулировка отца Александра: «все от Бога и все от человека». Зная Божественную цель, люди должны сосредоточить все усилия своей нравственной воли, для того, чтобы достичь ее. «С другой стороны, они должны полностью доверять Богу, потому что результат находится в Его руках».

Казалось бы, органически эти два понимания соединить трудно, «но, — по мнению автора, — оба они с разных сторон отражают единую истину».

Отец Александр разбирает в 5-м томе также и другие очень важные темы.

Прежде всего, «Вестники Царства Божия» продолжают тему спасения, поднятую автором на страницах предыдущих двух книг. Если «Конфуций и многие греки, — пишет отец Александр, — видели спасение в хорошо организованной общественной структуре, Будда и брахманы — в бегстве от мира, Платон в созерцании, приготовляющем человека к смерти, то пророки видели спасение человека, как его приобщение к Божественной гармонии и полноте, которая произойдет, когда рухнет преграда между Богом и людьми». К понятию пророков о спасении прямое отношение имеет тема возобновления Завета, Нового Иерусалима, и то, как намечается тема Нового Завета в Ветхом Завете.

Также важнейшей для пятого тома темой является сопоставление линии универсализма пророков с духом законничества и нетерпимости, проникшем в иудейство с Эзрой. Отец Александр видит эту проблему в общечеловеческом масштабе и убежден, что вся История спасения проходит всегда под знаком борьбы двух течений: профетического универсализма и законнической обособленности.

Среди других тем этой книги, не столь обширных, но также очень интересных, библейское учение о Правде и персональной человеческой ответственности, продолжение тем избранничества и равенства, Откровение о милосердии Божием, о любви Божией к человеку, Откровение о Святости и Божием присутствии, учение пророков о Царстве Божием и другие...

И, вероятно, в результате такого обзора можно сделать вывод еще об одной задаче, которую ставил перед собой отец Александр в работе над 5-м томом: через объяснение важнейших тем и раскрытие смысла ветхозаветной символики дать читателю ключ к пониманию Ветхого Завета, сделать Библию более доступной книгой.

А для тех, кто захотел бы пойти дальше в изучении поднимаемых тем, автор приводит в конце тома богатейшую раздельную библиографию, содержащую около 1000 наименований книг и по общим историческим вопросам и по всей теме профетизма, и по каждому пророку в отдельности, и даже книги по библейской археологии, а также библейские атласы и многочисленные справочники.

6-й и последний том религиозной эпопеи отца Александра, который называется «На пороге Нового Завета», подводит итог

результатам религиозной революции «осевого времени» и завершает картину духовного приготовления мира к встрече с Сыном Человеческим.

Если предыдущие книги рассказывали о возникновении мировых религий в лоне их материнских культур, то 6-й том повествует об их дальнейшем развитии и о путях распространения. Эту эпоху сам отец Александр определяет, как эпоху «эпигонов, компиляторов и миссионеров». И хотя по силе проявления Духа Божия в мире ее нельзя сравнить с эпохой мировых Учителей, значение этого времени для Божьего Домостроительства огромно.

Именно в процессе распространения мировых религий проявились как их сильные, так и слабые стороны. Это было время новых религиозных исканий, но также разочарований и реакций.

В последний раз автор обращает внимание читателя на религиозную, культурную и политическую ситуацию в уже знакомых регионах мира. Много места в книге уделено дальнейшему развитию индийских религий: буддизму, индуизму, йоге. А вслед за этим рассматриваются пути распространения эллинистической культуры в странах Средиземноморья. Задача этой части книги — показать, как складывались условия для будущего проникновения Библейского Откровения в страны Европы.

6-й том открывает, наконец, перед нами и мир Древнеримской культуры. Тут, как всегда, много психологических портретов, философских отступлений, описаний различных религиозных обрядов. Отец Александр рассказывает и о происхождении Римского права, и о появлении первых иудейских миссионеров, а в конечном счете рисует перед читателем панораму того общества, которое в дальнейшем, промыслом Божиим, стало местом зарождения Новозаветной Вселенской Церкви.

В другой части книги читатель узнает, как укреплялись и очищались в борьбе с иноземным эллинским влиянием духовные основания Ветхозаветной Церкви Израиля, как возникали в ней различные иудейские секты, причем автор рассматривает их как с позиций историка, так и с точки зрения христианина. Важнейшее место отец Александр в этом анализе отводит двум сектам — фарисеям и жителям кумранских монастырей — ессеям.

В советские годы атеистической пропагандой была сделана попытка подставить кумранские собрания на место первохри-

стианских общин, а Учителем праведности подменить в истории Иисуса Христа. Однако в своей книге отец Александр не оставляет «камня на камне» от таких околонаучных трудов. Он показывает читателю принципиальнейшие различия, которые делают две общины чуть ли не антогонистами друг друга. Вот те черты ессеев, которые он видит как неприемлемые для христиан: нетерпимость ессеев к иноверцам; их вражду к миру; ритуализм в крайней степени, вообще, формализм; их детерминизм или веру в судьбу.

И в результате он заключает: «все это делало секту ессеев настоящим антиподом христианства».

Почему важно обратить внимание на это место в книге отца Александра? Да потому, что ессейские нетерпимость, формализм, ритуализм, вражда к миру, к свободе — признаки той болезни, которой сегодня болеет уже Новозаветная Церковь.

Итак, завершая в 6-м томе обзор всех мировых религий ко времени прихода Иисуса Христа, отец Александр окончательно связывает страны и эпохи Древнего мира едиными универсальными сверхидеями: борьба магизма и единобожия, а также противодействие универсализма и законничества везде, где возникали культурные очаги; действие Одного Духа Божия во всех мировых религиях и, как следствие, универсальный характер Божественного Откровения, и, наконец, подчиненность всех событий религиозной истории промыслу Божественного Домостроительства, направляющего человечество к христианству.

В эпилоге 6-го тома он напишет: «Как белый цвет поглощает спектр, так Евангелие объемлет веру пророков, буддийскую жажду спасения, динамизм Заратустры, и человечность Конфуция. Оно освящает все лучшее, что было в этике античных философов и в мистике индийских мудрецов...

К нему сходятся все дороги, им измеряется и судится прошлое, настоящее и будущее. Любой порыв к свету богообщения есть порыв ко Христу, хотя зачастую неосознанный».

В последние годы отцу Александру на лекциях часто задавали вопрос об универсальной религии, и он всегда отвечал: «другой универсальной религии кроме христианства миру больше не требуется».

Очевидно, что сегодня многие, называющие себя христианами, не согласны с таким универсализмом отца Александра.

Но для тех, кто стоит на сходных позициях, открываются широкие возможности для проповеди Евангелия. Тут дверь в завтрашний день — день диалога, а не конфронтации.

И не случайно предпоследняя глава 6-го тома отведена великому универсалисту Эпохи подготовки — Филону Александрийскому. Казалось бы, его портрет здесь не на месте — в разделе, посвященном религиозной обстановке в Израиле, которая предшествовала рождению Спасителя. Но это и знаменательно, что ПОСЛЕ главы о жизни Девы Марии и ПЕРЕД рассказом об Иоанне Крестителе, автор помещает большое эссе о Филоне Александрийском. Ведь два последних портрета — самое личное, что есть в шеститомной «Истории религий»!

Посмотрим, что пишет отец Александр о Филоне: «Филон предпринял первый серьезный опыт решения той задачи, перед которой оказалось христианство: найти точки соприкосновения с Греко-римским миром». (Думаю, не нуждается в доказательствах, что поиск точек соприкосновения между христианскими конфессиями и , вообще, между разными религиями и культурами был смыслом жизни и для самого отца Александра).

Далее: «Эллин и иудей в одном лице, патриот и гражданин мира, человек веры, свободный от обскурантизма, Филон следовал заветам Торы, но не желал становиться фанатиком. Запад и Восток, которые то влеклись друг к другу, то отталкивались с ненавистью и презрением, обрели в его возвышенной душе полную гармонию. Он ценил все многообразие мира и призывал благодарить Бога не только за создание рода человеческого, но за мужчин и женщин, за эллинов и варваров, жителей материка и островитян».

Где взять лучшие слова для самого отца Александра — еврея и православного, патриота и гражданина мира, вселенского христианина, следующего заветам Библии, но совершенно свободного от фанатизма и обскурантизма, молящегося за демократов, коммунистов и монархистов?

Также совершенно очевидно, что Христианский Восток и Христианский Запад то отталкивающиеся друг от друга с ненавистью и презрением, то влекущиеся друг к другу — обрели в душе отца Александра полную гармонию. (Напомню, что в своем последнем интервью, данном за несколько дней до смерти, на вопрос, не хотел бы он перейти в католицизм, отец Александр ответил, «я не считаю это осмысленным, потому что для

меня Церковь едина».) Также и многое другое привлекает отца Александра в Филоне, например, представления Филона о благодати Божией (в чем он был предшественником самого ап. Павла), или его отношение к разуму и вере (он не представлял себе, чтобы «разум мог оказаться враждебен вере»), или отношение к творчеству и божественному вдохновению, или его терпимость в понимании различных сторон человеческой жизни. И, конечно, двух мыслителей сближает уважение ко всякому непосредственному благочестию в других религиях при полном сохранении верности своей Церкви.

Есть и другие точки соприкосновения между ними, но есть и серьезные отличия. Так, отец Александр далеко ушел от Филона в вопросах понимания смысла истории и в экзегезе Ветхого Завета. И, конечно, самое серьезное расхождение у них по вопросу о значении материи. Ведь идеалом Филона осталось развоплощение, а идеалом отца Александра было Преображение материи, Воскресение плоти...

И все же, при всех различиях, отцу Александру очень импонировала вера Филона, которую тот понимал «не как рациональное постижение, а как подвиг любви».

Главы, предшествующие повести о Филоне, посвящены Деве Марии, Рождеству и событиям из детства Иисуса Христа. Эти замечательные страницы о жизни в Назарете и Вифлееме, проникнутые тонким лиризмом и сыновним благоговением, написаны скорее как поэма, а не как материал по истории религий. Отец Александр силой художественного слова дает читателю заглянуть в тот мир, в котором произошло рождение Спасителя.

Заканчивается же 6-й том рассказом о Предтече Господнем Крестителе Иоанне. И вот, если деятельность отца Александра во многом вдохновлялась идеями Филона Александрийского, то завершение его земного служения оказалось таинственно связано с судьбой последнего героя его «Истории религий» — с Иоанном Крестителем. Все помнят, какой смертью умер отец Александр и в какой день его хоронили (его похороны пришлись на 11 сентября — День усекновения главы Иоанна Крестителя.)

Говоря словами Филона Александрийского, «надо обладать особой любовью к крючкотворству, чтобы увидеть здесь игру случая».

Но дело тут не только в совпадающих датах. И не в том, что отец Александр крестил тысячи людей в самые тяжелые советские годы. Нет, главное, то, что для очень многих он стал настоящим Предтечей в их встрече с Господом, т. е. тем, кто взял за руку, подвел к Иисусу, а сам отошел в сторону...

Именно так он всегда и делал. В этом была его пастырская задача. Многие нашли свой путь ко Христу через отца Александра при его жизни, но многих он будет вести теперь незримо из того мира. Сегодня это служение отца Александра продолжается. И его книги, особенно такие, как «Сын Человеческий» и шеститомная «История религий», станут для них теми путеводными столпами, которые не дадут сбиться с дороги в поисках Пути, Истины и Жизни.

СЛОВО ПАСТЫРЯ

Иеромонах АНТОНИЙ (ЛАМБРЕХТС)

ПРОПОВЕДЬ О БЛУДНОМ СЫНЕ

Возлюбленные братья и сестры!

Нам осталось с Вами две недели до Великого Поста, который, как вы знаете, время сосредоточенности и молитвы, время раскаяния и обращения к себе, к Богу. Мы вглядываемся в глубину своей души, чтобы спросить самих себя: чем я занимаюсь теперь? Какова моя связь с Богом, с ближними? Это также время, которое ведет нас к самому великому празднику года — к Пасхе, к окончательной победе Христа над грехом и смертью, к новой, вечной жизни.

Чтобы помочь нам приготовиться к Посту, каждый год в это воскресенье мы слышим притчу о Блудном Сыне, потому что она действительно помогает нам поставить себя перед Богом и перед нашими братьями.

«У некоторого человека было два сына...» Младший требует у отца «то, что ему следует», он отстаивает свое право. Он требует до срока то, что он унаследовал бы, если бы его отец только что умер. Но, отстаивая это свое право, он лишает себя родственной связи со своим отцом и со своим братом. Как если бы он сказал своему отцу: «Ты уже больше не существуешь для меня».

Отец не против. Он уважает права и свободу сына. Он не может заставить сына любить себя больше, чем материальные блага. Не говоря ни слова, он делит между двумя сыновьями свое добро. Он дает им, говорит нам евангелист Лука, «все, в чем сам нуждается для жизни», свой «βιοζ». Слово, употребленное здесь, то же, что евангелист Лука употребляет в других местах: чтобы рассказать о лепте бедной вдовы, которая отдает все, что у нее есть для жизни *(Лк. 21,4)* или о сумме, которую

женщина, страдавшая кровотечением истратила на врачей, надеясь вылечится *(Лк. 8,43)*. Младший сын просит у отца часть имения (ονσια), он же отдает ему свою жизнь (βιοζ).

Итак, теперь оба брата получили от отца наследство. Что они с ним сделают?

Старший брат остается в отцовском доме, пребывая в общении с отцом. Младший уходит. И в этот раз отец все еще не прикладывает никакого усилия, чтобы удержать его. Прежде чем постичь, что такое отцовская любовь, сын его должен пройти через ужасное испытание: он, считающий себя отныне «свободным» познает голод, зависимость (сам иностранец, он «пристанет» к иностранцу), унижение (он не получает даже того, что получает самое презренное животное), одиночество (ведь скорее подумали бы о какой-нибудь свинье, чем о нем).

Итак, говорит евангелист, он «приходит в себя». И как только он вглядывается в самого себя, он обнаруживает тут же своего отца, который подарил ему жизнь и решается исповедать ему свой грех. Его единственная надежда — это быть принятым в качестве наемного работника в доме отца.

И вот он «поднимается», он уже «воскрес» — ανασταζ, говорит Лука дважды. Придя домой, он принят с распростертыми объятьями, но он тем не менее признается: «Отец, я согрешил против неба и перед тобою и уже недостоин называться твоим сыном». И отец не позволяет ему произнести последнюю, тщательно приготовленную фразу: «обращайся со мной как с одним из твоих наемников». Он прерывает сына и дает ему то, что он никогда не получил бы даже до своего ухода: первое место (первую, т. е. лучшую одежду, говорит Лука), широкие полномочия (кольцо, которое Иосиф получил от фараона *(Быт. 41, 42)*, сыновний прием. Отец устраивает пасхальный пир, потому что «сын его был мертв и ожил» и еще потому, что как о найденной заблудшей овце, «на небесах более радости будет об одном грешнике кающемся, нежели о девяноста девяти праведниках, не имеющих нужды в покаянии» *(Лк.15,7)*.

Разве не так же как пастух оставляет в безопасности овец своих, отец «оставляет» старшего сына и не думает о том, чтобы специально приглашать его? «Сын мой, ты всегда со мной, и все мое твое» *(Лк.15,31)*. Радость отца могла бы быть, таким образом, и радостью «праведного» старшего сына. Только, вместо того, чтобы быть свободным, он «подчинялся» отцу (стих 29: δονλενω σοι: «я работаю для тебя как раб»[1]) и его приказаниям.

Его отец стал для него законом, он больше не был для него источником новой жизни. Таким же образом и его младший брат

был для него совершенно мертв. Он не мог и, без сомнения, не хотел верить в его возвращение. «Воскресение» младшего брата приводит его в негодование. Теперь он хочет порвать общение с отцом и младшим братом («этот сын твой»), остаться вне дома, не участвовать в Пасхе своего брата. Он решает, если хотите, остаться в аду.

К счастью, отец опять восстанавливает общение: он идет навстречу своему старшему сыну и уговаривает, убеждает, успокаивает его (παρεκαλει αντον). Отец действительно поверил в воскрешение своего младшего сына. Он всегда надеялся «несмотря на смерть». Старший брат напротив, решительно поставил крест на младшем брате, стер его из своего сердца, считая себя праведным.

Что касается нас, братья и сестры, нужно признать, что иногда мы поступаем как блудный сын, а иногда как старший брат.

Порой мы отстаиваем свои права и свою свободу, отрекаясь от Отца Нашего, источника жизни, и от наших братьев. И мы становимся рабами наших страстей. Тогда надо «подняться» и возвратиться к Отцу, который нас примет с пасхальной радостью.

А иногда мы думаем, что всегда жили в Его присутствии, сами же превратили свою жизнь в кабалу, полную горечи, без любви и радости. Мы поставили крест на тех, «кто потерялся», на наших братьях, с которыми мы отказываемся жить в общении. И мы не понимаем, что исключая их, мы исключаем самих себя и остаемся в аду.

Итак, мы не можем справлять Пасху, если мы «не хотим войти». Мы должны принять, что Пасха справляется именно из-за спасения (σωτηρια) тех, которые вели жизнь падших (ασωτωζ), но теперь стали другими. Отец Наш Небесный хочет, чтобы мы были свободными сыновьями и дочерьми. Он не хочет, чтобы мы были рабами и наемниками. Важно подняться и все время возвращаться, всегда идти к Нему. Тогда Он даст нам всем новую жизнь сверх всех наших чаяний. Аминь.

12 февраля 1995 года

(Перевод с французского.)

КОММЕНТАРИИ

[1] В синодальном переводе Библии: «я столько лет служу тебе» *(Лк. 15,29)*.

Архимандрит Виктор (МАМОНТОВ)

О БЛИЖНЕМ И ДАЛЬНЕМ

Во имя Отца и Сына и Святого Духа!

Заповедь Любви — к Богу и к ближнему — была дана издревле, но до Христа люди не знали в полной мере, что значит Любовь.

Христос явил Своей жизнью Любовь и призвал всех жить Ею. Через Него мы по-новому видим Бога и самих себя.

«Заповедь новую даю Вам, да любите друг друга, как Я возлюбил вас, так и вы любите друг друга» *(Ин. 13:34)*.

Без любви к ближнему по слову апостола Иоанна, невозможно любить Бога, исполнить заповедь: «Кто говорит: "я люблю Бога", а брата своего ненавидит, тот лжец: ибо не любящий брата своего, которого видит, как может любить Бога, Которого не видит» *(1Ин. 4:20)*.

Законник задает Иисусу Христу вопрос: «Кто мой ближний?»

Он спрашивает об этом высокомерно потому, что себя, а не другого, поставил в центр жизни. Он думает, что праведнику приходится ближним только праведник, и никто другой. Христос определяет ближнего не по делам и заслугам, а по его божественной природе. Все люди, имеющие внутри себя лик Божий есть ближние твои. И ты, вопрошающий, будь им ближним.

Христос отвечает ему притчей, предоставляя тем самым возможность ответить на этот вопрос тому, с кем праведный и чистый законник никогда не стал бы разговаривать — самарянину. Самарянин отвечает не словом, а делом, которое ценит Христос и которое ставит отверженного выше отвергающего.

Милосердный поступок самарянина нам всем известен. Самарянин спас от смерти незнакомого ему человека.

Находясь в пути, он увидел лежащего на дороге израненного, раздетого, еле живого человека.

Самарянин увидел его не только глазами, но и сердцем, которое, как сказано в притче, сразу сжалилось. Он слез со своего осла, подошел к пострадавшему и начал с любовью, как мать — больному ребенку, служить незнакомцу: «перевязал ему раны, возливая масло и вино; и, посадив его на своего осла, привез его в гостиницу и позаботился о нем. А на другой день, отъезжая, вынул два динария, дал содержателю гостиницы и сказал ему: «позаботься о нем; и если издержишь что более, я, когда возвращусь, отдам тебе» *(Лк. 10:34-35)*.

Для ответа законнику Христос в свою притчу включил еще двух людей — священника и левита, в которых по понятиям ветхозаветного человека должна сугубо проявляться святость.

Они раньше самарянина шли той же дорогой из Иерусалима в Иерихон и видели пострадавшего человека, но оба из страха осквернения прошли мимо. Левит, правда, с малой остановкой.

Итак, священник прошел, левит прошел с некоторым колебанием, а самарянин остановился и помог страдающему человеку.

Ответ на вопрос законника дан жизнью, высоким примером, который вопрошавший должен понять и принять в свое сердце. Христос спрашивает законника: «Кто из этих троих, думаешь ты, был ближним попавшемуся разбойникам?

Он сказал: Оказавший ему милость. Тогда Иисус сказал ему: иди, и ты поступай так же» *(Лк. 10:36-37)*.

Законник ответил верно. И для него ближним должен быть тот, кто нуждается в нем, в его помощи. Кто-то сказал: «Не нуждающиеся нам принадлежат, а мы им.

Почему для священника и левита пострадавший не стал ближним, а стал дальним?

Потому что в своей нравственной жизни они руководствовались любовью к добру, а не к человеку. Закон Моисеев добр и свят, потому что он от Бога, но Бог и человек выше закона. Фарисеи, любящие закон и верные закону, не могли подняться выше закона. Они полагали, что человек становится хорошим, потому что он очень тщательно исполняет закон. В действительности же, как говорил Бердяев, «человек делает добрые дела, потому что он хорош». Христианство учит верить не только в Бога, но и в человека. Христианство возвысило человека. Оно призывает любить ближнего, а не дальнего, т.е. живого, конкретного человека, а не отвлеченного. К сожалению, в любви к

дальнему были воспитаны многие, поэтому и в христианстве имеются свои законники, ставящие отвлеченную идею добра выше живого человека.

Но истинный христианин всегда помнит ближнего и любит его как самого себя.

Что же это значит — как самого себя? Любить себя заповедано свыше. Не любящий себя не сможет полюбить ближнего. Но себя нужно любить правильно и возвышенно.

Что в нас есть такого, что можно любить?

То, что в глубине нашего существа — «сокровенный сердца человек в нетленной красоте кроткого и молчаливого духа» *(1 Пет. 3:4)*, но вовсе не то, что на его поверхности. На поверхности нашей личности скапливается всякая нечистота — себялюбие, ненависть, жадность, образуя личину; в глубине же личности всегда живет образ Божий — лик. И мы должны постоянно выбирать, что нам любить в себе — свой искаженный облик или свой светлый лик.

Мы призваны заповедью о любви к ближнему как к самому себе научиться видеть в каждом человеке не только слабости и немощи его, а по слову матери Марии, «воплощенную икону Бога в мире». Кто-то из святых сказал: «Если бы вы увидели душу самого падшего человека, вы бы ослепли от ее сияния: так она хороша».

Всем нам нужно много потрудиться над собой, чтобы снять наши личины, чтобы в каждом из нас явился лик Божий.

Тогда мы будем прозрачны друг для друга и для Господа в общении любви, тогда мы можем поклониться образу Божьему в нашем ближнем с молитвой о хранении его в чистоте.

Это и будет исполнением заповеди Божией, и две заповеди сольются в одну.

Аминь

ИЗ АРХИВА СВЯЩЕННИКА СЕРГИЯ ЖЕЛУДКОВА

ХРИСТИАНСТВО И АТЕИЗМ*

(окончание, начало в «Христианосе» II, III)

Дорогой А.! Разговор об атеизме, и при этом в форме диалога с атеистами, — дело важное. Но предложенную статью о сочувствии не удается сделать основой такого разговора. У Автора есть только общая расположенность к диалогу, остальное очень неопределенно. Какой смысл имеет главная идея Автора о сочувствии? Сочувствие есть непосредственная, сердечная реакция на чувства другого человека, преимущественно на его страдания, есть интимное соединение с интимной глубиной человека, независимо от его убеждений, подчас даже — от его ложных оценок, его грехов. Можно и нужно сочувствовать людям, даже если они заблуждаются, враждебны нам или грешат. Несогласия с убеждениями здесь заведомо устраняются. Когда речь заходит об убеждениях, верованиях, идеях, о нравственном значении поступков, мы должны спорить, искать и отстаивать истину. Относительно верований и понятий приходится разбираться по существу, здесь недостаточно чувствовать или сочувствовать — надо понимать. Какая же нам будет даваться «благодать сочувствия», если мы под предлогом чувствительности к той глубине каждого человека, которая всегда остается с ним, станем безразличными к идеям и верованиям? Так мы придем просто к сентиментальной беспринципности.

Исходя из своего понимания сочувствия, уважаемый Автор предлагает соединить самое разное: христианство, Ницше, Упа-

---

* Переписка; ее собиратель о. С. Желудков; те письма в переписке, которые подписаны литерой «А», написаны о. Сергием Желудковым *(прим. ред.)*.

нишады... Это давно бы сделали и без всякого сочувствия, если бы знали «как». Если Автор открыл для себя такую точку зрения, из которой виден синтез противоречивых убеждений, — об этом тогда надо говорить в первую очередь. В противном случае возникает подозрение, что утверждается просто безразличие к конкретному существу идей и вер.

Теперь часто говорят: важен сам человек, не нужно слишком спорить ради веры или идеи, потому что такой спор доводит до вражды. Враждовать, разумеется, плохо. Но не лучше мириться ценой безыдейности. Человек есть великая ценность, но ценность этой ценности состоит как раз в том, что человек не удовлетворяется собой по факту своего наличия, готов ради идеи и веры собой жертвовать, жертвовать своим и даже общим благополучием. В этом трагедия истории, современности, но в этом и величие их.

Разговор по существу не может олицетворяться позицией Либерала и Православного. Позиция социально практическая прямо не сопоставима с религиозной. Сопоставление означает, что существо религиозной позиции игнорируется. У Автора так и получается, что разговор как бы по существу происходит без упоминания этого существа. Не видно убеждений самого Автора. Общекультурная, либеральная симпатия к христианству — это одно, личный интерес к существу христианской веры — другое. Автор условно и двусмысленно приветствует христианство, признает Бога в значении всякой ценности. Что это значит? То ли ценности поднимаются до Бога, то ли Бог опускается до всякой ценности? Лучше бы Автор поставил серьезный вопрос о природе своих симпатий к христианству, при том, что христианство остается для него неприемлемым, приемлемым только условно. Нам нужен разговор и диалог по существу, а не вежливая благосклонность, не общая терпимость к разномыслию, не подражание друг другу в языке и не выражение личных симпатий. Об этом надо сразу договориться.

Приходится заметить, дорогой А., что и Вы начинаете разговор с уклоном в подобного рода неопределенность: «... стоит ли нам спорить с такими атеистами? Ведь свою веру мы им передать не сумеем...». Личный порыв к вере, разумеется, всегда остается делом личным. Но разве вера сводится к личным чувствам? Разве в ней нет объективно-истинного и общественно-значимого? Если нет — тогда нет и веры. Если совсем уж ничего «передать не сумеем» — незачем и начинать разговор. А если, как Вы вслед за этим пишете совершенно противопо-

ложное, используя иные слова, «в принципе мы должны быть всегда готовы ответить на вопрошения атеистов», то ответ никак не может состоять в «только равновесии доводов»; такое «равновесие» ведет к отчаянию скептицизма, не «может быть уже спасительно», от такого «равновесия» погиб буриданов осел. О равновесии и спасительности переживания «таинственности существования» выскажусь потом. Когда Вы пишете: «есть разумные мотивы — не доказательства», это то же самое «сочувствие», чувство, как и у Автора, — там, где надо не чувствовать, а мыслить, и без доказательств мысли нет. Другое дело: как понимать мышление и доказательства, когда речь заходит о духовных предметах, сводить ли их к геометрии. Были и есть весьма серьезные доказательства о Боге, и у католиков, и у православных. От них, во всяком случае, нельзя отмахнуться... Вот следующая двусмысленность: «В плане же собственных размышлений — он (атеист) не верит в истинность наших, правду сказать, обычно довольно-таки наивных представлений о Высшем Существе, пребывающем "над миром", но в порядке здешней, предметной действительности». Вы говорите о «плане размышлений» вообще и приравниваете его к «обычно довольно-таки наивным представлениям», которые остаются «в порядке вещей, предметной действительности». А в плане Ваших размышлений тут же подразумевается более высокая возможность мыслить. Серьезную проблему «анонимного христианства» Вы решаете в том же смысле пренебрежения идей ради практических добродетелей (дело не в названии). Идея «плюрализма» в христианстве есть та же позиция Либерала, подменяющая разговор по существу, то же общее и неопределенное «сочувствие» разным идеям, заставляющая подозревать пренебрежение ими.

Далее: Вы оставляете общие утверждения «над» существом дела, общие разговоры о возможности мышления и начинаете конкретно размышлять над проблемой Смерти. Эти размышления Вы уже никак не назовете нашей «наивностью», Вы указываете на наивность тех, кто не понимает значения этой проблемы, Вы доказываете необходимость и абсурдную значимость этой проблемы, «доводы разума в нашем диалоге с атеистами» не кончились, и как ни идеально состояние «анонимного христианства» у атеистов, оно не защищает их от отчаяния перед лицом Смерти. Отчаяние, конечно, Вы не считаете преимуществом духовным... Разговор, наконец, пошел все-

таки решительно по существу. Нам есть о чем говорить определенно и конкретно.

Я совершенно с Вами согласен, когда Вы решительно и определенно говорите о проблеме Смерти как о проблеме роковой для всякого нерелигиозного мировоззрения, и даже для всякой религии, кроме христианской религии Воскресения. Смерть уничтожает человека начисто и все уничтожает для него, — ни о каких «остаточных» ценностях уже не приходится говорить. Теория «прогресса», общечеловеческие ценности, ценность человеческого рода, человечества, общества, цивилизации — все это только опиум для неверующего народа, обман, отвлекающий личность от духовной сосредоточенности. Дело, конечно, не в том, когда и скоро ли погибнет наша планета или уничтожит само себя наше общество. Да и живи мы нашим человеческим родом благополучно и бесконечно, — ничего от этого не меняется для абсолютно исчезающей личности, для которой и в которой умирает все, и ничего не остается для утешения, и ничтожны для личности все безличные ценности.

Для атеиста вопрос о Смерти является роковым. Здесь мало сказать, что атеизму остается только уныние или пессимизм. Атеисты, оставаясь таковыми, иногда соглашаются определить свою позицию как пессимистическую, а затем с определенным удовлетворением и уверенностью защищают ее. Но и здесь, в таком, казалось бы, правильном и сознательном пессимизме, скрывается ложь. Удовлетворятся мыслью и верой в полное исчезновение можно только при условии, если эту атеистическую веру и мысль переживать отвлеченно от того, в чем они состоят, отвлеченно от жизненного значения вопроса. Упорный атеизм, который в этих случаях щеголяет своим бесстрашием перед лицом Смерти, своим героическим стоицизмом, гордится своей серьезностью — заквашен, однако, на легкомыслии. Надо или не понимать, о чем речь, когда речь идет о Смерти, или (или, сразу и одно и другое) играть мыслью, радуясь своей доктрине, красивой позиции и т. д. Как говорит Гюисманс: пессимизм хорошо утешает тех, кто не имеет потребности в истинном утешении. Перед лицом Смерти мало говорить об угрозе пессимизма или уныния, — и странно в момент такого вопроса заботиться о нашем настроении и самочувствии. Пессимизм, как некоторое состояние, в котором «жить можно», которое занято собой и удовлетворено собой, отвлекаясь от самого содержания трагедии Смерти, — далеко не самое серьезное, и в таком пессимизме очень много легкомысленного оптимизма, утешения

благодаря жизни, только что на этот раз в тонкой форме интеллектуального самоудовлетворения, нравственного нарциссизма. Поистине же Смерть для нас есть полное крушение всего, всех ценностей, есть отчаяние. И такое отчаяние есть мгновенная критическая точка, в которой нельзя пребывать, которая не растягивается, не имеет длительности, которую или проскакивают вперед: к свету, знанию, вере, — или отскакивают назад: во мрак, в подавленность, бессознательность и легкомыслие. Смерть — такая глубина отрицания человека, его жизни, которая ведет или к Воскресению, и вере Христовой, или отбрасывает чувство и сознание человека назад, в оцепенение, бессознательность, опьянение удовольствиями жизни. Смотреть в бездну Смерти можно только с преображающей вершины Воскресения, из веры в него. Точно так же, как сознавать глубину греховности можно только из веры в Искупление. Только христианство может знать и глубину греха, как греха первородного, фундаментального, и глубину Смерти. Другие религии к этому неспособны. Грех для них имеет относительное значение, — потому может быть исправлен человеческим усилием, без Креста. Смерть переживается натуралистически, как некоторое, хотя бы и самое необыкновенное, высокое, продолжение нашей жизни, — и Смерть не имеет абсолютного значения, не относится к Самому Богу (когда в христианстве говорится о Смерти Христа по человечности, то это подразумевает в единстве Личности и Божественное значение смерти: действительно по человечности, по Своей действительной человечности, умирает Сам Бог). Перед лицом Смерти альтернативой христианству является только, как Вы когда-то хорошо сказали, неспособность духовно сосредоточиться. Только религия Воскресения, христианская религия, воспринимает Смерть в ее полном значении и глубине.

Кстати сказать, никакая надежда (это слово никак не подходит) не соразмерна со Смертью, и не избавляет от ее мрака. Смерть порождает отчаяние, решительное, крутое, критическое, — никакая «некоторая», робкая, относительная, смиренная надежда не соразмерна с таким категорическим чувством. Надежда в том смысле, в котором она противопоставляется уверенности, вере, есть обход проблем, а потому некоторого рода компромисс, утешение. Только вера, по существу совершенная и окончательная, имеющая характер внутренней убежденности (какой бы внешне и психологически она ни была в человеке слабой, — и чтобы это различать, надо различать

абсолютный и объективный смысл нашей веры от того, как мы относительно способны его переживать, объективно-истинную постановку вопроса от интимно личной), христианская вера в ее полном значении, уверенность в абсолютном смысле Воскресения, — вот что только отвечает на вопрос о Смерти.

2

Атеизм не может справиться с проблемой Смерти, не может даже, как говорил, вплотную подойти к этой проблеме и ясно ее поставить. Но мы со своей стороны не можем удовлетворяться только отрицательной критикой атеизма. Критикуя атеистическое сознание, мы не можем останавливаться на том, как атеизм понимает сам себя, наше понимание атеизма не может совпадать с его самосознанием. Поэтому для нас вопрос продолжается далее: о том существе атеизма, которое может быть самому атеизму недоступно. И тогда для нас встает вопрос о христианских основах атеизма, скрытых от него самого, но таких, которые должны быть открыты для нас. Отношение атеизма к Смерти не исчерпывается легкомыслием и неспособностью сосредоточиться на проблеме. Вы поставили самый важный вопрос: что же реально обеспечивает атеисту его спокойствие перед лицом Смерти? Здесь недостаточно ограничиться отрицательными определениями, необходимо найти положительную основу. При этом ту, которая выражает себя в отрицательной форме.

Атеизм имеет две стороны. Теоретически он выражает себя в суждении «Бога нет»; жизненно, практически — верой в Смерть, убеждением, что есть Смерть во всем ее полном абсолютном значении. О том, какой христианский смысл скрывается под атеистической верой в небытие Божие, надо говорить особо. Сейчас наш вопрос в том, что атеистическая вера в Смерть имеет христианский смысл.

Христианство верит не в бесконечное продолжение человеческой жизни, и очень неточно говорит о Вечной жизни в смысле какого-то продолжения нашей. Христианство верит в Воскресение, которое подразумевает полную Смерть нашей личности и нашей жизни. Христианство есть вера в Воскресение через Смерть. Атеистическая вера в Смерть есть углубление христианского учения о Воскресении. Если атеизм глубже переживает смерть и так, что это вызывает недоумение у христиан, то такую ситуацию надо оценить как развитие христиан-

ской идеи через атеизм. Христианство недооценивало Смерть, — если атеизм оказался способным переживать ее глубже, и так, как христианство не умело и не умеет, судя по тому, что на сегодняшний день оно воспринимает атеизм только негативно. Хотя в христианской традиции предупреждали против того, чтобы легкомысленно относиться к Смерти, считать ее чем-то поверхностным, видимостью, и при том, что в самом центре христианской веры значение Смерти утверждено учением о действительной Смерти Христа, проблема, однако, не подходила с такой непосредственной ясностью, с какой ее пережил атеизм.

Атеизм развивает христианское учение об абсолютном, божественном значении Смерти. Точнее, — развивает не учение, не саму христианскую идею, а переживание Смерти. Атеизм выводит к непосредственному переживанию абсолютного значения Смерти, к непосредственному переживанию того, о чем всегда учило христианство, что оно всегда понимало. Атеизм не понимает идеи и смысла об абсолютном, божественном значении Смерти, но непосредственно переживает это значение. Непосредственность переживания и исключает, отталкивает осознание его. В пределе непосредственное переживание бессознательно и наивно. Атеизм также непосредственно, бессознательно переживает абсолютность человека. И абсолютность человеческой смерти связана с абсолютностью человека.

Христианская вера в Воскресение должна осмысляться не в обход Смерти, ее абсолютного значения, и не в обход атеистической веры в Смерть, — но углубляясь в Смерть и в атеистическое ее переживание. Воскресение — через Смерть и в глубине Смерти заложена необходимость Воскресения. Смерть есть — следовательно ее нет, есть Воскресение. Таков должен быть ход нашей мысли сегодня, — перед лицом атеизма, вглубь его, одновременно и вглубь христианского учения. Атеистическая вера в Смерть имеет глубокий христианский смысл, который надо открыть. Открыть смысл атеистической веры в Смерть и углубленный смысл христианской веры в Воскресение через Смерть. Глубина Воскресения открывается через глубину Смерти, утверждение Воскресения через полное отрицание в Смерти. Чем глубже представление о Смерти, тем глубже — и о Воскресении. И надо идти мыслью в глубину Смерти (как и нравственно — согласно Апостолу, отречение от грехов есть Смерть со Христом). Не только совершенная любовь, но и совершенная мысль уничтожает страх Смерти, в котором есть бессмысленность, и боящийся Смерти несовершенен в понимании Смерти...

Полнота смерти означает, что исчезает в человеке и для человека все: и его память и его прошлое. Важнее всего говорить о прошлом, в полной Смерти оно также исчезает, и бывшее оказывается небывшим. Прошлое человека хранится в его памяти, но исчезает со Смертью и память. Могут помнить только другие, — пока не умрут сами, — но для умершего как нет памяти, так нет и прошлого.

И здесь есть «онтологическое доказательство» Воскресения из Смерти. Подобное онтологическому доказательству бытия Божьего, также связанному с атеизмом, с проблемой нового идеализма, — и недоразумения с формулировкой и разъяснениями этого доказательства происходят из недопонимания его атеистического подтекста.

Смерть, если ее сосредоточенно додумать и не соскальзывать к посторонним соображениям, есть такое полное уничтожение, которое погружает в ничто и само прошлое, бывшее становится небывшим, и тот, кто умер, после того, как умер, уже совершенно и не был и не жил. Что он когда-то «жил» имеет значение только для тех других, которые пока еще живут, и судят о его жизни со своей точки зрения, абсолютно безразличной мертвому. Истина Смерти, как она есть для самого умирающего: после Смерти нет и не было никакой жизни.

Это значит, что когда я сейчас думаю о своей Смерти, то мне надлежит уже и сейчас знать, что моей жизни сейчас по существу нет. Если абсолютно истинно, что Смерть делает бывшее небывшим, и что все бывшее окажется и раскроется как небывшее, ничтожное, — то уже сейчас безразлично глубоко: живу я или не живу. Уже сейчас меня нет, если правильно по нашей вере, вере в Смерть, что наступит такое время, когда именно так и будет, когда будет уже совершенно безразлично жил я или не жил, и когда будет для меня, что меня не только не будет, но будет так, что меня по существу и не было.

Вера в полную смерть отрицает мою жизнь уже сейчас и потому вера в Смерть сталкивается с непосредственной верой, что сейчас я очевидно жив. Мы вышли к абсолютному противоречию, которое можно обозначить древним афоризмом гедонистов, придав ему неожиданно самое глубокое значение: когда Смерть есть — нас нет, когда мы есть — смерти нет. Но это нам сейчас не утешение и не разъяснение. Приходится решительно выбирать, причем из такой альтернативы, где нельзя пожертвовать ни одним, ни другим. Перед нами две неоспоримые очевидности, ни одна из которых не допускает другую.

Такова в высшей степени напряженная интеллектуальная ситуация, в которую мы попали. Именно в такой ситуации на самом деле находится «беспечный атеизм». При всей своей самоутвержденности, он весь проблема, — и остается видеть глубину и продолжение проблемы в том, что он саму проблемность умеет переживать как готовый ответ.

Мы заметим еще следующее. Проблема наша настоящая — и на Востоке, именно ее чувствуя, давали ей определенное решение через отрицание действительности жизни. Перед лицом Смерти углубляясь в Ничто, восточная мистика заключила, что наша наличная действительность необходимо ничтожна, есть видимость, «покров», «майя». У нас не меньшее, а большее чувство смерти, но наш атеизм укреплен и неоспоримым чувством действительности видимой жизни. Именно этот комплекс одновременной веры в жизнь и веры в Смерть и составляет своеобразие атеистического характера, и указывает на христианские корни атеизма. Но вопрос надо продолжить.

Неоспоримая действительность нашей настоящей жизни неразрывно связана с пронизывающей всю нашу жизнь ее столь же неоспоримой ничтожностью. Мы не можем не ценить нашу жизнь как нечто самое драгоценное, но мы не можем и не презирать нашу жизнь как нечто самое несоответствующее ее же собственной ценности. Именно потому, что наша жизнь абсолютно значительна, мы чувствуем и всю непроявленность этой значительности, глубочайшую неисполненность значительности нашей жизни, — хотя при этом наша жизнь и остается неизбежно значительной. Ничтожное осуществление нашей жизни абсолютно не соответствует ее великому значению. Вот второе фундаментальное противоречие, которое накладывается на первое противоречие жизни и Смерти. Одно с другим связывали постоянно в религиях и особенно глубоко — в христианстве.

Противоречие ничтожности и значительности нашей жизни, накладываясь на противоречие жизни и Смерти, единственно только и может разрешить это последнее противоречие и дать ему смысл, — и этот смысл есть Воскресение.

Ничтожность, неосуществленность нашей жизни связана с нашей греховностью, грех в глубоком мистическом определении есть ничтожность, есть ничто. Грех есть оторванность от полноты и осуществленности Божественной жизни. Грех и ведет к Смерти. Связан со Смертью.

Необходимость Смерти коренится в грехе и ничтожности нашей жизни, и высший смысл полного отрицания нашей жизни — в уничтожении той ничтожности ее, которая совершенно подавляет, уничтожает при том неуничтожимую нашей жизни абсолютность. В Смерти Христовой Смерть для христианства раскрывается в своем абсолютном, божественном смысле и ведет к Воскресению. Торжество Воскресения переживается христианством как осуществление Смерти в ее абсолютном, божественном предназначении. Христос Смертию Смерть попрал. Смерть есть Смерть смертного в нашей жизни, необходимое уничтожение ее ничтожности, дабы выявилось вечное и абсолютное в ней. Воскресение есть вхождение в полную жизнь через полную Смерть, полное отрицание действительности нашей жизни ради ее действительности, ради божественного значения жизни нашей.

Это мистически всегда знало христианство. Но атеизм знает это непосредственно и действительно в форме противоречия своей веры в жизнь и веры в Смерть. Атеизм знает это противоречие особым образом. Смысл как таковой этого противоречия ему не открыт — должен быть открыт христианством. Но он непосредственно причастен той реальности, которая осмысливается христианством. Странная беспечность атеизма перед лицом Смерти связана с глубоким чувством эмпирической жизни, ее вечного значения. Временное непосредственно чувствуется в его вечном значении, без обращения к идее Вечности. Этим объясняется противоречие атеизма, который с одной стороны глубоко знает Смерть, а с другой — знает что-то такое, что позволяет ему оставаться перед Смертью невозмутимым. При этом атеизм, конечно, не знает того, что он знает, — его глубина есть непосредственное причастие той реальности, которую осознает христианство, реальности Воскресения. А говоря точнее, атеизм чувствует не просто Воскресение, о котором он ничего знать не хочет, — он чувствует Воскресение со стороны его уже-свершенности, чувствует временное и эмпирическое, преходящее бытие со стороны вечности, его вечный смысл. Этот новый аспект переживания Воскресения, переживания, которое возможно без понимания идеи Воскресения, которое невозможно в границах идеи, есть и являет собой непосредственную причастность Воскресению, самой Реальности его — и составляет новую проблему атеизма, его христианского значения.

Смерть как путь к Воскресению, Воскресение — только через Смерть, — эту проблему мы чувствуем в наших пережива-

ниях Смерти, в двойственности нашего отношения к Смерти. Сначала вопрос о Смерти ставится обычно негативно. Первое, что мы знаем — Смерть все отрицает, лишает ценности, есть самое страшное для нас. Но есть и другая сторона Смерти. Если отвлечься от страха Смерти и предположить, что Смерти не будет, что мы можем жить, и даже физически не дряхлея, бесконечно — нас это напугает не меньше, чем Смерть, мы захотим Смерти. Картина такой бесконечной жизни, жизни несовершенной, непроявленной, томительной, и явно, во всяком случае, не достигающей последних вожделений нашей души, — есть картина ада. Смерть страшна, как и наша жизнь ценна, ценна бесконечно. Но наша жизнь также и тут же — глубоко ничтожна, бесконечное ее представление было бы бесконечным ужасом, адом, — и тогда Смерть для нас — высшая Надежда на жизнь истинную, жизнь с Богом в окончательной и проявленной близости, единственная возможность разрешения наших отношений с абсолютным подлинным и высшим.

Страшит и неудержимо влечет нас Смерть. В этой двойственности наших чувств — предчувствие той же тайны и абсолютной истины: Воскресения через Смерть.

И еще — зачем нужна Смерть. Я должен остаться самим собой, воскреснуть должен именно я. Но все мое во мне — и как раз для того, чтобы оно истинно, интимно моим и выявилось — должно стать подлинным, объективным — Божьим, вырванное из меня для меня.

3

Проблема формального совпадения положения апофатического богословия «Бог есть Ничто» и атеистического «Бога нет».

Начать надо с того, что для христианства формулы имеют священное значение, и потому «формальное совпадение» не может быть только формальным, должно иметь глубокий смысл.

Далее. Надо сказать и о формальном и о совпадении. Мистика говорит: Бог есть Ничто, и пишет Ничто с большой буквы, называет его Божественным. Атеизм говорит не о ничто, а говорит этим ничто, непосредственно относя его к Богу как предикат «нет». И нет нужды для атеиста писать «ничто» с большой буквы. Для мистики «ничто» было таким богоотрицанием, которое действовало во славу Бытия Божьего и составляло особое, высшее «отрицательное богословие». Для атеизма ничто есть собственно ничто, его самого просто нет, атеизм не

слишком мудрит над глубиной этого ничто (особый разговор — об изощренных формах западного атеизма), и в прямом смысле нет того, к чему ничто прилагается. Бога прямо и собственно нет. Отрицание здесь полное, прямое и не «загибается», не обращается в утверждение.

Это формальное совпадение и несовпадение мистики с атеизмом и должно быть изучено по существу. Вопрос идет в фундаментальную проблему нового переживания и понимания реальности, бытия в атеизме. Бытие и ничто переживаются и понимаются, сравнительно с мистикой, в самом своем прямом, непосредственном смысле, который осторожно надо называть смыслом, ибо по причине непосредственности интеллектуальное переживание перестает быть сознательным и таким образом перестает быть самим собой. Различие атеистической формулы «Бога нет» от мистического «Бог есть Ничто» — как раз в непосредственности переживания атеизмом и бытия и небытия. Без особой премудрости и мистики: что есть, то есть; чего нет, того нет. И при этом для атеистического сознания бытие сосредоточено в бытии предметно-эмпирическом, которое как раз и требует непосредственного себя восприятия.

Проблему надо ставить так, что атеизм есть новая онтология, есть новое переживание бытия и ничто. Переживание это должно быть христианством признано (на его, переживания, месте), и должно быть понятно с христианской точки зрения, почему в системе атеистического восприятия реальности необходимо (а это именно необходимо, если мы не будем шутить с историей и считать атеизм недоразумением) суждение «Бога нет». И вопрос должен быть поставлен так, что мистическое переживание Божественной глубины бытия обязано выказать свою глубину способностью понять и оценить атеистическую онтологию. Надо найти мистический смысл антимистического атеизма. Христианский смысл атеистической онтологии уже признан вместе с признанием науки, гуманизма.

4

Наконец, Вами поставлен самый важный вопрос для нашей мысли, от решения которого зависят права и значения всех наших суждений, — вопрос о последней и глубочайшей тайне бытия, о непостижимом.

Ваши рассуждения имеют свой смысл, — не только условный, относительный, в той ситуации, когда мы говорим с убеж-

денным в своих догадках обывателем. Если человек тупо уперся в мирок своих житейских очевидностей, справедливо указать ему, что он отнюдь не все знает, и что не ему опровергать христианство, и потому для него есть верная возможность, «надежда», что все, о чем говорит христианство, истинно.

Но для углубленной постановки вопроса Ваши рассуждения совершенно не годятся. Перед непостижимостью и тайной, когда мы погружаемся в них, начинают колебаться все наши понятия, не остается ничего верного, за что можно было бы зацепиться. Все сомнительно перед лицом глубоко непостижимого. И что самое важное: мы в целом и непосредственно начинаем сомневаться в самой способности нашей мыслить, в надежности самых основных наших понятий. Вы рассуждаете о непосредственном еще в пол-оборота, вообще рассуждаете о нем, при этом доверяя определенным понятиям, представлениям, — как будто их не касается то всеобщее сомнение, которое охватывает и должно охватывать все. Вы потому ведете дело к каким-то частным выводам, к надежде. Какие могут быть надежды на что-то перед лицом глубокой тайны, когда перед этой тайной, непостижимостью нельзя надеяться ни на одно наше понятие, представление, ни на одну истину. Непостижимое для нашего разума имеет значение Смерти, значение полного отрицания. Размышления о непостижимом — опыт полного мира, пригашения нашего сознания, его обмирания. И выход, как и со Смертью, только один — Воскресение. Для размышлений о непостижимом, для мысли нашей Воскресением является та новая самоутвержденность нашей мысли, которую она получает непостижимым образом из недр самой непостижимости, как причастие внутреннему самооткровению непостижимости. Это проблема той глубины непостижимости, где она вдруг, воистину непостижимо, открывается как абсолютно открытая нам, — но открытая, оставаясь непостижимой и открытая непостижимым образом, — и тогда такая непостижимость, мрак, который являет непостижимый свет (слова Апостола), оборачивается для нашей мысли не односторонним отрицанием и разрушением, не поводом для скептицизма, но совсем наоборот, — абсолютными силой и светом, входящими в саму ткань и плоть, в самочувствие нашей мысли, так что саму способность нашу мыслить переживаем мы как действие в нас самооткровенной непостижимости, как причастие ее непостижимому свету, причастие Логосу непостижимости. Проблема непостижимости ведет в глубину философии и теологии о Логосе. Выходя через веру к

учению о Логосе, Слове Божьем, к учению об Истине, Свете в глубине Божественного Мрака, Тайны, наш разум воскресает причастием Божественному Разуму, Откровению. Смерть разума перед лицом непостижимости, момент полного, тотального сомнения, сомнения разума в себе самом, переходящего в расстройство непосредственного самочувствия нашей мысли, ее непосредственной самоуверенности — есть Смерть смертного и ничтожного эгоцентризма нашего разума, когда наш разум хотел бы «сам», своими силами, без причастия Самой Непостижимости, без признания роли Ее силы и благодати в познании, познать эту абсолютную Непостижимость. В результате тот сквозной скептицизм, доходящий до расстройства непосредственного нашего интеллектуального самочувствия, тот момент полного погашения, Смерти нашего разума, который ведет к Воскресению, к новой жизни нашего разума, когда он живет жизнью Самой, Самооткровенной непостижимости, и мысля о непостижимом, об Истине и Откровении его, мыслит непостижимо этой непостижимостью и ее Самооткровением.

Когда встает вопрос о Смерти, — только христианское учение о Воскресении есть ответ. Жизнь человеческого рода, «вечная память потомков» — все это «липа», самообман, утешение, опиум для сознания, неспособного сосредоточиться. Так серьезна Смерть, что только такой серьезный ответ, как христианское учение о Воскресении, есть единственно настоящий и возможный ответ. Также и о непостижимости. Отрицательная сила этой проблемы не меньшая для разума, чем проблема Смерти. Всякие полуответы никуда не годятся. Всякие частные рассуждения, уверенности перед лицом проблем абсолютной непостижимости столь же сомнительное утешение как и «вечная память потомков» перед Смертью. Смерть заберет все, и тех, кто может о нас помнить и все ценности человеческого рода. Непостижимое уничтожит все понятия, на которые мы надеемся, которыми мыслим. Перед непостижимостью не только не о чем мыслить, но и нечем. Так и должно быть. Наше своевольное мышление останавливается, обмирает, чтобы погрузиться туда, где только теперь и можно начать жизнь. И только так можно Воскреснуть из обмирания, — Самооткровением самой непостижимости. И мыслить о непостижимости остается только абсолютно сознательно, сознавая, что наше мышление являет собой Самооткровение в нас непостижимости, Смиренное отнесение самой нашей мысли к Самомышлению в нас непостижимо, оно-то и связано с абсолютной уверенностью и

дерзновением нашим знать то, что знать невозможно, — саму абсолютную непостижимость. Человеку невозможно — Богу возможно.

По аналогии с рассуждениями о Смерти откровение о непостижимой открытости нам непостижимости можно изложить так. Такое откровение есть откровение через Смерть нашей мысли в полном ее сомнении. Приближаясь к непостижимости, наша мысль все глубже сомневается во всем, в том числе и в себе самой. Наконец, не веря в себя саму, в свои средства, в свои понятия, которыми наша мысль оперирует, наша мысль расстраивается в своем непосредственном самочувствии — она уже самым непосредственным образом не может верить сама себе и считать понятным то, что ей понятно. Здесь такой же предел отрицания, как и тот, когда перед Смертью, которая глубиной своей уничтожает все, все бывшее, все будущее и настоящее мое, я не могу уже верить и в то, что я сейчас существую. И в этот момент наше отрицание переходит в кризис и катарсис. На этом пределе наше отрицание встречается со столь абсолютным сопротивлением, напарывается на встречную очевидность. Вера в Смерть сталкивается с верой в непосредственно мне данную жизнь. Об этом я говорил. Полное сомнение во всем, находящее кульминацию в сомнении моей мысли о себе самом, переходящее в сомнение о самой моей способности мыслить, считать понятием то, что мне непосредственно понятно, это сомнение сталкивается с непосредственной очевидностью моей мысли, при том с очевидностью самой моей мысли о непостижимом, моего сознания, о ничтожности моего сознания. В результате такого столкновения, как и в случае проблемы Смерти, отрицанию подвергается то ничтожное, что и должно быть уничтожено. Очевидное и понятное нам, известный нам факт нашего сознания, мы переживаем ничтожно, потому что переживаем скучно, серо, как нечто тривиальное, не видим, что наше сознание есть изумительный свет из глубины непостижимого бытия, что всякое наше понимание, которое для нас «само собой разумеется», тем более этим изумительно, являет собой чудо, невозможное самооткровение глубочайшей непостижимости. Понятное нам слишком понятно, привычно, тривиально, скучно — потому нам непонятно самое главное о нашей способности понимать и мы лишены глубины интеллектуального самочувствия, — мышление наше есть чудо света из глубинного мрака, непостижимости, тайны и само есть непосредственное явление этого света и, причастное источнику

его, самооткровению непостижимости, способно потому понимать что-либо и понимать все.

4б

Проблема непостижимости есть исходная и фундаментальная проблема для человеческого сознания, которой определяются самые общие права нашего разума что-либо знать. Проблема эта является основополагающей, если нас интересует Введение в христианскую веру — из неверия, путем мысли. В современной духовной ситуации эта проблема самая актуальная. Именно через эту проблему открываются для нашей мысли абсолютные перспективы абсолютного, духовного знания, устремленного к вере. Здесь основание, из которого только можно интеллектуальным путем двинуться к вере (исторически: такова роль греческой философии, занятой проблемой Логоса). Дойти из этого основания до самой христианской веры не так просто, — интеллектуальная сосредоточенность должна быть дополнена, исполнена через тот таинственный момент, который составляет неотменяемое значение веры. Размышления не заменяют благодати веры. Но и вера не отменяет размышлений, — в вере и через нее наша мысль находит себя окончательно, истины веры получают внутреннюю достоверность, очевидность нашего самосознания. Отсюда полное единство веры и знания, несмотря на незаменимость одного другим. Вера, как говорили Учители Церкви, всегда есть некоторое знание, хотя бы и свернутое, не раскрытое. Знание всегда движется к вере, если оно истинно, или от веры, если оно внутренне ложно. Выявить интеллектуальную глубину нашей веры, обнаружить точку их полного схождения — проблема весьма не простая. Но можно определенно говорить о необходимом условии выяснения смысла веры о вере в мысль и о ясности, сознательности нашей мысли — это же есть условие внутренней достоверности нашего мышления. Проблема нашего отношения к непостижимости является здесь решающей. Первое, что надо заметить, — перед лицом непостижимости, перед этим решающим экзаменом, наше сознание должно выдержать веру в себя и себя самое, должно осознать свое отношение к непостижимости через углубленное переживание своей абсолютности, внепосредственной причастности ей. Таким образом наше сознание из опыта погружения в тьму непостижимости, из этого обмирания, выносит обновленную и укрепленную веру в себя. Проблема непостижимости глубоко проясняет наше сознание, поскольку углубление в не-

постижимость, когда его наше самосознание выдерживает и осознает, переживается и понимается как непосредственное причастие нашего сознания непостижимости, и тогда ясность, самоуверенность нашего сознания обнаруживается не как внешнее противопоставление непостижимости, но как ее непостижимое явление, как причастие нашего сознания внутренней и собственной ясности непостижимого, его глубинному свету Логосу.

Первое искушение, которое здесь надо выдержать, — искушение скептицизмом. Заключить перед лицом непостижимости, что мы просто о ней ничего знать не можем — слишком простое решение. Скептицизм поверхностно, истерически переживает непостижимость, в связи с чем и очень почитает свое переживание. Самосознание скептика остается внутренне расстроенным и в противоречии к самому себе. Скептицизм не может последовательно, искренне отказаться от мысли, хотя это он именно и декларирует, этого как бы и хочет. Скептицизм вынужден мыслить, он есть некоторое состояние мышления, — но это есть для него уже грех, потому что «не по вере» его. Так скептицизм внутренне разоблачается. Простейшим, формальным образом: если кто говорит, что нет у него настоящих истин, убеждений, то вот перед нами факт его контрабандной истины, убеждения. «Надо всячески бороться с теми, кто, унижая разум, при этом что-либо утверждает», — говорит Платон. «Имя, которое не имеет в себе реальности именуемого, является именем только по имени» и т. д.. Глубокая, «органическая» уверенность греческой мысли в себе самой и составляла ее духовную ценность, вывела греков к учению о Логосе, — и все это было оценено христианством.

Но греческая философия, ее платоническая традиция не вошли в христианство автоматически, потребовалась глубокая переработка. Здесь возникает следующая важная проблема, которой сейчас можно только коснуться. Как с конкретной верой в Личность Христа, с христианской верой в ее полноте связаны, казалось бы, совершенно абстрактные, чисто внутренние, проблемы нашего самосознания перед лицом полной непостижимости? Общий ответ пока может быть только такой: конечно, очень непросто, трудно, через дальнейшее великое углубление греческой философии до уровня христианской теологии. Греческая философия не просто была воспроизведена христианством и присоединена к вере, но подверглась основательной обработке и отрицанию. Нет возможности заниматься сейчас подробностями или историческим исследованием. Отметим только прин-

цип. Греческое учение о Логосе, и как оно было далее развито в платонизме, осознано и сформулировано в границах идеализма, как общая и самодовлеющая идея, — эмпирическая реальность и непосредственные жизненные отношения с нею оказались в пренебрежении. Этика платонизма далека от христианской. Христианское учение поставило акцент на этике совершенно новой, явило себя столько же учением, сколько и верой, и при этом исходило из культа Божественной Личности Христа. Платоническое учение христианство пережило по-новому жизненно и религиозно жизненно. Новое, что внесло христианство в платоническое переживание и понимание Света, Логоса из глубины непостижимости — жизненность, религиозную жизненность, самое серьезное отношение к эмпирической жизни, укорененное в религиозном переживании святой «эмпирии» воплощенного и вочеловечевшегося Логоса. Поэтому, если говорить об отношении идеи Логоса к христианской вере, нужно говорить о новом, священном переживании христианством эмпирической реальности, с которым связано и новое личное отношение к непостижимому Богу, Богу явленному во Иисусе Христе. Христианство знает не идеальный, платонический Логос, но Логос воплощенный, личный, явленный как Божественная Личность, относиться к которому чисто-интеллектуально недостаточно.

Проблема в том, как относится Логос, раскрываемый чисто интеллектуально, в абстрактных (хотя и глубоких) рассуждениях о непостижимости, о нашем разуме, его идеях... к христианскому Логосу, Который есть предмет веры, культа, явлен как Святая и Божественная Личность, — Который, в общем определении (но на этот раз наше интеллектуальное определение соединяется с верой) есть Логос, переживаемый эмпирически. Эта проблема и есть проблема выхода наших размышлений, нашего самосознания из собственной, ограниченной и абстрактной области в область веры, во всем ее своеобразии, во всей ее жизненности. Одновременно с тем, что наша мысль переходит свои пределы, она, именно она это делает, и несводимость веры к мысли, их разрыв, оказывается одновременно и их единством, мысль здесь вводит в веру, при этом ее не заменяя, указывая на нее как на свое собственное продолжение и исполнение.

Это есть проблема Таинства, но в том ее внутреннем и собственно-смысловом, интеллектуальном углублении, которое возможно для мысли, когда она, сознавая что делает, выходит за свои пределы. Самое трудное и важное дело мысли здесь —

раскрыть Таинственную сторону себя самой, преодолеть тот идеализм в религиозном учении, который может сохраняться в символическом характере богословия и дополняться мистикой романтического уклона. Но эта проблема подошла самым настойчивым образом к христианской мысли «со стороны» нового атеистического мировоззрения, укорененного в новом углубленном переживании эмпирической реальности и в новом эмпирическом способе мысли. Самое внутреннее отношение к вере наше мышление раскрывает, когда осознает само себя, словами Л.Карсавина, как «познавательное причастие». Здесь есть важный вопрос, который сегодня требует углубленного рассмотрения: глубокий, таинственный смысл той эмпирической реальности, которая переживается непосредственно, независимо от осмысления ее и тайна которой есть ее бестайность, открытость. Какой внесмысловой или сверхсмысловой смысл имеет эмпирическая реальность, какое отношение имеет к ней идея, к ней которая отталкивает от себя всякую идею и утверждает себя непосредственно. И второе направление измерения этого вопроса: какое значение для самого мышления, для самой идеи, имеет эта эмпирия, реальность в ее абсолютно-непосредственном.

Все эти вопросы можно было бы рассмотреть конкретно. Разговор об атеизме можно вести конкретнее, имея в виду его конкретное выражение в современной науке, этике, эстетике. Истина, добро и красота — вся эта Божественная область на сегодняшний день переживается глубоко атеистически. Здесь есть самые серьезные проблемы, настолько трудные, что при всей своей простоте они с трудом осознаются как проблемы. Известная и общепринятая автономия научного знания означает, что наука необходимо атеистична и что если мы хотим всерьез признавать достоинство науки, то вместе с этим нам предстоит не меньше как признать смысл и достоинство атеизма. Аналогична проблема новой, гуманистической нравственности, столь же автономной от всякого знания, в том числе и христианского, как и наука. Проблема автономной нравственности, безосновность которой, отделенность от идеи, переживают как ее высоту, как ее бескорыстность — есть Ваша тема «анонимного христианства». Это также включает в себя тему об атеизме. Вслед за Н.Бердяевым, Вы прямо и смело говорите атеистически-откровенные речи: Бога нет на земле, где есть чума, зло, жестокость, война. Это ведет к атеизму, как показал Достоевский. В «бунте Ивана Карамазова» дана характерная форма перехода от веры к атеизму. Я не Бога не принимаю, я

этот мир, нашу жизнь не принимаю, — говорит Иван Карамазов. Но получается так, что он отвергает и Бога. Если не принимать мир Божий, то не принять и Бога. Но как принять мир — когда новая нравственная чувствительность ко аду не согласится сделать это из уважения к Богу? Но и наука, если присмотреться, так же в определенном смысле из уважения к Богу отрицает Его, когда мыслит в границах мира, мыслит научно, «вещами о вещах». К этим проблемам и я предлагал бы перейти в дальнейшем. Это проблемы на две стороны — и для христианства и для атеизма — так что равноправно никому не будет привилегий в теме. Где Божья Воля, если мир закономерен? Любить человека ради него самого или ради Бога, любить из любви или же объяснения о любви? — это наши вопросы. В чем смысл суждения «Бога нет», если согласно атеизму нет никакого смысла в слове «Бог»? Проще говоря: Кого нет? Или также: как можно атеисту положительно знать, что Бога нет. В корнях атеизма есть трудная проблема: соединяются скептицизм и догматизм. О том, что Бога нет, говорится сразу из двух противоположных оснований: 1) из того, что о Его бытии нельзя знать, и 2) потому, что явно известно, что Бога нет. Из скептицизма атеизм делает вывод к догматическому положению. Почему? Наука, которую атеизм любит считать своим основанием, не поддается прямому определению, всякое ее определение есть уже философия о науке, автономная от самой науки. Как в этих условиях можно определить науку? Для атеизма это такая же трудная и важная проблема как и для христианства. Можно вместе и подумать. Относительно атеистической гуманистической нравственности проблема касается также и атеистов. Безосновность этой нравственности для атеизма есть проблема вот с какой стороны: выходит, что бескорыстность нравственного мотива дается ценой бессмысленности его, — ради бескорыстности нельзя знать смысл и цель мотива. Кант сразу же, отвечая на этот вопрос, вынес вопрос в сторону и на вопрос не ответил. «Практический разум», который должен быть отделен от разума теоретического, который и сохраняет за нравственностью бескорыстность, — однако, в какой же мере он есть именно разум? В современной эстетике есть, мне кажется, аналогичные проблемы.

С неизменным уважением Ваш Б.
Ноябрь 1980
№ 4.

Дорогой Б.! Для начала дружеского диалога с атеистами мы с Вами согласились взять статью «Со-чувствие» (документ № 1). Это характерно-личное выступление благородного, доброжелательного атеиста, который стремится всех примирить, соединить... Автóр не отозвался еще на нашу критику. Тем временем я изучаю Ваше письмо (№ 4), и есть у меня некоторые существенные замечания.

1

Вы написали целый трактакт о смерти. Кажется, я более или менее все достаточно в нем понял. Здесь мы встречаемся с явлением столь нелюбезного Вам «плюрализма», многообразия современных выражений христианства. Вы полагаете, что христианство «недооценивало смерть», что атеизм в этом отношении идет «глубже» Христианства. А другие христиане Вам возразят, что здесь нам нечему учиться у неправды атеизма. Скажут: Вы предлагаете давно всем надоевший примитивный материализм, Ваше учение о совершенном уничтожении в смерти личности, души, учение о «смерти Бога», — все это в корне противоречит всеобщей христианской традиции.

«На смерть, что на солнце — во все глаза не взглянешь». Это русская пословица в словаре у Даля. Невозможно вообразить, «пережить» собственную смерть. Но приходится со стороны переживать смерти других. Отдаю должное Вашему проникновению в неправду атеизма, где мнимой иллюзорности личного существования противостоит живое чувство реальности личного существования. Но Вы ничего не сказали о столкновении реальности духовной жизни с реальностью телесной смерти — о встрече любви и смерти. Здесь бывает такое величие скорби, душа восходит на такую высоту.... я не умею этого выразить. Мне открывалось это в одном месте похоронного марша Шопена. Есть такой момент и в нашем траурном «Святый Боже».... Но у нас не умеют исполнять его.

Недавно я присутствовал на похоронах замечательной, великой женщины. Я не буду сейчас говорить о ней, а вспоминаю взволнованное выступление одного молодого человека, который рассказал, как она спасла его в свое время от душевной погибели. Он закончил приблизительно такими словами: «не может быть, что-бы исчезла, уничтожилась такая духовная сила, она должна переселиться, что ли, в кого-нибудь!..» Отчетливо помню это горячее выражение мощной отрицательной интуиции:

не может быть! И это трогательное выражение надежды хоть на какое-то «переселение». Всегда в подобных случаях испытываешь острое чувство бессилия веско, положительно сказать о христианской надежде личного Воскресения. «Переселение душ» — это понятно, но так бедно, так плоско, и означает ведь утрату памяти, исчезновение личности... А о Воскресении — что мы знаем? Вот откровенная дневниковая запись священника о. Александра Ельчанинова:

«Почему Церковь молчит о Загробном Мире? — Человек живет, мыслит и чувствует в условных формах пространства и времени. Вне этих форм мы не можем ни мыслить, ни говорить».

Собственно, не совсем Церковь молчит — она молится о покое души, об оставлении грехов... Но ничего не объясняет. Вот еще у меня сохранилась случайная цитата из одной статьи Карла Барта:

«...Будем искренни: мы не знаем, о чем мы говорим, когда говорим о Втором Пришествии Иисуса Христа для суда, о Воскресении мертвых, о вечной жизни и вечной смерти. Писание так часто свидетельствует о том, что все это будет связано с новым глубочайшим постижением — видением, по сравнению с которым все наше теперешнее видение окажется слепотой...»

В совместных размышлениях о смерти мы должны быть искренни — не скрывать перед атеистом этого нашего полнейшего неведения. Сохранение личности — вот все, что мы можем сказать о надежде Воскресения. Размышления «от противного» (не может быть!), переживания любви и святыни — только подводят нас к порогу, к «закрытой двери». Впереди — совершенно непроницаемая Тайна, которая откроется нам только в собственной смерти.

Рассказывают, что известный «обновленческий» митрополит Александр Введенский, защищаясь на антирелигиозных диспутах, умело подводил слушателей к усвоению такой кратчайшей формулы: «атеизм — это револьвер!»

Атеизм, если продумать его до конца, приводит к отчаянию, к духовному самоубийству. Почему этого не происходит на практике? Причина — не просто пошлость и глупость, надо указать еще на естественную погруженность в здешнее существование, для которого биологически противоестественны медитации о смерти. Так ведь и мы, верующие, обычно редко вспоминаем о смерти. Сейчас я думаю о добрых, светлых атеистах, которых мы условились называть анонимными христианами, которые именно в здешнем существовании увлечены достойной

деятельностью, собиранием сокровищ на небесах, созданием священных ценностей... Должен заметить, что Вы неверно называете их представителями какой-то особенной «атеистической» и «безосновной» нравственности. Это нравственность не вследствие, а вопреки безбожной идеологии, которая приводит к духовному самоубийству. И это нравственность, обоснованная в истинной человечности, Глава которой — Христос, в которой действует Дух Христов... Да, я охотно скажу, что Сам Дух Святый вдохновляет их на практику достойной жизни, удерживая от отчаяния теоретического атеизма.

Хочу заметить еще, что нечего нам превозноситься своей теоретической верой. Ибо так часто бывает, когда нас, христиан православных, номинальных, можно назвать анонимными атеистами — когда мы воистину забываем Б о г а, не осуществляем истинной человечности... Кстати, мне представляется странным Ваше противопоставление — «любить человека ради него самого или ради Бога». Позвольте напомнить Вам священный текст — из 1 послания апостола Иоанна Богослова (гл. 4): «Кто говорит: я люблю Бога, а брата своего ненавидит, тот лжец: ибо не любящий брата своего, которого видит, как может любить Бога, которого не видит?».

По аналогии с будто бы «атеистической» нравственностью Вы называете и науку принципиально «атеистической» — антирелигиозной. Я — не ученый, но и мне достаточно ясно, что это ошибка. Вероятно, правильно будет сказать, что наука принципиально а-религиозна, нейтральна.

3

«Были и есть весьма серьезные доказательства о Боге, и у католиков и у православных. От них, во всяком случае, нельзя отмахнуться»... Нельзя отмахнуться, это полезные, как это я называю, мотивы Надежды — но нельзя называть их «доказательствами». Ибо для нас самое важное, решающее в суждениях о Б о г е есть Его Святость, Его обращенная к нам Любовь... А это не может быть «доказано», это может быть только дано в совершенно таинственном личном откровении. Мне видится у Вас ущербное представление о Б о г е — забвение о том, что Б о г наш есть не только Вседержитель, но непременно и Дух Святый.

В этой связи позвольте заметить, что Вы непроизвольно искажаете мысль Н.А.Бердяева — будто он утверждал, как Вы

пишите, что «Бога нет на земле, где есть чума, зло, жестокость, война». Не могу сейчас привести цитату, но и так отчетливо помню действительное утверждение философа. Он писал: учение о том, что Б о г (то есть Дух Святый) будто бы присутствует во зле и жестокости, — такое учение неверно и ведет к атеизму... А Вы обвиняете в атеизме самого философа. Но ясно, что правда на его стороне. Другой вопрос — каким образом он согласовывает или каким другим образом можно согласовать, совместить откровения о Вседержителе и о Духе Святом. Во всяком случае лучше нам примириться с совершенной непостижимостью этой Тайны — но только не с хулою на Духа Святаго, будто Он присутствует во зле и жестокости.

Равновесие доводов, теоретическая «ничья Христианства и атеизма есть самоочевидная действительность. Если бы не так — то почему же бывают первоклассные мыслители-атеисты? Из позднейших, почти сегодняшних, достаточно назвать имена Хайдеггера, Сартра, Камю... Тем более интересен Ваш замысел: создать все-таки »Введение в христианскую веру — из неверия, путем мысли«, показать возможность »интеллектуальным путем« двинуться в вере. Это и предстоит Вам проверить на деле — в живом диалоге с атеистами.

А мои непритязательные размышления «перед закрытою дверью», в ситуации Неизвестности — Вы забраковали, как пригодные только для обывателей. Но я и сам — обыватель, умею изъясняться только на простом языке. Ваши рассуждения о Непостижимом, о Логосе и абсолютном знании, о Ничто, о Таинстве оказываются недоступны для моего понимания, непостижимы... Надеюсь, что их поймут и оценят другие участники этой Переписки.

Ваш А.
Декабрь 1980
№ 5

Дорогой А.! Я должен начать с подтверждения мысли нашего многоуважаемого Б. о том, что «Со-чувствие» не удалось сделать основой разговора атеиста и христианина. По ряду причин. Меня в «Диалогах» интересовала не проблематика собственно религиозного характера, а действительно спор «между наследниками западников и наследниками славянофилов». Приведенные же Вами выписки целиком относятся к методологическому

введению. Мне хотелось представить позицию Либерала в ее мировоззренческой цельности, а Вами произведено расчленение единого человека на слегка философствующего атеиста (да и то — сильно усеченного) и — целиком выброшенного — представителя сугубо социальной мысли. Лишь из-за этого расчленения возникает Ваш упрек в некорректности противопоставления титулов «Православного» и «Либерала» — ведь главная мысль диалогов именно в том, что либерализм (вовсе не обязательно атеистический) есть не политическое течение, а философия, мировоззрение, «способ жить и мыслить».

(Боюсь еще, как бы названные Вами схоластикой темы диалогов не наполнились живой кровью распрь и погромов!)

Тем не менее, я понимаю Ваши мотивы к полному устранению социальной проблематики и согласен говорить лишь о том в авторской позиции, что примыкает к интересам христиан, реально задумывающихся о позитивных составляющих атеизма, в том числе — о корнях атеистической нравственности. Распространенной при этом ошибкой является восприятие а-теизма просто как утверждения об отсутствии чего-то. Видимо, с этой ошибкой связано то, что я совершенно не узнаю ни себя, ни своих друзей-единомышленников в нарисованных Вами реконструкциях образа атеиста (вероятно, так же не узнают себя христиане в большинстве атеистических наложений). Вспомним Бердяева — отрицание Бога возможно только во имя чего-то более высокого. Из этого Бердяев делает совершенно правильный вывод, что в естественной для верующего терминологии (в которой Бог неразрывно связан со всем наиболее высоким) атеизм невозможен. Атеизм прекрасно понимает этот простой силлогизм, и следовательно очевидно, что атеизм не хочет называть «самое высокое» словом Бог. Он не хочет запутывать себя и окружающих термином, на который — не без вины узких ортодоксий — наросла уйма идолопоклонства и слишком ограничительных представлений. Нетрудно уговорить атеиста понимать высокое употребление слова Бог (это я и пытался сделать в своей формуле «То, что стоит за всем лучшим», поднимающей всякую ценность до Бога). Труднее объяснить верующим, что же это — «более высокое», во имя чего атеист отказывается от воскресения во плоти, опоры на абсолютную силу и прочих прекрасных вещей. В этой связи как раз мне понравилась формулировка Б.: «Странная беспечность атеизма перед лицом смерти связана с глубоким чувством эмпирической жизни, ее вечного значения... атеизм чувствует не просто Вос-

кресение, о котором он ничего знать не хочет, — он чувствует... бытие со стороны вечности, его вечный смысл»*.

В этом же направлении важны Ваши замечания о нравственности атеистов, основанной на том, что Бог действует только через человека. При этом, с моей точки зрения, верующий, который имеет источник духовной силы вне себя, оказывается в более уязвимом положении, чем атеист. И некоторые печальные события последнего времени хорошо иллюстрируют, что поведение зависит от человека, а не от его мировоззрения (в «Диалогах» я в нескольких местах обращаюсь к этой теме и напоминаю про св.Петра, реальнейший контакт которого с живым Богом не помешал трижды Его предать).

Всерьез говорить об этом «более высоком» невозможно, хотя бы потому, что это и есть тот «синтез», время которому еще не пришло, сама возможность которого представляется авторам писем нереальной. Именно огорчительные (часто — кощунственные) попытки сформулировать кредо атеизма прежде, чем возник его синтез с мудростью мировых религий, повинны в том, что кредо не понятно в своей глубине. Оно, пожалуй, не сможет быть сформулировано и в дальнейшем (так как идет постоянный поиск и творчество). Поэтому я и вынужден был писать фрагментарно (или — слишком обще), и сейчас могу лишь фрагментарно отвечать на отдельные замечания и недоумения.

Достаточно существенным для меня является разделение онтологической составляющей мировоззрений (т, е. суждений о том, «как все устроено на самом деле») и «эвристической» составляющей (т. е. вытекающего из данного мировоззрения набора ориентиров и советов по решению творческих жизненных задач). Первая составляющая для меня не слишком интересна, и я склонен не доверять суждениям этого рода (так как на самом деле все все-равно сложнее). А вторая — которая помогает мне ориентироваться в самых важных вопросах моего бытия — гораздо интересней. Поэтому меня совершенно не трогает, что Бердяев решал какие-то онтологические вопросы не убедительным для меня образом. А вот его постоянная нацеленность на свободу духа, на смысл творчества, на умение «вжиться» в рассматриваемое понятие или объект, его глубокие суждения по социологии познания (связанные с учением об объективации) и

---

* Замечу, что в целом Б., с моей точки зрения, занимается довольно изящной интеллектуальной игрой вокруг вещей, которые представляются ему важными, но никак не затрагивают моей склонности к интеллектуальному соперничеству.

многое другое очень мне близко и играет важную роль в моей картине мира. Поэтому цитатами из бердяевской онтологии переубедить меня нельзя*.

Более того, мне неважно — есть ли на самом деле Бог! Этот вопрос слишком зависит от смысла, вкладываемого нами в это слово. Поэтому утверждение «Бога нет» я понимаю в первую очередь в духе пословицы «На Бога надейся, а сам не плошай». Точнее, я считаю, что одной из важных задач, стоящих перед человеческим интеллектом, является познание механизмов явлений (и в решении этой задачи полезно — я имею ввиду: интеллектуально полезно — размышлять так, как если бы Бога не было). С другой стороны, перед человечеством стоят и другие задачи, например, познания смысла явлений (и тут может понадобиться телеология, а в каких-то ситуациях и теология). Одним из убедительнейших примеров эвристичности христианского мировоззрения являлся для меня как раз бердяевский (и вообще — веховский) анализ социальных проблем. (Напротив, «издержками» этого мировоззрения пропитаны сборники «Из-под глыб»). Таковы несколько слов о возможном направлении синтеза истин «Бог есть» и «Бога нет».

Но если говорить о моем личном пристрастии, то, действительно, утверждение о существовании Бога, вмешивающегося в нашу жизнь, без которого «волосок не упадет», вступает в противоречие с моим нравственным чувством. Я не понимаю, почему в мире, за который «отвечает» высоконравственное существо, хищник должен начинать есть пойманную — живую! — косулю с вымени. Сказать, что хищник «свободно избрал зло» и Бог не желает нарушать его свободу? — это как-то глупо (равно как «свободу» чумных палок, пожаров и вулканов). Сказать, что Бог не мог организовать все иначе? — что ж, придется посочувствовать Великому Неудачнику. Сказать, что все местные неприятности совершеннейшие пустяки в свете предстоящего Воскресения (и страдания существуют для просветления вышеупомянутых косуль)? — все равно, непонятна эта жестокость. Сказать, что мои представления о нравственности

---

* Между прочим, цитата про разрушение царства близка мне во всех отношениях, и то, что «есть мгновения приобщения к вечности», вполне лежит в фундаменте моего личного мировоззрения. Моя фраза в этой связи: «достроить башню культуры и истории», действительно, не вполне гармонируют с моей собственной точкой зрения (я думаю, что процесс построения такой башни бесконечен) и является скорее уступкой эсхатологическому мировоззрению (мне просто неважно, является ли «точка Омега» точкой или лучом).

ничтожны по сравнению с Божьим промыслом? — так какого черта в меня вложены такие представления, почему, будь я всемогущ, я бы стремился организовать мир по другому? Сказать, что неисповедимы пути Господни? — это признаться, что мы ничего не понимаем в нравственности, да и ни в чем вообще.

В итоге, лично мне гипотеза Воскресения представляется проявлением недостатка мужества, неумением найти подлинный смысл жизни, непониманием, что улыбка обрадованного тобою ребенка, что каждый достойно прожитый день, что каждый попавшийся тебе на глаза солнечный зайчик — это великолепно и осмысленно, — независимо от грядущих Смертей и Абсурдов с Большой Буквы. И, ради Бога, не стоит меня жалеть или опасаться, что в случае, если доводов за личное бессмертие будет недостаточно, то я впаду в отчаяние.

Еще несколько слов. К сожалению, дорогие для меня мысли остались неуслышанными. Идея сопереживания в сфере мысли превращена в «сентиментальную беспринципность» (Б. пишет, что противоречивые убеждения давно соединили бы «и без всякого сочувствия, если бы знали «как» — так ведь без сочувствия и не получается!). Следует ли тащить Красоту и Истину на суд Добра, об этом в письмах ни слова. Кроме того, я так и не понял, в какой степени и по какой причине неудовлетворительна формула «То, что стоит за всем лучшим». Чему в религиозном мировоззрении она противоречит, почему атеисты и христиане не могут двигаться в своем взаимопонимании, отталкиваясь от этой формулы, опираясь на нее? И каково Ваше отношение к моей надежде: «Я жду такого всеобщего изменения сознания, при котором все «разумное, доброе, вечное», сказанное носителем любой религии и любой культуры, окажется духовно близким носителям иных религий... А естественное название для этого, лишь начинающего складываться миропонимания и самосознания — ЛИБЕРАЛИЗМ».

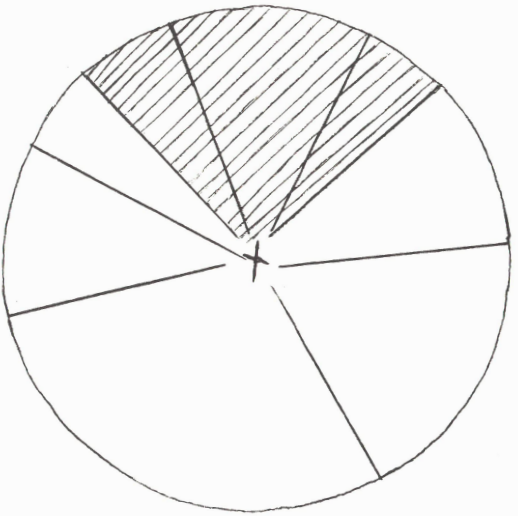
Последнее: я совершенно не понял, где Вы увидели прямое противопоставление «христианства и либеральности». Во всяком случае, я совершенно этого не хотел и считаю христианство в лучших своих проявлениях органической частью либерального мировоззрения.

В а ш Х.
Февраль 1981 г.
№ 6

Мой дорогой Икс!

Благодарю Вас за письмо: оно несколько небрежно, что извинительно при Вашей занятости, но оно уже в достаточной степени мне понятно для диалога с атеистом, которого я глубоко уважаю лично. Вы для меня — достойный представитель, скажем так, чрезвычайно мне симпатичного круга доброжелательных, гуманных, подлинно интеллигентных агностиков и атеистов... Итак, диалог — с целью не «победить», а уважительно понять собеседника. Для этого я принимаю за основу Ваше письмо и, следуя за Вашим текстом, буду вносить мои замечания и задавать Вам вопросы. Зарегистрируем их — и по мере урегулирования недоразумений будем приближаться к цели.

Но сначала — прошу извинения, у нас открытая Переписка, — сначала я должен представиться ее читателям и, возможно, будущим участникам. Для этого мне достаточно вспомнить уже известную Вам мою графическую символизацию Всечеловеческой Церкви доброй совести и воли:

В центре — Христос. Вечный Человек одесную Б о г а, Отца. Линия окружности — граница доброй и злой воли людей. Радиусы — идеологические перегородки, которые, по известному крылатому выражению, «до Неба не достигают». В секторах — различные идеологизации: христианская (заштрихо-

ванный сектор), иудаизм, ислам, индуизм — и так далее, обязательно включая и агностиков, и атомистов... Христианство же в своей сущности и глубине есть не только идеология — Христианство есть «онтология», добрая воля, стремление к осуществлению истинной, идеальной человечности, — и в этом своем значении Христианство может и не совмещаться с христианской идеологией. Тогда можно называть это «анонимным» Христианством. Например, индуист Ганди или агностик (?) Эйнштейн оказываются гораздо ближе к Центру, к Вечному Человеку, чем столь многие из нас, христиан номинальных... Такова универсальная концепция, которая позволяет нам, христианам, ощущать фактическое единство со всеми людьми доброй совести и воли — независимо от их идеологий.

Это кратчайшее вступление необходимо для дальнейшего взаимопонимания. Затем я буду следовать строго за Вашим текстом.

1

Цитирую Вас: «Вспомним Бердяева — отрицание Бога возможно только во имя чего-то более высокого» (подчеркнуто Вами). Приходится Вам возразить: нет, что Вы, Н.А.Бердяев никогда не говорил ничего подобного. Вот что написал он в действительности:

«Кризис христианского сознания глубок, он восходит к самой идее Бога и к пониманию откровения. Очень многому христиане должны будут быть научены у движений, которые представлялись антихристианскими, у самого атеизма. Ибо в этих движениях нужно почувствовать дыхание Духа. То, что восстает в человеческом страдании против Бога во имя человека, и есть восстание Самого Истинного Бога. Восстание против Бога может быть только во имя Бога же, во имя более высокой идеи Бога. Большая часть восстаний против Бога, особенно моральных, предполагают существование Бога. По настоящему атеистов не существует, существуют лишь идолопоклонники. Атеизм, углубленный и страдающий, не легкомысленно-веселый или злобно-ненавистнический, есть утверждение Бога («Экзистенциальная диалектика Божественного и человеческого», гл. 1. — *Подчеркнуто мною*).

Сущность дела, важная для нашей темы: есть устарелое, недостойное представление Б о г а — и страдающий или сострадающий атеист прав, когда отрицает такое недостойное

представление, его побуждает к этому нравственное чувство, дарованное ему от Самого Б о г а... Чуть-чуть перефразируя Шиллера, можно сказать: в такой хуле для Бога больше славы, чем в старой правой вере христиан. Так это получается и у Вас в том впечатляющем месте Вашего письма, где Вы говорите о хищниках... К этому мы еще вернемся на своем месте.

2

Цитирую Вас — из статьи «Со-чувствие» (документ № 1): «Мое переживание Бога: То, что стоит за всем лучшим. От моисеевых заповедей до богаделен лепрозориев. От солнечных лучей до "Гамлета". От теоремы Пифагора до пишущей машинки» ... Эту формулу Вы предлагаете, чтобы заменить ею слово «Б о г» для верующих и неверующих. Относительно вторых Вам виднее, а что касается верующих, то я должен признать Вашу формулировку унизительной — и притом в первую очередь унизительной для Человека. Достоевский писал: «...Ведь деизм дал нам Христа, то есть до того высокое представление Человека, что его понять нельзя без благоговения, и нельзя не верить, что это Идеал человечества вековечный» (письмо к кому-то). А в Вашем диапазоне на самой высокой высоте не Христос, а Моисей... На другом краю воплощений Б о г а у Вас пишущая машинка. Но за ней стоит не Б о г, а Ремингтон или не знаю еще кто. И дело не в пишущей машинке, а в том, кому она служит: я видел фото машинописи плана «Барбаросса», извещений о казнях.

Есть удивительное слово: человечность. Оно священно для всех — верующих и неверующих. И я мог бы предложить такую коррекцию Вашей формулы: Б о г — это Тот, Кто присутствует во всяком проявлении духовной Красоты, священной человечности. Но наперед знаю, что Вас это не устроит; Вы не сможете принять выражение: «Тот, Кто». Но если принять Ваше «то, что» — то получится, что в Б о г е нет Самосознания, что Б о г оказывается ниже нас самих... А это нелепо. Итак, ни Ваша формула, ни моя коррекция оказываются не пригодны для искомого «синтеза» мировоззрений Христианства и атеизма.

3

Да и зачем нужен этот «синтез» мировоззрений, если сами Вы дальше написали, что «поведение зависит от человека, а не

от его мировоззрения»? Одно из диалектических противоречий в Вашем письме. Ничего не предрешая, надо признать, что, действительно, сегодня мы видим, например, как единое мировоззрение ислама не мешает ссориться и даже воевать арабам. И, напротив, к примеру, мы с Вами без всякого «синтеза» мировоззрений Христианства и атеизма, я полагаю, совершенно единодушны в нравственных оценках, одинаково почитаем, например, подвиги священника Максимилиана Кольбе и, если не ошибаюсь, атеиста или, может быть, иудаиста Януша Корчака (Генрика Гольдшмидта). Кстати: как грустно, что этот польский Папа не догадался прославить второго мученика наравне с первым... Итак, откуда у нас с Вами это единство? Оттуда, что у нас общий, единый Идеал прекрасной человечности. Различие же в том, что для меня это обосновано, укоренено в абсолютной Реальности Вечного Человека одесную Б о г а. А для Вас этот Идеал не обоснован ни в какой подлинной Реальности, для Вас за ним — пустота мрака и смерти... Хорошо, что в действительности это не так, что в действительности это ошибочное мировоззрение.

4

Тут Вы вспоминаете наших несчастных церковных предателей и справедливо указываете, что не помогло им их религиозное мировоззрение. Можно полагать, что это потому, что религиозность у них оказалась слишком поверхностной, неорганичной, слишком уж была она у них перекручена с пристрастиями совсем иного плана... В сущности, это было псевдохристианство. О, как часто и мы все, номинальные христиане, оказываемся на деле псевдо-христианами.

Но не могу умолчать, что, с другой стороны, профессор Кюнг в известной Вам книге вполне беспристрастно указывает на куда более многозначительное историческое наблюдение, что две «наиболее зловещие фигуры нашего столетия» со своими приспешниками «были убежденными антихристианами» («Быть христианином», стр. 22).

Тем не менее я охотно признаю ту волнующую правду, что атеист может найти в себе, в своей, так сказать, автономной человечности таинственную силу устоять в критической ситуации. Лично знаю три случая (напомните — расскажу при встрече), когда атеисты готовы были пойти на смерть и только этой ценой сохранили себя от предательства. С моей точки зрения я называю их анонимными христианами, псевдоатеистами. Не-

важно, что Вы с этими титулами не согласитесь. Важно, что мы с Вами соглашаемся в оценке; да, это прекрасно, бесконечно драгоценно... Различие в том, что мы, номинальные христиане, веруем, что эта драгоценная человечность достойна реальнейшей Вечности. А Вы думаете, что нет — что она обречена на погибель. Хорошо, что в действительности это не так, что в действительности это ошибочное мировоззрение.

5

Не могу пройти мимо Вашего суждения об апостоле Петре, «реальнейший контакт которого с живым Богом не помешал трижды Его предать». Почитайте Новый Завет, книгу Кюнга — и Вы увидите, что здесь у Вас все неверно. Будущий апостол был в реальнейшем контакте с Человеком, в котором признал еврейского Мессию, «сына Бога Живаго» — а потом в критической ситуации струсил, отрекся от знакомства с Учителем. Но он никого не предавал — ни Б о г а Живаго, ни Человека... Я по личному опыту знаю — какая это огромнейшая разница: предать или отречься от знакомства. В сказании об отречении Петра христиане справедливо видят свидетельство о потрясающей правдивости евангельской истории, а также о реальнейшей силе Божественной благодати, которая после Воскресения Христова преобразила малодушного ученика в Вождя апостолов, Мученика, первого епископа Римской церкви.

Кстати уж, и о настоящем предателе. Не известны его мотивы. Возможно, это была провокация предполагаемому Мессии, Чудотворцу Иисусу на решительные действия. Во всяком случае, когда этого не произошло, когда Учитель покорно дал Себя арестовать и был приговорен к смерти — тогда Иуда раскаялся, бросил деньги и с горя удавился (по Матфею, гл. 27)... В свое время, еще до Голгофы, один из учеников воскликнул: «пойдем и мы — умрем с Ним!» (по Иоанну, гл. 11). А когда дошло до дела, то все разбежались, и умерли со Христом только разбойники и Иуда... В таком мрачном величии скорби уходит раскаявшийся предатель со страниц евангельской истории.

6

Из дальнейшего я с величайшим удивлением узнаю, что «кредо атеизма», как Вы это называете, еще «не понятно в своей глубине» и что «оно, пожалуй, не сможет быть сформулировано

и в дальнейшем»... Необходимо нам сразу ликвидировать эту странную неопределенность.

Возможны три, только три (четвертого нет) ответа о тайне мировоздания в ее самом общем, принципиальном значении. Первый ответ — это атеизм вульгарный: мы — в Абсурде, ни в чем нет никакого смысла. Второй ответ, как я это называю — атеизм интеллигентный: нет, почему же, мы видим присутствие какого-то Разумного Начала в мироздании, но это не «Бог», мы не испытываем по отношению к нему религиозного чувства. Так как это Начало Разумное, то мы должны признать, что должен быть какой-то Смысл мироздания; но это Смысл не религиозный, абсолютно нам чуждый, бесчеловечный... Третий ответ — религиозный. Только три этих ответа — четвертого нет!

Поэтому абсолютно ясно, что только на третьем направлении есть смысл работать, искать, размышлять... Первые же два ответа заведомо безнадежны. Либо — совершенный Абсурд, либо — Смысл кощунственный, бесчеловечный. Хорошо, что в действительности это не так, что в действительности первые два ответа представляют ошибочные решения мировой Тайны.

7

Дальше у Вас, вероятно, опять диалектическое противоречие. Сначала Вы пишите, что Вам «не слишком интересна» онтологическая составляющая и что Вы склонны, цитирую — «не доверять суждениям рода, так как на самом деле все все-равно сложнее»... Приветствую это Ваше выражение: действительно, по всей вероятности на самом деле все бесконечно сложнее, чем мы пытаемся «отсюда» это измыслить. Но затем Вы же пишете, что глубокие суждения Н. А. Бердяева, связанные с учением об объективации и многое другое у него, цитирую Вас — «очень мне близко и играет важную роль в моей картине мира»... Но разве учение об объективации — не онтология? И какая же может быть у Вас «картина мира» без хотя бы самой общей, принципиальной онтологии? Не понимаю.

Следующий абзац Вы начинаете словами, что Вам неважно — есть ли Б о г... Позвольте оставить это без комментариев. Скажу только, что «обижаюсь» не за Б о г а, а за достоинство человека и не хочу рисковать Вас ответно обидеть.

8

Совсем другое дело, когда Вы заговорили о Вашем «личном пристрастии» к классическому аргументу атеизма. Да — это самый тяжелый, для столь многих решающий аргумент, и Вы превосходно это показали в оригинальном аспекте. Надо тщательно разобраться в этом взволнованном тексте.

8.1.

Вы были бы правы в своем атеизме, если бы имели перед собой устарелое, недостойное представление Б о г а. Об этом была уже речь в п. 1 письма. В дополнение к приведенной там цитате — вот еще отрывки из той же главы той же книги:

«Старое учение о том, что Бог сотворил человека и мир, нисколько не нуждаясь в них и творя лишь для собственного прославления, должно быть оставлено, как рабье учение, лишающее всякого смысла жизнь человека и мира. Бог с человеком и миром есть большее, чем Бог без человека и мира. Человек и мир есть обогащение Божественной жизни. Амиел говорит, что Бог есть Великий и Непонятный Неизвестный. Деон Блуа гвоворит, что Бог есть Одинокий и Непонятный Страдалец. Они лучше понимали Бога, чем теологи. Апофатическая теология всегда права против катафатической теологии, только она уважает Божественную тайну и она совсем не означает агностицизма. В этом великая правда мистики, которая знает Богообщение лучше, чем теология.

Все это ведет к радикальной переоценке традиционного учения о Промысле Божием, которое и привело к атеизму, ибо сделало невозможным теодицею. Бог открывает Себя миру и человеку, открывает в Духе, но Он не управляет миром в том смысле, в каком мир понимает управление. Обычное учение о Промысле, которое повторяют условными словами, не осмысливая его, не соединимо с фактом существования зла и страдания мира. Невозможно верить в старое учение о Промысле и Божьем управлении в этом феноменальном, разбитом, порабощенном, подчиненном необходимости мире, в котором даже нельзя найти цельного космоса. (Сноска. Современная физика разбила старое учение о космосе.) Нам говорили, что Бог присутствует во всем. Но присутствие Бога невозможно найти в чуме и холере, в убийствах, в ненависти и жестокости, в насилиях, в зле и тьме. Ложное учение о Промысле вело к рабьему преклонению перед силой и властью, к апофеозу успеха в этом мире, в конце концов, к определению зла.

Этому противоположно трагическое чувство жизни. Бог присутствует в свободе и любви, в истине и правде, в красоте. И перед лицом зла и неправды Он присутствует не как судья и каратель, а как Оценка и как Совесть. Бог и есть Тот, к Которому можно уйти от ужасов, безобразий, жестокостей мира. <...>

Философски переоценка учения о Промысле должна выразиться так: на Бога не переносимы понятия, выработанные для мира феноменального и к нему лишь приложимые. Промысел не действует в совокупности феноменального мира и его можно обнаружить лишь путем страшных натяжек. В этом нашем мире есть много иррационального, несправедливого, бессмысленного. Но есть великая тайна в том, что в индивидуальной судьбе каждого человека можно видеть руку Божью, видеть смысл, хотя и не подлежащий рационализации. Ни один волос не упадет с головы человека без воли Божьей. В более глубоком, не элементарном смысле это верно, несмотря на то, что в мире, лежащем во зле, нельзя видеть промыслительного управления Бога. <...>

И еще:

«...Веру в то, что все происходящее со мной имеет смысл, нельзя выразить в космологической системе, как делает теологический рационализм. Всегда нужно помнить, что Бог есть Дух, но не природа, не субстанция, не сила, не власть. Бог есть Дух, то есть Свобода. Бог есть Дух, то-есть значит мыслить Его нужно апофатически по отношению к реальностям природного и социального мира. Обычное понятие Промысла взято из управления государством. Бог Представляется как бы самодержавным главой государства. Огромное значение имеет освобождение от остатков древнего идолопоклонства. Идолопоклонство возникло не только по отношению к идолам, но и по отношению к Богу» ... *(Подчеркнуто мною.)*

Пришлось так утяжелить письмо этими цитатами, чтобы привести проблему в относительную ясность. Можете теперь спорить с философом, но снимите издевательскую характеристику Б о г а. Да, Он несет на Себе ответственность за Свой Замысел свободного мира. Но Он не вмешивается в жизнь природы, изречение о «волоске с головы» имеет свой смысл, великий смысл, но только в личной судьбе человека... Не хищник избрал зло, хищник — во власти инстинктов. Символы Христианства говорят, что зло свободно избрано на высших ступенях духовности, мы живем в прекрасном, но жестоком мире, «Весь мир лежит во зле» (1 послание Иоанна, гл. 5). Вы всерьез

думаете, что, будь Вы всемогущи — Вы то уж сумели бы «организовать мир по другому»? Что ж, запроектируйте, как поправить дело «Великого Неудачника». Но при условии — что это будет воистину свободный мир, а не концлагерь. Что стали бы Вы делать при восстании ангелов?

8.2

Буддийская притча: коршун преследовал голубя — и святой человек спрятал голубя у себя на груди; тогда коршун сказал человеку: ты пожалел голубя, но не жалеешь меня — что я умру от голода... Таков принцип всеобщего взаимного пожирания в живой природе. Поразительно, что в библейском мире творения Б о г заповедал всеобщее вегетерианство животных (Бытие, гл. 1). Говорю: поразительно, потому что евреям совсем не свойственно вегетерианство. В псалме 103, воспевающем премудрость Творца, прямо говорится о хищниках: «Львы рыкают о добыче и просят у Бога пищу себе»... И только уже в Новом Завете появляются мотивы жалости к животным. Апостол Павел писал, что «вся тварь совокупно стенает и мучится доныне» (к Римлянам, гл. 8). Совокупно — все вместе, это всеобщий закон испорченного мира. А у преподобного Исаака Сириянина — пронзительное чувство сострадания:

«... И был спрошен: "И что такое — сердце милующее?" И сказал: возгорение сердца у человека о всем творении, о человеках, о птицах, о животных, о демонах и о всякой твари. При воспоминании о них и при воззрении на них очи у человека источают слезы. От великой и сильной жалости, объемлющей сердце, и от великого терпения умиляется сердце его, и не может оно вынести, или слышать, или видеть какого-либо вреда или малой печали, претерпеваемых тварию. А посему и о бессловесных, и о врагах истины, и о делающих ему вред, ежечасно со слезами приносит молитву, чтобы сохранились они и были помилованы; а также и об естестве пресмыкающихся молится с великою жалостию, какая без меры возбуждается в сердце его, до уподобления в сем Богу» (слово 48. — *Подчеркнуто мною.*)

Великая жалость святого (особенно трогательно почему-то к «естеству пресмыкающихся») не мешает ему любить Б о г а. Напротив, великая жалость восходит у него «до уподобления в сем Богу»... В мистическом опыте подвижника Б о г — не равнодушный Зритель, но Со-участник страданий твари. Об этом писал и философ Л. П. Карсавин в «Сонетах»;

Страдаешь мукой Ты всего живого:
В огне сжигаем, на дыбе разъят,
В слезах ребенка — Ты, в агонии больного.

Смотрите: люди не менее, чем у Вас, горячего чувства и не менее, чем у Вас, сильного интеллекта не теряют веры в Б о г а от зрелища мировых страданий. Так все это непросто.

8.3

Вы не зря, конечно, взяли этот ужасающий образ, когда хищник начинает пожирать живую косулю с вымени. Есть хищный цветок, который захлопывает лепестки и пожирает пчелу. Паук высасывает муху, бьющуюся в его объятиях. Кошка играет с полузадушенной мышью, Достоевский в Пушкинской речи говорил о «паучихе, пожирающей самца своего»: это скорпионы. Если выстроить подобные явления в один ряд, то получается, право, нечто инфернальное. Не есть ли это действительно проявление Мирового Зла в живой природе? Правда, биологи говорят, что вообще-то все это нормально, они называют хищников «санитарами жизни», без которых нарушился бы природный баланс. Мой друг Полкан каждый раз ритуально играет с костью, прежде чем начать ее грызть. Не так ли и кошка играет с мышью, в которой видит только пищу? Да — но ведь потом, в роде человеческом, эти циничные игры вырастут в духовные явления садизма и других извращений... Так все это непросто.

8.4

Самое серьзеное в Вашем аргументе атеизма — это, конечно, то, что невинные страдания животных (у Достоевского — детей) имеют абсолютный характер, что они не могут быть никак возмещены ни в какой будущей гармонии, ни в каком Воскресении. Увы, вероятно, так это и есть. Да — это нам не игрушки, это подлинно свободный мир, подлинно свободная Мистерия, Трагедия, в которой невинные страдания есть никак не восполнимая, «чистая» потеря, потеря даже для Самого Б о г а... И мы вольны отказаться от участия в Трагедии, «возвратить билет». В Вашем смелом проекте заменить «Великого Неудачника», взяться «организовать мир по-другому» — это значило бы в конечном итоге отказаться от творения, от бытия... Неужели так? Но откуда, откуда же все-таки у нас это возмущение на ложное представление Б о г а, откуда эта пронзающая сердце жалость, любовь? Любовь: в «соседней» Переписке гос-

пожа Н. (письмо № 7) говорила о своей убежденности, что это признак Б о г а, что это у нее «Свыше»... Действительно — не снизу же!

8.5

Предвижу резонный вопрос: все, что говорилось выше от имени идеологии Христианства — все это ведь не ортодоксальная традиция? Ответ заключается в том, что и мы, «церковники», вступаем во времена «плюрализма» — великого разнообразия внешних, идеологических выражений Христианства. У нас это сегодня во временной консервации, но на Западе это уже де-факто, так, там традиция многообразно развивается. Достаточно вспомнить, что новый Папа (блистательный полиглот, но до странности провинциальный теолог) запретил профессору Кюнгу преподавание в католическом университете, но не осмелился (как это было бы, скажем еще в начале нашего века) отлучить его от Католической церкви, запретить в служении священства... Идеи Бердяева о Б о г е, Который нуждается в человеке, идея Карсавина о Б о г е, сострадающем твари, идея Франка о Всечеловеческой церкви доброй совести и воли, — это свободная проблематика всего мирового Христианства. А хотите познакомиться с традиционной семинарщиной — почитайте в той же соседней Переписке письма №№ 9, 10, 11 уважаемого П.. Эта премудрость действительно имеет сегодня уже только антирелигиозное значение.

9

Следующий абзац Вашего письма вызывает у меня противоречивые чувства. Есть в нашей повседневности чудные мгновения Вечности, в которых все великолепно и осмысленно, и можно забывать о Смерти. «Эвристическое» значение этих явлений драгоценно: ведь если есть, если так живо ощущаются мгновения Вечности — значит, есть и сама Вечность! И вот, мне грустно, что Вы поспешили — что так бедно описали это: солнечные зайчики, достойно (самодовольно?) прожитый день... Завидую Вашей храбрости перед мыслью о Смерти — но давайте, подумаем не только о себе: а как та, или тот, или те, кого мы любим? В соседней Переписке госпожа Л. (письмо № 5) вспоминала о мучениях юности при одной только мысли, что Смерть отнимает родителей.

Вы упрекаете нас, надеющихся на Воскресение, в недостатке мужества. В ответ я намеревался было почтительно упрекнуть Вас в недостатке интеллектуального мужества — в страхе до конца продумать Абсурд человеческого существования в идеологии атеизма. Но теперь вижу, что мне надо благодарить Вас — Вы помогли мне сделать открытие. Мы любим «стращать» атеистов их теоретическим Абсурдом, но ведь в действительности-то нет Абсурда — есть Трагедия, священная Тайна, но нет Абсурда... Ужас атеизма не ужасает атеиста, потому что атеизм есть неправда.

10

«Еще несколько слов». Не понимаю — почему Вы против того, чтобы всякую реальность и всякую красивость оценивать с точки зрения Добра, лучше же сказать — с точки зрения высочайшей, духовной Красоты? Ведь вот же сами Вы в Вашем письме строго осудили явление реального и красивого тигра. И справедливо — ибо это была жестокая реальность, злая красивость... О формуле «То, что» я уже написал выше. Относительно того, что все разумное, доброе, вечное должно бы стать духовно близким для носителей разных убеждений, — относительно этой Вашей надежды, я полагаю, мы можем сказать, что на нас с Вами она уже исполнилась. Мы скрестили деревянные мечи в мирном идеологическом споре, и я продолжаю думать, что атеизм, который принес столько зла нашему народу, есть неправда — но я не постесняюсь сказать, что наступило уже время писать Жития святых агностиков и атеистов во всех областях жизни, особенно же святых мучеников, узников жалости... И я знаю, что глубокое сочувствие им, восхищение ими переполняют и Ваше сердце.

Что же касается Вашей мечты о «всеобщем», массовом изменении сознания, то сочувствую Вам от всей души — но это зависит у нас от начальства, и Вы уже согласились, что проблематика такого рода не может быть предметом этой Переписки.

Ваш А.
Март 1981
№ 7

Дорогой и уважаемый А., спасибо за приглашение участвовать в новой Переписке. Если позволите, начну с одного случая, который у нас недавно произошел. Некий профессор прислал в редакцию журнала заметку под названием «О сохранении личности». Автор особо оговорился, что его идея не противоречит положениям диалектического материализма. Рассуждал он примерно так. Человеческая личность — самое ценное, венец материи, а между тем она обречена на исчезновение. Но это не значит, что положение абсолютно непоправимо и так будет всегда. Очень возможно, что душа — это не субстанция, а некоторая форма, задаваемая не природой образующих ее элементов, но их взаимным расположением и соподчинением. Это как бы текст, целостность которого не пострадает, если мы перепишем его с одного листа бумаги на другой; или, если хотите, это живопись, которую можно перенести, не повредив ее, с истлевшего холста XVII века на новый прочный холст, и она будет жить еще много веков. Так вот точно так же, быть может, мы научимся когда-нибудь транспонировать уникальную человеческую личность с тленного субстрата — из умирающих мозговых клеток — на другой, рукотворный субстрат, на искусственную конфигурацию макромолекул, научимся воспроизводить индивидуальную психику в электронной схеме, словом, что-нибудь этакое, — и подарим ей вечность. Статья была напечатана. И вот что удивительно; посыпался невиданный поток откликов. Редкий материал имел такой успех. Некоторые читатели сомневались в осуществлении проекта, другие вносили поправки или предлагали собственные варианты; так или иначе, обилие писем свидетельствовало о том, что сочинение профессора задело людей за живое.

Случай этот можно было бы истолковать как выражение неосознанной тоски людей по религии, тоски, вдруг нашедшей возможность излиться в форме квази-научных бредней, — так погорелец мечтает о каком-нибудь немыслимом заграничном дядюшке, который пришлет ему денег на постройку нового дома. Но с таким же успехом статьи и отклики на нее могли бы служить примером живучести атеизма. Именно эта укорененность в атеизме, привычка дышать полной грудью в атмосфере атеизма были причиной того, что никому из писавших не приходило в голову, что самый подход к «вопросу» неадекватен, самый образ мышления, при котором можно рассуждать о правоте или неправоте профессора, придумавшего способ вырвать из рук у богов чашу бессмертия, смехотворен.

Я выбрал анекдотический пример, прелесть которого в том, что он демонстрирует полную нечувствительность к метафизике. Достоинство атеизма, однако, не может быть обезоружено такими примерами. Легко воевать с примитивным безбожием. Но, помнится, мы говорили о том, что атеистическое мировоззрение может оказаться и очень сильной, выстраданной тяжелым опытом и по-своему плодотворной жизненной позицией. Об этом, быть может, нелишним будет напомнить в кругу людей, автоматически причисляющих безбожников к худшей части человечества, подобно тому как их отцы, не раздумывая, клеймили религию.

Из Ваших заметок следует, что атеисты бывают замечательными людьми, верными и мужественными, подлинной солью земли, — но как бы вопреки своему атеизму, словно не видя, что их поступки расходятся с их убеждениями. Так ли это? Атеистическими были великие умы, высокие души. Я думаю, что атеизм может быть лекарством, исцеляющим душу, хотя и отнимающим у нее бессмертие; пламенем, которое способно осветить непроглядный мрак жизни не хуже, чем пламя веры. Атеизм может стать формулой утверждения высокого достоинства человека — не того горделивого упоения, с которым он созерцает покоренную им природу и от которого теперь почти ничего уже не осталось, но достоинства, которое человек отстаивает в мире молчания и равнодушия. Ибо мир ничего не знает о добре и зле, а человек знает. Мир лишен смысла, а человек вносит в него смысл. Небеса пусты, но их отражают смертные человеческие глаза и уже тем, что видят их, возвращают их ценность и оправдание.

Это — не риторика, ибо я говорю (может быть, недостаточно точными словами) о позиции, которая во всяком случае не менее почтенна, аргументирование не теорией, а жизнью не менее убедительно, чем позиция традиционного благочестия. Атеизм знает, мир мог бы существовать и без человека, но в таком случае мир не имел бы никакой цены. Атеизм не тешит себя иллюзиями. Мир существует не для человека. Его цели нам неизвестны; скорее всего их просто нет. Можно ли считать целью горения кучу золы? То, что мы называем целью, смыслом, истиной, благом, — лишь заклятья, формулы вызова, который человек бросает своим существованием бездушному миру. Человек говорит, и пространство отзывается неясным гулом; больше ничего. Человек смертен — и знает об этом. Он одинок — и в этом сознании черпает силу, потому что видит, что ему не на

кого надеяться кроме как на самого себя, не на кого сваливать вину и не с кем делить ответственность: вина, и надежда, и мужество, и искупление вины — понятия человеческие, чуждые миру, следовательно, он отвечает за все, что делает, только перед самим собой, а от себя не спрячешься. Человек в мире подобен подданному безумного тоталитарного государства; в этом государстве смешно взывать к чести, правде и милосердию, тем не менее человек это делает. Человек подобен моряку на корабле, который никогда не доплывает ни до какого берега и рано или поздно потонет, потому что не в его власти, власти человека, предотвратить свою гибель; но какой флаг вьется на мачте, это решает человек, и в этом смысл и оправдание его жизни. Вот одна из частичных характеристик этой позиции, основанной на признании абсолютной ценности человеческого существования. Прибавлю, что для меня она — прошлое.

Я думаю, что рассуждения в том роде, что атеистическое кредо есть какой-то низший этап умственного или духовного развития по сравнению с религиозностью, неправильны. Они как будто реабилитируют попытку утвердить приоритет религии посредством просвещающих доказательств. Между тем отношение к Богу, противостояние Богу — в равной мере дорационально, рационально и пострационально; оно уходит корнями в глубины личности, вырастает из опыта невзгод, любви, отношений с близкими, из всего, что по-настоящему важно в жизни. Мое отношение к религии может использовать в качестве доводов факты, которые в Вашей системе фигурируют как опровержения, и наоборот. Слезы обиженного ребенка служат для Ивана Карамазова достаточным основанием для того, чтобы закрыть дискуссию о Творце. Но именно зло мира, а не его совершенство, заставляло людей взывать к Богу, искать Его и обращаться к Нему. Мы слишком часто оказываемся в положении жреца (из известной притчи), который показывал чужестранцу дары спасенных во время кораблекрушений. Все стены в храме Посейдона были увешаны этими приношениями, не оставлявшими сомнений в благости и могуществе божества. «А где же, — спросил гость, — подарки от тех, кто не спасся?» Реальность Бога очевидна для всех — кроме тех, для кого она не очевидна.

Как же перейти из разряда тех, того Бог не спасает, в разряд спасаемых? Паскаль предложил знаменитое пари. Допустим, что существование и несуществование Бога одинаково вероятны, как чет или нечет, — на что поставить? Разум здесь не по-

может; и, может быть, лучше совсем не играть. Но играть приходится волей неволей, не в нашей власти уйти прочь от стола, где бросают кости; таковы условия этой странной игры. Так на что же нам сделать ставку? Выиграв, мы выигрываем все — вечную жизнь, благо, смысл всех вещей. Проиграв, ничего в сущности не потеряем. «Итак, ставьте, не колеблясь, на то, что ОН есть».

Это увещевание (из III раздела «Мыслей», № 233) замечательно своей силой отдачи. Как и в механизме, действие подобных аргументов равно противодействию: ружье стреляет, а приклад ударяет в плечо. «Терять нечего!» В том-то и горе, что предпосылкой служит чувство пустоты, сознание уже состоявшейся потери; мы подходим к столу, зная, что в кармане у нас ни гроша. Ситуация проигрыша предшествует игре, а не завершает ее. Нельзя было придумать лучшего сравнения, чтобы показать, что безверие по меньшей мере так же первично, так же укоренено в человеческой душе, как и вера. И я понимаю, откуда проистекает эта укорененность.

На самом глубоком уровне сознания мы обнаруживаем чувство, почти не отделимое от первичного сознания нашего бытия в мире, от ощущения нашего «я». Оно кажется просто другим выражением «я». Это чувство субстанционального одиночества. Никто не нашел для него более точных слов, чем все тот же Паскаль, и я не стану цитировать эти общеизвестные страницы. Оттого-то они и запоминаются больше других, что выражают фундаментальное свойство сознания, присущее каждому. Вы можете оценивать это чувство, с необходимостью вытекающее из нашей персональности, — чувство фатального одиночества, огромного чуждого мира, в котором мы затеряны, чувство, которое должна испытывать искра, мерцающая на кончике фитиля угасшей свечи, — Вы можете оценивать его как угодно: как некий дар, как проклятье или как плату за удел быть человеком. Вы не можете, однако, его отрицать. Это чувство выразили поэты; оно столь же неистребимо, как чувство Бога.

Один мудрец сказал, что мир есть сфера, центр которой везде, а окружность нигде. Можно было бы сказать, что мир подобен гигантскому сферическому зеркалу и мы находимся в фокусе этого зеркала. Со всех сторон мы видим чудовищно увеличенный, молча глазеющий на нас отовсюду образ нашего «я». Это гигантское искривленное отражение — кто это? что это? Бог? Бог, который только и может открыться нам в таком человекоподобном обличье, в подобии колоссальной проекции

нашей собственной личности? Бог, приютившийся, если можно так выразиться, на нашей сетчатке? Или это мы сами, наше собственное изображение и наша собственная тень, эхо нашего собственного голоса, — и тогда самый факт нашего существования как существ, способных вместить в себя целый мир или, что то же самое, повсюду находить только себя и больше никого, факт умопостигаемости мира, факт того, что «порядок вещей есть порядок идей», есть просто свидетельство того, что мы со своим разумом, своей душой, своим нерастворимым «я» в самом деле одни в мире, что мы и есть конечная реализация замысла, который исчерпывает себя в нас таким образом, что мы — единственное, что от него осталось, мы его самоидентификация, мы — то, что должно выполнять в этом мире функции Бога; что необходимость Бога, так сказать, чисто логическая, и мы сами, за неимением лучшего, худо-бедно реализуем ее по очереди — умираем и передаем дежурство следующим.

Простите, я зарапортовался. Рядом с Вашей благородной трезвостью эти умствования выглядят, должно быть, какой-то пеной. Я не стремился сочинить апологию неверия, я не могу — лучше сказать, не смею — считать себя атеистом. Я бы хотел, на всякий случай, напомнить несколько немудреных истин. Человек — странное существо. У него есть свойство делать назло. Сказал безумец в сердце своем: «Нет Бога» (Псалом XIII). И продолжал: назло Ему (раз Он не существует) буду жить так, как будто Он есть. Суд совести, Божий суд, коли ему нет места на небесах, помещу в моем собственном сердце. Атеизм не есть синоним имморализма. Часто даже наоборот. Атеизм не может набраться наглости сказать: не согрешишь, не покаешься и т. д. Атеизм, далее, не есть синоним двумерного позитивизма. Двумерной, «позитивистской» может быть и религия. Атеизм в такой же степени союзник науки, как и ее враг; вернее, ни союзник, ни враг. Хорошо бы отучиться от привычки раскладывать все на свете по двум полочкам. Атеизм не более повинен в несчастиях нашего века, чем все разновидности фанатизма. Атеизм и вера — во многих отношениях равноправные позиции. Во всяком случае, вечные: атеистическая традиция прослеживается в разных культурах, не только в иудео-христианской; противостояние безверию — вечный источник вдохновения для всех религиозных мыслителей, для всех воителей веры. И я не знаю, можно ли безоговорочно утверждать, что атеистическое мирочувствие всегда и везде было орудием зла или что зло было орудием атеизма. Вы повторили вскользь

замечание, что два самых отвратительных персонажа нашего времени были безбожниками. Так, но они воплотили в себе не столько атеизм, сколько две разновидности квазирелигии, которая и стала проклятьем нашего века. У веры и свободомыслия есть общий враг: фашизм.

Мое убеждение состоит в том, что религиозность, и прежде всего христианская религиозность, если она хочет быть серьезной, должна не просто уважать атеизм, как принято уважать чужое мнение, но принять во внимание резон атеизма; мое убеждение — что она должна научиться мыслить атеистически (подобно тому как экзистанциалистская психиатрия стремилась, говоря словами Ясперса, мыслить психопатологически), научиться слышать в атеизме особый и необходимый язык души и что ей следует, быть может, включить в себя интуицию атеизма хотя бы в качестве предпосылки к познанию Бога, — как, впрочем, и замышлял сделать Паскаль, как поступил неведомый автор Книги Иова. Так я понимаю призыв к синтезу, провозглашенный одним из участников Переписки.

Итак, чем же мне заключить это письмо? То, что я собираюсь сказать, носит сугубо личный характер. Не стану, как Фауст, вздыхать о двух душах в моей груди: душа одна. Быть может, последняя истина, какая нам доступна здесь, пока мы живы и не наступила смерть, которая все разъяснит, состоит именно в том, чтобы жить так, как если бы «Там» никого не было, как если бы Он сказал: считайте, что Меня нет, и разбирайтесь сами. Быть может, есть какой-то смысл в том, чтобы развить в человеке сознание ответственности до той точки, где он говорит себе, что он один и сам, только сам обязан принимать все решения. Или это просто боязнь сглазить. Вы прекрасно сказали, что атеизм — это тайное благочестие. Атеизм может быть особой формой пиетета перед божественным не только потому, что Бог, каким Он будто бы проявляет себя в истории, не отвечает тому высокому, очень высокому представлению, которое атеист таит в своем сердце, — и значит, лучше никакого Бога, чем «этот». Атеист может испытывать перед Тем, кого он мог бы назвать Богом, такое благоговение, что предпочитает вовсе о Нем не говорить. Это молчание Корделии под вопросительным взглядом отца. На некотором уровне душевного настроя Бог может быть только Великим подразумеваемым. Тогда Его не только нельзя называть по имени, как остерегались делать евреи, — о Нем вообще не может быть никаких упоми-

наний. Тогда не нужно церквей, служб, икон, а к вероучению вырабатывается внешнее отношение, словно речь идет заведомо не о личном, не о «Своем».

Есть здравый смысл — нечто неистребимое в нас, — который шепчет, что не так все просто, и не так легко, например, согласовать идею индивидуального бессмертия души с обыкновенными фактами отключения сознания, когда душа гаснет и, проснувшись, человек просто ничего не помнит об этом времени, потому что времени не было — и души не было.

И есть чувство суеверного ожидания проигрыша, когда твердишь себе, что все пропало, — и таким образом надеешься потихоньку обмануть злую силу, которая делает все наоборот — и возьмет да и подарит выигрыш. Есть чувство, запрещающее возглашать о Боге. Бога нет, потому что Он есть. Бог существует таким образом, что Он не существует. Это не просто игра словами. Иначе это чувство не выразить. Наше понятие о существовании ограничено; Бог — за его пределами. Он исчезает, едва лишь мы начинаем вглядываться в Него, — так исчезает для слепнущего взора слабо мигающая звезда, но стоит отвести взгляд в сторону, и она появляется на периферии зрения. Если хотите, это зачаток «пограничной» теологии, которая вовсе отказывается распространяться о божестве, ибо оно — на границе нашего понимания, зрения, на границе существования. Бог стоит за спиной — никогда не стоит перед глазами. Удержимся же от соблазна обернуться. Ибо если оглянешься, никого не найдешь. Когда Моисей пожелал узреть Его воочию, Бог закрыл ему лицо. Бог не хочет, чтобы Его видели. Он не требует заверений в вере, не хочет икон, статуй, молитв, прославлений. Бог должен испытывать брезгливость ко всяким поползновениям нарушить естественный ход вещей; потому, как сказал один хасидский учитель, Бог не щедр на чудеса. Молитвы и похвалы — для людей, а не для Него, рассказы о чудесах — это рассказы о самих людях, не о Нем. Религия может быть всем, чем угодно: гигиеной души, психотерапией, эстетикой, особым языком человеческого самовыражения; но Бог... Иногда кажется, что Бог — по ту сторону религии. Не обидел ли я Вас?

Любящий Вас Р.
Апрель 1981
№ 8

Дорогой А.! Благодарю Вас за ответ на мое письмо. К сожалению, Вы все-таки обошли самое для меня существенное из-за чего я писал. В моем, как выразились Вы, «трактате о смерти» — главное соображение: невозможность смерти, — та невозможность, которая заключена в глубине ее действительности и через которую смерть (соответственно этой невозможности) необходимо переходит в Воскресение. Смерть — явление естественное, в порядке естества, природы, тела, вещества, где все подлежит течению времени, течет, изменяется, переходит и наконец исчезает. В порядке духовном смерть противоестественна, есть чудо, — соответственно тому, как духовное противостоит естественному, телесному. Со стороны духовной, со стороны вечности, единства и неизменности человеческого «я», уничтожение и смерть есть невозможное (что эмоционально непосредственно и переживает человек и о своей смерти и о смерти близкого, лично с ним связанного человека, — и Вы привели пример такой «отрицательной интуиции»: не может быть!). Непосредственно переживаемый человеком «страх и трепет» перед Смертью скрывает в себе таинственное знание о Смерти, если оно хочет выразить то, что мы непосредственно чувствуем в ней, возможно только через проникновение в действительно-невозможную реальность. Это так, каким бы на первый взгляд ни казалось абсурдным такого рода понимание, такое антиномическое расуждение о «действительно-невозможном». Казалось бы странное и вычурное рассуждение о «действительной невозможности» оно одно соответствует тому, что мы о Смерти переживаем непосредственно-неоспоримо. Рассуждения, что мы о Смерти совершенно ничего не знаем и знать не можем, хотя они и звучат подкупающе и легко удовлетворяют нас по причине трудности и напряженности темы, при ближайшем рассмотрении оказываются самыми несостоятельными. Не было бы никаких волнений о Смерти, если бы мы просто и совершенно о ней ничего не знали, «биологическое» отвращение к смерти не аргумент для человека, который может и должен быть больше своей «биологии». Бессмысленным было бы и само немерение делать Смерть предметом обсуждения, будь этот предмет для нас совершенно закрыт... И проблема Смерти сразу же выходит в проблему связанности в человеке начал духовного и природного, в проблему человека как единства того и другого начал.

Я так подошел к проблеме Смерти: утверждал о ее действительности, чтобы утвердить глубину и необходимость Воскресения. Делаю я это посредством следующей аргументации

(доводящей идею смерти до предела): если будет и есть Смерть, то уже нет и не может быть никакой настоящей действительности, нет тогда у нас и того настоящего, из-за которого и из которого мы беспокоимся о Смерти. Аргументацию эту я нахожу не формальной (точнее — не формалистичной), — одновременно с тем, что она сосредотачивает наше сознание о Смерти, связывает наши представления о Смерти с представлениями о настоящей жизни, она также углубленно проникает в наше непосредственное переживание Смерти и Жизни, и, что важно, проникает туда, где эти переживания соединяются. Таким образом начинаешь понимать и чувствовать как современное, атеистическое переживание реальности настоящей эмпирической жизни связано с переживанием и убеждением о невозможности Воскресения. О Воскресении мы сразу же сами должны были бы говорить не как о чем-то «естественном», а как о чудесном и невозможном. Но мы в изложении чудесного и невозможного соскальзываем к бессодержательной эмоциональной восторженности, лишаем невозможное действительности и смысла. И тогда оказывается, что атеизм есть не только момент христианского понимания жизни и Смерти, но есть еще и урок для христианства. Атеизм углубленно, должны мы понять, переживает действительность Смерти. К этому мы должны добавить соображение о ее невозможности, а затем, связав Воскресение со Смертью, вместе с тем чему нас доучивает атеизм, углубленнее и содержательнее говорить о действительной невозможности и самого Воскресения.

Обо всем этом я уже говорил. Суть сказанного может быть сосредоточена и решена в одном вопросе, который я главным образом и предложил Вашему вниманию. Можем ли мы считать себя (уже сейчас) действительно существующими, если, по атеистической вере, будем признавать Смерть полным и окончательным уничтожением? Здесь, где драматически сталкивается наша вера в жизнь (новое, обостренное через атеизм переживание реальности эмпирической жизни и нашей личности) и наша вера в Смерть (углубленная атеизмом) и лежит завязка для новой постановки вопроса. Если мы поймем Смерть в той ее полноте, в которой ее переживает атеизм, и далее атеизма столкнем ее с новым острым переживанием настоящей реальности жизни, мы можем высечь ту искру смысла и переживания, которая прожжет наши перепонки с атеизмом, — и ему и нам во благо. Мы должны разрешить атеизм из того противоречия, из той проблемы, которые им же выношены, — должны по пути

атеизма пройти вглубь его, и показать, что все глубокие проблемы лежат в русле и направлении христианства. В нашем случае не надо христианство никак навязывать извне. Дело приходит к тому (что и обозначено моим вопросом), что или сам же атеист не может до конца додумать свое понимание Смерти, оставляя незатронутым этим пониманием не только ценностный смысл жизни, но и ее онтологическую действительность, или ему надо скатиться со своих же собственных рубежей, от действительного понимания жизни и личности к иллюзионизму типа азиатской мистики... Но, конечно, мы можем стимулировать такое имманентное разрешение атеизма за его пределы, эти его роды, только если сами будем переживать и понимать смысл атеистического напряжения и противоречия, если наше собственное понимание мы доведем и подготовим так, что атеизм будет иметь в них свое внутреннее и одновременно запредельное себе завершение. Здесь наша ответственность перед атеизмом, с которой связано и понимание интеллектуальной вины перед ним. Пока мы просто ругаем и обличаем атеизм мы далеки от нашей задачи и нашей ответственности, — одновременно и от понимания достоинства христианства, которому в глубоком смысле принадлежит всякое духовное напряжение человека.

Рассуждение по логике: если есть Смерть, то уже нет жизни, а следовательно, когда есть жизнь и есть Смерть, то жизнь есть только причастность необходимому (и невозможному — в глубоком смысле) Воскресению, — это рассуждение нельзя понимать как чисто формальное «доказательство от противного». Здесь мы углубляемся в положительный (хотя и таинственный) смысл Смерти, Воскресения, и нашей жизни. И при этом дело не в том, чтобы отрицать вообще формальное значение доказательства от противного, вообще доказательства, чтобы потом восклицанием о «совершенной непостижимости» предмета обсуждения перечеркнуть весь обнаруженный смысл. Всякое доказательство от противного скрывает в себе прямой смысл, всякое доказательство касается непосредственно переживаемого, которое в нем именно выражается. В полноте своей доказуемое и недоказуемое, непосредственное, выражаемое, таинственное сходятся. Логика не мешает углубляться ни в таинственное, ни в Смерть, — она сама таинственна в своих основах, всякое логическое противоположение можно видеть как осуществление мысли через ее распад, логическое отрицание — как момент интеллектуальной смерти. Не вдаваясь в

подробности, достаточно указать на легкомыслие противопоставления логики и тайны, доказательства и свободного переживания, мысли и религиозного чувства. Это достаточно понятно из того наблюдения, что размышления могут углублять наши переживания, и самое непосредственное переживание, даже если оно ругает мышление, не может не искать себя на путях такового.

Существуем ли мы действительно, если есть Смерть? Этот главный вопрос, в котором завязка и смысл всего мною сказанного, Вы просто опустили. Отсюда несущественность и околичность всего Вашего мне ответа. Цитирую Вас:

«А другие христиане Вам возразят, что здесь нам нечему учиться у неправды атеизма. Скажут: Вы предлагаете давно всем недоевший примитивный материализм, Ваше учение о совершенном уничтожении в смерти личности, души, учение о "смерти Бога" — все это в корне противоречит всеобщей христианской традиции».

Вот как Вы мне отвечаете. Во-первых, непонятно: принадлежите ли Вы к тем христианам, которые мне так возразят? До этого Вы допускаете, что моя точка зрения являет собой христианский «плюрализм», который «нелюбезен» мне, но «любезен» Вам. Нелюбезен он мне именно потому, что допускает возможность «в корне противоречить всеобщей христианской традиции». Как понимаю, в моем лице и Вам был бы нелюбезен такой плюрализм. И мне остается разгадывать как Ваше понимание плюрализма, так и Вашу точку зрения на мои рассуждения.

Далее. Если не упускать начисто главное, о чем я говорил, то никак нельзя обвинять меня в «примитивном материализме», — или надо говорить о такого рода обвинениях, что они ничего не стоят, поскольку воспринимают слова за вычетом их существа и содержания, реагируют только на звучание отдельных выражений. При этом следует, конечно, заметить, что как бы кому-то ни надоел примитивный материализм, существенный момент в нем традиционное христианское сознание всегда должно признавать и признавало, — уже тем, что христианство никогда не соглашалось с нетерпимым к материализму идеализмом, видело и последний достаточно примитивным. И нельзя одновременно обвинять в атеизме и материализме, отождествляя их, поскольку идеализм не хуже может быть атеистичным, чем материализм.

Относительно того, что моя точка зрения якобы «в корне противоречит всеобщей христианской традиции», возразить также достаточно просто, указав на поверхностность суждения. В корнях христианской традиции нет и не может быть решения вопроса о современном атеизме, поскольку в своей конкретной форме (в связи с новой наукой, этикой и эстетикой), он предстал перед христианством сравнительно недавно, есть новая в конкретном своем существе проблема для христианского сознания. Новейшие авторы, раздраженные атеизмом, и говорящие от лица христианства, действительно многочисленны. Здесь, однако, все решается не числом и голосом, а только разговором по-существу. Такого разговора указанные авторы как раз и не любят, и он несовместим с их раздраженным огульным отрицанием атеизма. Когда находят, что с атеизмом решено в «корнях традиции», сразу же свидетельствуют, что дело еще не подошло к существенному разговору, поскольку предмет обсуждения неразличимо теряет свое конкретное определение, — современный атеизм не различают от тех форм отрицания христианства, с которыми традиции приходилось иметь дело раньше. И не лишне заметить, что самая активно-мыслящая и проповедующая против атеизма часть христиан сама стоит в сомнительных отношениях с коренной христианской традицией. Если мы переживаем кризис «догматики», т.е. того, что только и есть корень традиции, то почему же так просто считать в корне разрешенным вопрос об атеизме?

Для точности надо заметить, что сравнительно много внимания христианские писатели уделили этике атеистического гуманизма, существенность ее отношения к христианству признана. Но почти совершенно ничего не говорится об онтологии атеизма, которая само собой разумеющимся образом принимается за простую ложь. Но и анализ этики становится абстрактным, если ее просто извлекают как нечто случайное из атеистического мировоззрения, считают ее, как считаете и Вы, чем-то, что хотя и живет в связи с атеизмом людей, но — ясное дело! — только противоречит ему.

Наконец, главное о корнях традиции. Этот корень ближайшим и фундаментальным образом выражен и закреплен в догматическом учении церкви. Определен смысл веры во Христа. Христос — и Бог и действительный человек. Он принял смерть и через смерть Воскрес. Ни страдания, ни смерть Христа нельзя представлять себе видимостью, «докетически». А раз так, тут самое крепкое основание и корень, чтобы абсолютное значение

Воскресения связывать со Смертью (которая, таким образом также обретает абсолютное значение) — вслед за Христом и для всякого человека, открывая общий абсолютный смысл Воскресения-через-Смерть. А вслед за этим, как говорил, открываются самые серьезные возможности рассматривать атеистическое убеждение о полноте смерти как обостренное переживание момента христианского Откровения. Что этот момент атеизм отрывает от целого христианства, переживает бессознательно, использует не для выхода к Воскресению, а против христианства, не помешает заметить указанное и оценить его. Проблема идет дальше. В перспективе, об этом также говорил, тема о новой грани переживания Воскресения, — как «уже-Воскрешенности», как идеально прямо не выразимого «отношения» непосредственной причастности нашей жизни Воскресению, когда Вечное именно непосредственно (а потому, возможно, — и бессознательно) переживается внутри временного, здешнего, эмпирического бытия, как его временного собственное измерение. Это особая тема... но, кстати сказать, когда мы в разговоре о Воскресении выдвигаем вперед момент сохранения нашего «я», единство нашей личности «до и после» Воскресения, мы интересуемся Воскресением с той же стороны его непрерывности с нашим здешним бытием. Но только что делается это до того непосредственно, что даже приходится (об этом я еще скажу далее) оговаривать односторонность такого отношения.

2

Второй главный момент, который Вы также обошли, составляющий суть второй нашей темы о тайне или о непостижимости (эта тема должна сопутствовать всем разговорам о высших и таинственных предметах, она составляет «абсолютную методологию» всякого глубокого рассуждения, осознает и оправдывает его права, — нельзя говорить о непостижимых предметах, не разобравшись принципиально с проблемой непостижимости и не отнеся ее обратным и сознательным образом к проблеме самой нашей способности рассуждать о непостижимом): абсолютная тайна дает обратный отблеск на все, что мы считаем известным себе или раскрытым. Тайна не только за пределами известного, но и внутри него. Рассуждения о тайне в своем сознательном пределе ставят вопрос о тайне всего явленного нам, о тайне самой явленности, о тайне всякого нашего знания, нашей способности мыслить, в том числе и

особенно о способности, которой мы сейчас пользуемся, задаваться вопросом о тайне. Тогда разговор о тайне, во-первых, переходит тот предел, за которым мы только и можем преодолеть скептический вывод, а, во-вторых, подводит к христианскому пониманию тайны, как тайны открытой (открытой как тайна и таинственно открытой, открытой таинственно), тайны, о которой возможно истинное Откровение. Только такого рода философия тайны соответствует христианской религии Откровения.

В свете сказанного уясняется, что как ни хороши на своем месте рассуждения о тайне как о неразгаданной загадке, лежащей за пределами «разгадывающего» знания (следовательно — в плоскости и направлении такого знания, в плоскости того, что нам «просто известно», т.е. того, что уплощено до такой простой простоты). Как ни хороши сомнения в наших познавательных способностях, выражение в простом и скромном соображении, что мы отнюдь не все знаем (следовательно речь идет, когда она идет о всем, только о множественной реальности видимого мира), — эти рассуждения могут иметь значение только относительное и предварительное. Они хороши как противоядие против обывательски-самоуверенного сознания (сами эти соображения я обывательскими не называл, и не знаю, зачем Вы согласились считать свою точку зрения обывательской), против бездумной и непосредственной доверчивости к очевидностям обыденной жизни. Если же этим соображениям придавать чрезмерное и последнее значение, остановиться на них, — они сами могут оказаться ядом, парализующим дальнейшее движение мысли вглубь тайны. Такие положения как Ваши: тайна оставляет нам Надежду, — их нельзя переживать или предлагать слишком уверенно и многозначительно. Если считать, что из тайны, которая нам просто закрыта, надежда следует, то эту надежду никак нельзя писать с большой буквы. Это не та Надежда, которая определена, как это в христианском трехлистнике «Вера-Надежда-Любовь», своим отношением к Вере, — такая надежда будет неразличимой от сомнения, она скорее будет вписываться в другой букет: Надежда-Сомнение-Любовь к Идеалу или идеальной Святости, Святости как Идеалу. Если же иметь в виду именно христиански понятую Надежду, которая связана с Верой, во всей уверенности последней, то для такой Надежды нельзя в качестве основания предлагать закрытую тайну, ведь тогда тайну надо писать именно с малой буквы... Когда Вы говорите в том смысле, что тайна дает нам основание

для надежды, то надо уточнять, в каком смысле здесь есть основание. Надежда здесь только допускается тайной, которая остается достаточно безразличной к допускаемому (как и ко всему на свете), — Вы сами говорите, что такая надежда свободна настолько, что не имеет отношения ни к каким основаниям и ниоткуда не может следовать и чем-либо обосновываться, — и поскольку Вашим понятием тайны (да и самой надежды) надежда только безосновно допускается, не может быть и речи о какой-либо обоснованности, определенности Вашего рассуждения. Оно может иметь только значение приблизительного, символического, достаточно произвольного выражения религиозного чувства. Никак — не ответственного их интеллектуального обоснования или осознания... Я знаю, Вы сторонник символической мысли, но тогда вопрос в том, чтобы такой мысли не придавать последнего интеллектуального значения (не считать вполне определенным и определение такой мысли как мысли). Символизм практически допустим, потому что неизбежен в популярной религиозной проповеди, — почитание и культивирование его разрушительно для веры, ведет к привнесению в нее скептицизма. Ваши рассуждения о тайне и надежде всегда будут таить в себе возможность выразить не то, что Вы хотите, не религиозное чувство, а скептицизм и сомнения, — если этим рассуждениям не поставить предел и за этим пределом не допустить иное, более существенное, именно существенное понимание проблемы. Вы говорите на языке, которому посочувствует только уже верующий человек, только он Вас может правильно понять. Неверующий, атеист, скептик найдет у Вас только повод для самоутверждения. Если такая тайна, о которой мы ничего не можем сказать, дает нам, как мы говорим, основания нашим религиозным чувствам, то чего же стоят — подумает неверующий — все наши основания! Не покажется ли наша вера необоснованной химерой, чем-то чисто субъективным, результатом нашей чрезмерной доверчивости своим чувствам? Если я ни о чем последнем и абсолютном заведомо не могу ничего знать — скажет скептик — я буду прав в своем полном сомнении обо всем на свете. Еще последовательнее выведет атеист: если ничего о последней тайне понять нельзя, то не буду и думать об этом, с чистым сердцем займусь тем, что мне как-то понятно, видимым миром, беспрепятственно отдамся полному доверию очевидностям «реальной» практической жизни... Беспокоясь о таких толкованиях, приходится возражать Вам, поскольку мы ведем разговор открытый и по-

вернутый к атеистическому сознанию. Еще более для нас существенно — мы сами должны знать и укреплять основания своей веры.

Вот основное, о чем я уже говорил, на что Вы не отозвались, и от чего я главным образом остался неудовлетворенным Вашим ответом.

Теперь еще несколько замечаний по ходу Вашего письма.

— О пословице «на смерть, что на солнце — во все глаза не взглянешь». «Во все глаза» — это ведь не значит, что мы совсем не видим или не знаем солнца. Напротив, — мы все только и видим благодаря солнцу. Но говорим же мы так, как Вы заключаете — если подставить в Вашу фразу Ваш же образ:

«В современных размышлениях о Солнце мы должны быть искренни — не скрывать перед слепыми этого нашего полнейшего неведения».

Или я что-то неправильно подставил?

Полнейшее неведение не могло бы ни о чем говорить. Поэтому и призывы Карла Барта: «будем искренни: мы не знаем, о чем говорим...» производят впечатление двусмысленного покаяния — бессознательность этого суждения о своем факте оказывается скрытой неискренностью. К кому обращены слова этого нравственного любования? Куда направлен этот задушевный тон? Собеседнику? — не более ли нравственно сказать ему было бы прямо: не ври! — вопрос достаточно принципиален. Или что же? Тот, кто ничего не знает, продолжает все-таки что-то твердо утверждать и потому его беспокоит искренность?.. Приходится «вдаваться» в тонкости психологии таких призывов — в любезности своей они скрывают крайнюю агрессию. Если Вы, повторяя Барта, увлекаетесь неосторожно крайностями его выражений, то за Бартом стоит явная религиозная тенденциозность протестантизма, беспощадная агрессия религиозного экзальтированного чувства против разума. Протестантизм, конечно, этим не исчерпывается, но у него это есть. Искренность против истины есть принцип Кьеркегора С., например:

— «Почему Церковь молчит о Загробном мире?» — откровенно, опять-таки, спрашивает священник А.Ельчанинов. Почему это так уж молчит? Ад, Рай, Жизнь с Богом, Воскресение, Суд... наконец: ведь говорит по крайней мере, что есть Тот мир! Другой интерпретатор будет объяснять скорее из того исходя, что слишком много говорили... Или речь зашла о каких-то особых подробностях, устройствах Загробного мира? Церковь

молчит, Ельчанинов говорит о ее молчании, — тогда, по крайней мере, вопрос: не могла ли Сама Церковь говорить и объяснять как и почему Она молчит? Ждала откровений Ельчанинова об «условных формах пространства и времени»?

— Возражая мне об атеистах, об особенностях атеистической нравственности, Вы говорите:

«Должен заметить, что Вы неверно называете их представителями какой-то особенной "атеистической" и "безосновной" нравственности. Эта нравственность не вследствие, а вопреки безбожной идеологии, которая приводит к духовному самоубийству».

Как правило, атеисты себя не убивают. Вы объясняете это биологическим инстинктом. Разум, таким образом, у атеистов начисто отключен, прямо «подключен» на их биологию, вопреки разуму атеисты продолжают жить. Боюсь, что это самое глубокое унижение атеистов, которое не компенсировать никакой похвалой их «доброй воли». И Главой (т.е. Головой) у этих добрых безголовых безумцев оказывается Христос!

«Безосновная» нравственность атеизма есть то же определение, как и общепринятое «автономная нравственность». Явление это не только известное, но одобряемое по-своему с религиозной позиции. Не основываясь на христианском учении о воздаянии, люди творят добро, — свободно, бескорыстно — с этим Вы сами соглашаетесь. Тогда получается уже так, что благодаря возможности перечить убеждениям, нравственность достигает высоты своего бескорыстия. О чем же здесь спорить, если в самом нашем понятии «вопреки» уже содержится «благодаря»? И как можно отрицать особенность той нравственности, или того нравственного состояния человека, когда человек оценивает и действует не только независимо от своих убеждений, но даже вопреки им, и даже так, что это «вопреки» оборачивается возвышением его нравственности?

— «Хочу заметить еще, что нечего нам превозноситься своей теоретической верой». Разумеется — нечего. Но во-первых, нечего нам подставлять нравственные сентенции в разговор по существу, — по отношению к делу обсуждения и мысли у нас есть одна нравственная заповедь: истина и правда. Вставлять иное, начиная с вопроса об искренности и кончая упреками в превозношении, — вступать на путь сомнительной «благочестивой цензуры» Мысли и слова, — это уже сразу и будет безнравственным по существу.

— Бердяева я не «обвинял» в атеизме — Вы опять вводите нравственную интонацию и подставляете ее мне. Атеизм для меня вообще не есть обвинение. Бердяев не признавал присутствие Бога в зле, жестокости, холере. Так резко отрицать Бога хотя бы где-то — ставить под вопрос общее представление о Божественном Вездесущии и Всемогуществе. Вы сами признаете здесь проблему. Бердяев шел дальше: Бог имеет меньше власти, чем полицейский. Требовал пересмотреть принцип отношения Бога к миру. Какие это может иметь выходы в атеизм, можно увидеть на обсуждавшейся нами проблеме «бунта Ивана Карамазова». «Я не Бога не принимаю, я мира Божьего не принимаю», — но мы видим, что дело доходит до того, что отрицается и Бог. Н.Бердяев имел своей задачей преодолеть такой вывод, так, чтобы отрицание мира не вело к отрицанию Бога, но ограничиваясь преимущественно этической проблематикой, он, пресекая атеизм этически, делал это той ценой, что допускал его онтологически и в онтологическом плане приближал религиозное учение к атеизму. Бессознательность такого приближения угрожала смешением с атеизмом, оказывалось недостатком философии, но основная чуткость к атеизму составляет, по-моему, самое ценное в мысли Бердяева.

— «Мне видится у Вас ущербное представление о Боге — забвение о том, что Бог наш есть не только Вседержитель, но непременно и Дух Святый», — пишите Вы мне.

В согласии с учением я признаю Бога как Дух Святый... Далее Вы отмечаете проблему: «Другой вопрос — каким образом он (Бердяев) согласовывает или каким другим образом можно согласовать, совместить откровение о вседержителе и о Духе Святом. Во всяком случае лучше нам примириться с совершенной непостижимостью этой Тайны — но только не с хулою на Духа Святого, будто он присутствут во зле и жестокости». Поскольку трудно согласовать учение о Вседержителе и о Духе Святом, мы всегда остаемся под угрозой ущербности той или другой односторонности. Если Вы ставите под сомнение учение о Вседержителе, Вам можно возвратить упрек в ущербности представления о Боге, Которого Вы лишите Власти и Мощи, не с меньшей силой, чем Вы его направили. Совершенно непостижимая Тайна ничего не решает, кроме того, что можно будет в ущербности дойти уже до отрицания и того и другого, и Вседержителя и Духа Святого, — не решает настолько, что Вы сами тут же решаетесь, что лучше отрицать Вседержителя, чем Духа Святого, и только под этим условием Вы «примиряе-

тесь» с Тайной... Суть же, как видно, в том, что есть настоящая проблема, с которой «мириться», т.е. с ее неразрешенностью, мы не хотим и не можем: как углубленно и взаимосвязано осознать учение о божественной Благости и о Божественном Могуществе. Именно об этом я только и говорил.

— Я писал об атеистичности науки. Вы отвечаете: «Я — не ученый, но и мне достаточно ясно, что это ошибка. Вероятно, правильно будет сказать, что наука принципиально а-религиозна, нейтральна».

Беда в том, что понятие «а-религиозности» или «нейтральности» науки совершенно бессодержательно, — «нейтрально» к самой проблеме. Опять мы встречаемся с тенденцией примирить непримиримое и дать видимость решения там, где проблема просто скрывается. Опять опускается конкретное существо проблемы. Как можно назвать науку «нейтральной» к религии, когда в своих пределах она активно не терпит идею Бога? Если бы в научном объяснении кто-нибудь захотел прибегнуть к идее Бога, заведомо понятно, что это было бы запрещено. На это «объясняют», что так ведь обстоит дело только в «пределах науки» и что наука имеет в виду только «часть» реальности. Но это уже объяснение за науку. Изнутри науки и с ее собственной точки зрения, она не имеет никаких пределов, — все подлежит или должно подлежать ее определению. У науки обнаруживаются границы только при взгляде на нее извне, из теологии или философии, — внутри себя она таких границ не имеет, безгранична, для самой науки ее реальность, которую она только и знает, есть вся реальность. Более тонкое философское соображение, что наука не может сознательно, самостоятельно разобраться в реальности, не может осознать общее понятие реальности, и потому не может дать себе отчет и в том, что она понимает, — также неудовлетворительно. Если вслед за Бердяевым решать вопрос так, что наука имеет дело с «объективированной» по вине ее человечествого духа, с «падшей» (в этом смысле) реальностью, то вопрос переносится в проблему о праве так нравственно-ритористически рассуждать о реальности, дуалистически разделяя ее на хорошую и плохую, объективированную и необъективированную (дуализма Бердяев не боялся, но в конце жизни признавался, что недооценивал науку). Если, как это склонен был делать, например, наш С.Л.Франк, презирал все бессознательно-нефилософское, считать научное знание не настоящим знанием, а чем-то наивно-непосредственным, то, во-первых, придется столкнуться с тем, что наука

все-таки есть знание, умеющее по-своему определять и развивать себя лучше всякого другого, а затем, и это главное, — обвиняя в наивности, мы рискуем наградить обвиняемого самым ценным — непосредственностью. Здесь это будет самым ценным и главным — там, где вопрос идет об отношении к реальности. Если наука бессознательно-непосредственно переживает реальность, так ведь реальность и не может и не должна в своем восприятии умещаться в границы опосредующего понятия (что Франк, вообще-то, конечно понимал, его точка зрения сложнее, но все равно, я думаю, неудовлетворительна); а потому за непосредственным научным переживанием реальности может остаться преимущество его как раз тем большей подлинности, вместе с этим — подлинности нерелегиозного переживания реальности. Используя указанную возможность, атеистическая философия, считающая себя «научной», утверждает свои истины с тем большей уверенностью, что по непосредственной очевидности их они и не требуют развернутого осознания. И если наш «научный атеизм» еще «целомудренно» прикрывает обнаженность своих очевидностей и их философскую необоснованность, то упомянутый Вами «первоклассный мыслитель» Сартр не стесняется откровенно исповедать свой атеизм как некоторого рода самоочевидное откровение. Да и не мало такого в современном сознании, когда не только искушенный философ, но и самый простой человек испытывает тонкое удовлетворение, когда сбрасывает со своих убеждений стесняющее одеяние самосознания и философии...

Компромиссную рассудочность таких категорий, как «нейтралитет», мы перенимаем от католиков. Там родина таких рассуждений и там родилась научная мысль, которая как-то «вечно», «органически» остается для католиков «своею», как для родительского инстинкта ребенок остается всегда «близким и понятным», будь он любой чудак или пусть даже поколачивает их.

У католиков есть вечное родство с наукой, с атеизмом скрытым, вечный «нейтралитет» к ней и иммунитет на ее разлагающее влияние. Мы же, заразившись такой бациллой, погибли и превратились в атеистов откровенных и крайних. Было бы просто неуважением к самой ближайшей, трагической и массово-представленной нашей православной традиции поверхностно отнестись к атеизму. Практически это и есть основной путь, по которому пошло наше православное сознание, — путь полного самоотрицания, смерти — в надежде высшего воскресения христианства через атеизм.

Я повторил главное, о чем писал, и теперь надеюсь, что Ваш ответ по существу моих соображений будет более конкретным. Ответят ли мне другие— это само собой. От Вас я надеюсь получить именно Ваш ответ.

Ваш Б.
Январь 1981

Дорогой Р., Вы меня не обидели, напротив — я опасаюсь, как бы мне Вас не обидеть, может быть, недостаточным проникновением в суть Вашей пограничной теологии. К сожалению, я давал Вам подборку Переписки на очень короткий срок, и немудрено, что Вы кое-что недостаточно запомнили из того, что я писал уже раньше. Поэтому наперед прошу извинения — придется мне в моих замечаниях кое в чем повториться. И надо же было, что в этой подборке отсутствовало письмо уважаемого Б. с весьма интересным, как мне представляется, размышлениями о Смерти в связи с проблемой атеизма... Итак, вот мои замечания, которые я записываю здесь в последовательности по тексту Вашего письма.

1. Я продолжаю утверждать, я убежден, что атеисты доброй воли, наши анонимные христиане действуют не вследствие, а прямо вопреки идеологии атеизма. Атеизм есть отрицание Бога (всегда пишу это слово с разрядкой). Что же в атеизме вместо Бога? Либо — ничего, пустое место, и вся обезглавленная Действительность есть просто Бессмысленность, Абсурд. Либо на месте Бога предполагается некий Высший Разум и какой-то Смысл, но абсолютно чуждые, враждебные нашей человечности. Второй вид атеизма более разумен — и еще более ужасен... Так или иначе — атеизм есть отчаянная Безнадежность человеческого существования. Ваши славословия идеологии атеизма, что будто бы она является «по-своему плодотворной жизненной позицией», «лекарством, исцеляющим душу», — это и подобные выражения не имеют под собой реального основания. Пассажиры корабля, который заведомо, абсолютно обречен на гибель,— пассажиры это понимают, но утешаются созерцанием флага на мачте... Это Ваш образ вызывает у меня недоумение. Атеизм есть синоним абсолютного Отчаяния. И я думаю, что Ваше (как и мое) восхищение относится в глубине не к идеологии атеизма, а к мужеству людей, которые именно вопреки

бесчеловечной идеологии на деле осуществляют, по Вашему выражению, «высокое достоинство человека».

2. «Высокое достоинство человека». Конечно, это речь не о достоинстве белокурой бестии. В пределе — это речь об идеальной, прекрасной, священной человечности. Далее я прошу извинения — у меня нет других слов, я буду выражаться на конфессиональном языке Христианства. Я хочу еще раз сказать, что и у нас, недостойных христиан, и у атеистов — не в идеологии атеизма, а у живых людей, атеистов доброй совести и воли, — что и у нас, и у них реально существует общий Идеал прекрасной, священной человечности. Это Христос — Вечный Человек одесную Бога, Отца... В известной Вам книге профессор Кюнг цитировал Генриха Белля, который сказал о князе, «рыцаре бедном» — герое романа Достоевского: «Я не знаю лучшего изображения Христа в литературе». Сегодня мы могли бы сказать это уже не о литературном образе, а о живом человеке с чертами личной святости, нашем великом современнике — нашем «князе» от науки... Как, впрочем, и о целом ряде других агностиков и атеистов, в которых, по слову апостола, «воображается Христос». Можно иметь идеологию атеизма, но быть в «онтологии» Христианства. Христос — Человек, и истинное Христианство есть истинная человечность, и там, где она проявляется, мы, христиане, видим Божественный свет.

3. Вы написали, что неверующих «Бог не спасает». Не описка ли у Вас это? Споры о «спасении только верою» — это уже устарело, сегодня идет разговор о «спасении без веры». В постановлениях Второго Ватиканского собора мне запомнилась фраза, что Христос таинственно близок всякой луше человеческой. Охотно процитирую здесь кусочек из только что прочитанного перевода книги «Я верю в надежду» испанского священника Хосе Мария Диес-Алегрия (1972):

«...Надо понять, что историческая жизнь Церкви — историческая реальность христианских сообществ — ничтожна (в историко-эмпирическом плане) по сравнению с жизнью человечества и, если Христос действительно есть Спаситель для всех, то маловероятно, чтобы дело спасения крепко связывалось с одной конкретной, эмпирически определенной формой посредничества. Церковь, как историческое тело, не может быть единственной и непременной посредницей; Более того — я не уверен, что ею может быть сознательная вера во Христа, Спасение — тайна, как и господство Господа над историей. <...>

Я не говорю, что видимая Церковь и «слышимая» вера не принадлежат к тайне Христовой — я говорю, что тайна Христова много больше, чем видимая Церковь и сообщество тех, кто исповедует веру вслух.

Современные теологи поняли и растолковали, что драма веры («зов Божий» и «ответ человека») разыгрывается не столько в уме, признающем, что он «верит», сколько в глубине совести, избирающей в полной мере «экзистенциального действия» милосердную любовь, а не своекорыстие. Выбор этот происходит под действием благодати, но человек может об этом и не знать. Это и есть ответ Богу — пережитое, а не сказанное «ДА».

Человек может считать себя неверующим, когда в этом смысле, на этой глубине он — истинно верующий. Все зависит от его отношения к ближним, выражающегося в поведении. Именно об этом, на мой взгляд, и повествует притча о самарянине. Для иудеев тех времен самаряне и были «неверными». Однако Иисус ставит самарянина примером исполнения закона в любви к ближнему, и ничего не говорит об его обращении в иудейскую веру. Священник же и левит признаны нечестивыми (Лк.10,25-37).

Точно так же и в наши дни неверующий может стать примером истинного приятия Царства Божия, а безукоризненно-правоверный иерей сыграет роль священника из притчи.

Я верую, что Христос — наш Спаситель, и потому жизнь в любви всегда считаю плодом благодати, плодом Его жертвы, принесенной за нас. Но для этого не нужно, чтобы человек сознательно, разумом знал Христа и даже Бога. Не мы должны знать Бога, а Он должен знать нас, или, как говорит апостол, «предузнать» (Рис.8,29).

Порой неверующих как-то раздражает, когда современные теологи толкуют им, что спасительная сила Христа действует и за пределами видимых христианских Церквей и сознательно исповеданной веры. Им кажется, что теологи эти покушаются на то, что Церковь вполне справедливо потеряла.

Но моя вера ни на что не покушается. Напротив, я подчеркиваю, что Церковь очень мала, а тайна спасения Христова велика и свободна.

Кроме того, вера не может быть ни навязана, ни доказана. Я вижу глазами веры неверующего, который любит ближнего и живет по правде, и я узнаю в нем «предузнанного» Богом и осененного благодатью. Никакого превосходства перед ним и власти над ним у меня нет. Мы не вправе вмешиваться во внутренний мир того, кто считает себя неверующим. <...>

Сам Господь почитает свободу и внутренний мир неверующего. Неверующий, если он честен, вправе не верить в Бога, точно так же, как вправе верить мы, если мы честны и искренни.

4. Относительно описанного Вами «пари Паскаля» Вильям Джемс заметил, что плохи дела у веры, которая «начинает выражаться на языке игорного дома», и что «будь мы на месте Божества, нам, вероятно, доставляло бы особенное удовольствие лишить подобных верующих вечной награды» (цитирую по лекции «Зависимость веры от воли», 1904). Аргумент Паскаля сегодня должен быть реформирован. В ситуации Неизвестности мы не имеем разумного права на отчаяние — но имеем разумное право надежды... Я достаточно уже писал раньше об этом.

5. Чувство одиночества общеизвестно. Но в Христианстве ему противопоставляется, его превозмогает интуиция таинственной общности человека с миром и человечеством. Говорю не о молитве. Я плохо понимаю поэзию, но и меня живо волнует вот этот стих Владимира Соловьева:

Земля-Владычица! К тебе чело склонил я,
И сквозь покров благоуханный твой
Родного сердца пламень ощутил я,
Услышал трепет жизни мировой.

Интуицией «коллектива» много злоупотребляли, но это же и показывает ее реальность, хотя и искаженно воспринимаемую в виду преданности «только нашей», например, нации или конфессии. Общность всечеловеческую мы чувствуем в объединяющем всех восхищении произведениями искусства, другими достижениями человечества. Великий писатель «за всех нас» говорит нашу общую правду... Астронавт Армстронг верно сказал, что в его лице вступает на Луну все человечество... Самое же существенное о всечеловеческом единстве написал спостол Павел, например, в гл.8 его послания к Римлянам: «...Ибо если преступлением одного (Адама) подверглись смерти многие, то тем более благодать Божия и дар по благодати Одного Человека, Иисуса Христа, произбыточествует для многих...»

Это — интуиция спасительной общности всех нас, верующих и неверующих, с Личностью Вечного Человека. Впоследствии юридическую символику поняли буквально и изобрели «судебную теорию» Искупления... Об этом — потом, если у нас пойдет разговор о проблемах Христианства.

6. Сейчас у нас речь об атеизме. Вы написали, что «атеистическая традиция прослеживается во всех культурах». Другие знатоки утверждают, что явления атеизма не было до явления Христианства. не знаю — кто же из вас прав.

7. В письме № 7 этого цикла цитировано утверждение Философа: «По-настоящему атеистов не существует, существуют лишь идолопоклонники». И Вы тоже пишете, что две наиболее зловещие фигуры нашего века «воплотили в себе не столько атеизм, сколько две разновидности квази-религии». Выходит, что атеизма, как массового явления не существует, и Вы прославляете только «чистый» атеизм одиночек. Так ли это?

8. У исторического Христианства в прошлом было много грехов, но всегда оно в себе самом находило источник своего обновления. Исторический опыт массового атеизма или, по Вашей версии, массовой эрзац-религии только еще разворачивается, и есть основания думать, что это будет опыт массового имморализма... Тут я вспоминаю чье-то мудрое изречение: если мы и с Христианством были так плохи, — то что было бы с нами без Христианства?.. Про себя лично твердо знаю, что был бы еще хуже без моего пусть даже только номинального Христианства.

9. С глубоким уважением отношусь к Вашим высказываниям сугубо личного характера — в частности, к Вашему чувству, запрещающему «возглашать о Боге». Вспоминается тут предостережение кого-то из западных теологов, что вообще-то о Боге на языке понятий мы можем говорить только глупости... Но не могу умолчать о том, что нам, недостойным христианам, открывается одно решающее «качество» Бога, которое соответствует человеческому слову: Любовь. И есть у нас таинственное откровение Личности, в котором видная красота идеальной, святой человечности «единосущна» Божественной жизни: это Христос. В представлениях Христианства Бог — не «за границей». Он везде с нами там, где мы позволим Ему быть в нашей человеческой жизни... И позвольте еще заметить, что Вы много на себя берете, высказываясь за Бога, что Он «не хочет» наших молитв. Откуда Вам это известно? В одном романе Белля девушка говорит солдату: «Молиться надо — Господу во утешение...». Относительно чудес у нас свобода суждений. Но есть одно бесконечно таинственное Событие, в которое мы свободно веруем, которое в эти дни празднуем, на котором стоит Христианство:

О, Пасха! Избавление скорби:
Ибо из гроба днесь,
Яко от чертога
Возсия Христос...

Извините — умолчание здесь могло бы быть принято как знак согласия. А я не могу согласиться с пограничной теологией, в которой нет ни слова о Христе, она представляется мне бесчеловечной... Но это нисколько не уменьшает моей к Вам личной благодарной привязанности. В одном литургическом памятнике начала века автор благодарит Бога «за промыслительные встречи с людьми»... Обратили ли Вы внимание на весьма значительные свидетельства женщин в первом цикле Переписки? В письме № 5 госпожа Л. хорошо рассказала о чувстве «ликующего смирения», которое охватывает человека в таинстве веры. Да, уверование — это таинство, чудо, которое совершается «внутри» нашей свободы, которое дается не всем. Почему не всем — мы не знаем. Не всем дается восприятие поэзии, музыки, — но мы не сомневаемся в ценности их существования... А в письме № 7 госпожа Н. высказала предположение, что «знать» (кавычки автора) Бога — «это было бы так же ужасно, как заранее знать дату своей смерти и всю жизнь наперед»... Наше неведение, недоказуемость, «неуловимость» понятия Бога, о чем и Вы пишите, есть условие нашей свободы.

Надеюсь, что Ваше письмо вызовет отклики других моих и Ваших друзей, которые, возможно, лучше меня понимают ценность благородного атеизма.

Ваш А.
Апрель 1981
№ 9

Начиная публикацию архива отца Сергия Желудкова в альманахе «Христианос», выпуск II, 1993; говоря о его жизни и деятельности, мы приводили выступление отца Александра Меня на вечере памяти о.Сергия Желудкова, проведенном о. Александром в Москве 5 марта 1989 года.

В завершении публикации Переписки «Христианство и атеизм», 1980—1981, мы предлагаем вниманию читателя еще одно письмо из архива о.Сергия Желудкова, написанное

ему в конце 60-х годов (точная дата неизвестна). И, хотя, оно впрямую не относится к Переписке 80—81 гг., но помогает глубже понять устремления поиска о.Сергия Желудкова, и, кроме того, отвечает на многие важнейшие вопросы, стоящие перед нами и сегодня. Автор этого письма отец Александр Мень.

Дорогой о. Сергий!

Вы опять возложили на меня непосильную задачу: в двух словах сказать о том, о чем и целой книги (и многих книг) мало. Решительно не знаю, с чего начать и о чем говорить. Многое мы обсудили с Вами и Вашими друзьями в переписке, многое я посильно попытался изложить в своих книгах.

Вы обращаетесь к А. И.* Несомненно, он является сейчас совестью мыслящей России, выразителем ее самых сокровенных и дорогих чаяний. Но он — художник, большой художник, и, пожалуй, ответит Вам не столько в теоретическом письме, а в своем творчестве. Толстого как-то попросили истолковать «Анну Каренину», он ответил: «Для этого нужно написать ее снова.» В этом заключена большая правда о художнике, который отвечает на жгучие вопросы жизни созданием образов, а не теориями. Опять же, если взять пример Толстого: когда он теоретизировал, он был бесконечно слабее Толстого-писателя. Правда, это не относится ко всем писателям. Такие мастера слова, как Пушкин, Ломоносов, Белый, Честертон, Экзюпери, Моруа, Цвейг, Камю были в то же время и мыслителями. Но все-таки это скорее исключение, чем правило. Сравните романы Достоевского с его «Дневником Писателя», и увидете огромную разницу. Дело здесь, очевидно, в индивидуальном складе писателя. Я не знаю в этом отношении А.И., но уверен лишь в одном: в сфере художественного творчества он ответит и ответил уже на многие Ваши вопросы.

Что сказать о Вашем «манифесте»? Вы знаете мою точку зрения, т.к. все эти вопросы мы обсуждали с Вами много раз. Как и прежде, здесь пленяет искренность, огонь, живая вера, мастерский, прозрачный стиль, множество верных и глубоких мыслей. Однако я хотел бы остановиться преимущественно на том, с чем я не могу согласиться.

---

* А. И. — Александр Исаевич Солженицын.

Вы говорите — «кризис». Согласен, «кризис», но в Вашей интерпретации он сводится к какому-то почти катастрофическому состоянию. На самом же деле здесь кризис хороший, кризис непрестанного роста. Появление жизни и человека были «кризисами» природы, но это были кризисы великого Становления. То, что мы стоим теперь перед новыми проблемами в области учительства, организации литургики — означает, что христианство продолжает стремительно расти вширь и вглубь. Следует не скорбеть, а радоваться.

Бессмысленность и мрачность атеизма становится все очевиднее. Безрелигиозная мысль дошла до своего предела. Отчаянный вопль Ницше, Камю, Сартра — свидетельство этого. Оптимистический гуманизм потерпел крах в атмосфере озверения, которая окутала XX век. Атеизм — это именно и есть «кризис» в подлинном смысле этого слова. Он — болезнь духа и культуры, болезнь мысли, совести, миропонимания. Все, что было лучшего в культуре, начиная от палеолита, созидалось на религиозном фундаменте.

Вы обедняете религиозное сознание таких людей, как Эйнштейн. Пусть он находится лишь на одной из ступеней духовного восхождения, но сказать, что его чувство Бога и восхищение гармонией космоса — это не религия, мы не имеем права. Божественное — слишком огромно, слишком всеобъемлюще, чтобы можно было отбросить все аспекты его понимания, кроме христианского. Более того, христианство включает в себя все эти аспекты. Оно есть высшее откровение миру о Боге, но оно не отрицает иных Его восприятий.

Вы нападаете на рационалистов, а сами оказываетесь неисправимым рационалистом. Для Вас вопрос «было или не было» продолжает оставаться в осязаемой плоскости. Раз, говорите Вы, грехопадение — это «миф», значит, сказание о нем не имеет «никакого познавательного значения». Но ведь это неверно! В этом «мифе» открывается для познания важнейшая правда о человеке, но открывается иным путем, путем отличным от рационального.

Я верю, что Бог встретился с человеком в ветхозаветной религии, и вершиной этой встречи явилось Боговоплощение. Я верю свидетельству Христа, который говорил о Себе не как об Учителе, а как об Избавителе от греха. Апостол Павел, которому я тоже верю, пережил в своей душе тайну искупления. Он раскрыл ее нам через библейские символы грехопадения. Первородный грех есть факт, но факт внутренний. Библейские

мудрецы знали, что за зло, совершающееся на земле, несет ответственность человек, человек, который изменил свободе в Боге, променяв ее на «дурную свободу» бесплодности, хаоса и пустоты. «Своеволие» в метафизическом смысле было основой отпадения человека. И вовсе не «теории», а живой опыт, живое откровение дало нам эту истину. Все попытки объяснить человека без учета его глубокой духовной болезни потерпели крах. Демоническое начало неизменно выглядывало из-за маски «человека, доброго по природе». У меня есть основания верить ап.Павлу больше, чем кому бы то ни было. А Вы ставите его чуть ли ни в один ряд со школьным богословием. Вот это и есть рационализм. Не школьное богословие, а мистическое прозрение ветхозаветных пророков, ап.Павла, подвижников и мистиков положило фундамент христианского мировоззрения. Христос вовсе не учил нас морали (хотя она и является неотъемлемой частью Его учения), но Он учил нас о том, что мы находимся во власти темных сил, от которых Он нас спасает. Не мораль основа Евангелия, ее Вы найдете и у Будды, и у Сократа. Нас спасает Тот, Кто сказал: «Я видел сатану, спадшего на землю, как молния».

Меня изумляет Ваше отношение к «проблематичности» новозаветной письменности. Если для Вас Христос Некто больший, чем просто один из тех, кто учил людей быть добрыми, то какое значение для веры могут иметь исследования критических историков? Ведь ими тоже водит вера, убеждения. Если они не верят в Иисуса, т.е. в его свидетельство о Себе, то они неизбежно сочтут большинство рассказов о Нем мифами. Если же верят, то никакие изыскания не могут поколебать их веру.

Есть парижская книжка П. Жилле «Иисус Назарянин». Там автор пытается надеть тогу беспристрастия и показать Христа в свете истории. И все же видно, что он при всем своем критицизме верит в Него. Тогда этот критицизм перекочевывает в сферу науки. Альберт Швейцер в своих исследованиях пытался показать, что образ Христа как Спасителя есть плод верований ранней христианской общины. Это априорное суждение явилось в результате того, что он сам отошел от этой веры, отошел от христианства. Евангелия не «фотографии». Это верно. Но в то же время они, если оставить в стороне их духовную ценность, являются, как признала современная критика, ценнейшим историческим свидетельством о Христе. Они были написаны тогда, когда были живы еще многие очевидцы событий. Разве одно это не требует от нас относиться к ним не только

как к памятникам религиозной веры первохристиан? И, наконец, если Христос является действительно нашим Искупителем, неужели он не в силах был так определить ход возникновения новозаветной письменности, чтобы ВСЕ важное и необходимое дошло до нас, дошло до каждого столетия. Вся история написания Евангелий — это часть истории вообще. И нужно ее полностью обессмыслить, если считать, что главной действующей силой в ней была случайность, в частности, невежество и легковерие людей.

Вы абсолютно правы, что терминология догматов символична. Так и должно быть. Если бы они были выражены в строгих понятиях, они сузились бы до размеров человеческой философии. А на самом деле они есть плод живого религиозного переживания. Значит, здесь нужно лишь постоянно корректировать и напоминать о том, что факты божественного мира не подобны фактам мира внешнего, что это ИНАЯ реальность, которую мы выражаем в привычных словах: «Отец», «Свет», «Восхождение». Бессмысленно было бы здесь, на двух страницах, решать вопрос о Троице и Воскресении. Бессмысленно и кощунственно. Даже наука, которая имеет дело с внешним миром, отвергает такое скороспелое и поверхностное отношение к своим предметам. Сложна высшая математика, сложна теория относительности, сложна теория элементарных частиц. Неужели же проблемы Духа могут оказаться проще и однозначней?

Вера и основные моменты ее остаются непреложными для тех, кто в ней живет, кто ее переживает. Следовательно, нужно лишь искать для каждой эпохи новые формы ее выражения. Учение Отцов Церкви (догматы), учение средневековых мистиков и схоластиков, религиозно-философские системы нового времени всегда были «революционны», всегда «модернистичны». И для XX века рождаются новые формы. Неотомизм, христианский экзистенциализм, русская религиозная мысль — все это новые формы осмысления христианского опыта. Не отмахиваться от этого, а изучать их — наша задача. Несомненно, в сфере «теоретической» здесь требуется упорная работа, глубокое изучение и неустанное вхождение во внутреннюю жизнь всего христианского наследия в целом. Апостол Павел и Дионисий Ареопагит, Григорий Нисский и Григорий Палама, Фома Аквинат и Дамаскин, Симеон Новый Богослов и Экхарт, Паисий Величковский и Паскаль, св.Тереза и св.Игнатий и, наконец, наши Бердяев, Франк, Вл.Соловьев, Флоренский... Да что там!

Сокровищница христианской мысли и духа неисчерпаема. Только одних имен можно написать несколько страниц.

Если же вернуться к вопросу о догматах, то я хотел бы еще и еще раз подчеркнуть необходимость бесконечно бережного отношения к этой древней, но вечно юной форме выражения веры. Они — плод прозрения, один из аспектов Откровения. Посягая на них, мы рискуем разрушить все. Они подобны драгоценной чаше, в которую влито священное вино Евангелия. Конечно, чаша — лишь сосуд. Но разбейте его — и вино прольется на землю. Если мы не понимаем чего-либо, не следует торопиться. Не лучше ли в смирении поискать причин в себе? До многого мы могли не дорасти. Как хорошо я помню случаи с трудными местами в Евангелии. Когда они встречались, я просто оставлял их в стороне. И вот, проходило время — и смысл их открывался.

Догматы — это не догматическое богословие. Они являются уже чем-то чисто человеческим, несущим на себе неизбежную печать ограниченности. Они будут развиваться всегда, ибо каждое его завоевание несовершенно, и полнота догмата влечет к поискам все новых подходов к этим великим темам.

Дело — в «учительстве». Как излагать основы веры для рядового христианина? Так я Вас понял? Но это проблема преимущественно методологическая. Из тех богатств, которые имело и имеет христианство, мы должны создавать нечто доступное для рядового человека. И при этом не ставить себе утопической цели, что это изложение должно убедить неверующих. От теории мало кто убеждался когда-нибудь. Нужно разрушать атеизм, разрушать предрассудки, нужно приблизить человека к миру веры, и если он почувствует ее как живую силу — ему уже не так важно будет, договорились ли между собой богословы-теоретики. Это свобода веры, но свобода не пустая, безмерная, безцельная, безбожная, а свобода сынов Божиих, свобода «познанной Истины». Никакие развалины теорий не смогут тогда смутить человека. Не в них суть. Однако и без них нельзя, как в мире науки без «рабочей гипотезы». Мы не можем не ОСМЫСЛЯТЬ своей веры. Знаем, что это осмысление никогда не достигнет полной Истины, но все же осмысляем и будем осмыслять.

Тороплюсь кончать, а хочется так много сказать. Вот, Вы говорите об иерархии! Разве не ясно, что многое здесь связано с нашей внешней обстановкой? Всегда, во все времена были плохие епископы и священники, но Церковь стоит. Я лично

являюсь сторонником строгой, совершенно организованной и централизованной иерархии. Ибо всякий живой организм «монистичен» и структурен. Он сложен, ибо совершен, он имеет главу, ибо един. Многие беды происходят от того, что он еще недостаточно един. Поэтому борьба за единение христиан — важнейшая наша задача.

Христианство не идеология, а бытие, жизнь, организм. А организму присуща структура. Только в структурно сложном единстве Церковь будет в состоянии выполнять свою задачу — готовить человечество к будущему, к Царству Божию.

«Построить теорию мира, — говорит Тейар де Шарден, — относительно легко. Но искусственное форсирование новой религии превосходит индивидуальные силы. Платон, Спиноза, Гегель могли развить воззрения, которые борются с перспективами Воплощения. И в то же время ни один из этих метафизиков не смел переступить границ идеологии. Их воззрения, одно за другим, могли, быть может, просвещать умы, но никогда не достигая порождения жизни». Этим христианство отличается от «идеологий». Оно есть новый поток бытия, изливаемый из Запредельного, и когда он преломляется в душах людей, он рождает единственный богочеловеческий поток Церкви. Он несет в себе, как всякая река, палки, бревна, мусор и трупы. Но течение его неотвратимо. Церковь создана Христом. В ее бытии я вижу Его волю, вижу Его Самого. И если есть в ней темное, то я помню об Иудее на Тайной вечери. Эта новая жизнь слагается из двух источников — земного и небесного. И в едином русле они устремляются к Царству.

Евангелие Иисуса есть Евангелие Царства. Все утопии человечества есть искаженный и обедненный отблеск его чаяния. Его умудрялись искажать даже христиане: средневековые теократы, Соловьев и Федоров. Но даже эти искажения говорят о великой силе того центра, откуда они исходят. «Да придет Царствие Твое» — вот тайна христианства и Церкви. «Все мы изменимся,» — говорит апостол Павел. В непостижимой дали всегда стоит перед нами грандиозная Трансформация. Ради нее земля, ради нее жизнь, ради нее человек, ради нее Явление Богочеловека — Основателя и Главы этого Царства. Все, что делает человек ценного на земле, есть камни для строящейся башни (помните, у Герма в «Пастыре?»). В этом смысле и люди являются потенциальными членами Церкви (то, что вы именуете «Церковью доброй воли»), работают для Христа. Но они работают бессознательно, повинуясь смутным чувствам, голосу со-

вести. Этим они отличаются от подлинных членов Церкви. Свободный акт воли, стремящейся к Богу, ко Христу, есть нечто бесконечно важное в бытии людей. Церковь началась с малого. Она растет, она движется в истории. Из ее истоков родилась духовная культура Европы, России, Нового Света. Она должна выполнять свою миссию до скончания века. Наше дело только осознать наше место в этом организме, не претендуя на большее.

Вы верно сравниваете человеческие индивидуумы с клетками. Но от клеток в действительности мы отличаемся личным сознанием, личной волей, личной ответственностью. Поэтому важно крещение, как акт готовности следовать за Христом. Поэтому и говорит Он о «малом стаде». В противном случае не было бы ему нужды создавать Свою Церковь, ведь по Вашему все человечество, все люди доброй воли есть тело Христово, есть Церковь. Но Христос именно СОЗДАЛ Церковь (Мф. 16) как зародыш Своего грядущего Царства. Он сравнивал ее с зерном, вырастающим в дерево, с закваской, действующей постепенно. Можно сказать, что он начал новое человечество. Он — «новый Адам», противостоящий Адаму ветхому.

Плохо мы выполним Его волю, если скажем всем честным людям: вы уже в Церкви. Нет, мы должны сказать им, что они бессознательно являются христианами по своей жизни и что именно поэтому им нужно сделать сознательный шаг ко Христу. Только тогда они станут окончательно под сень Его креста. Когда-то Булгаков сравнивал Церковь с храмом, у которого есть притвор и двор. Это сравнение повторил Павел VI в энциклике «Экклезиам суам». Да, и двор имеет отношение к храму, и притвор. Но все же они НЕ храм. Мало потолкаться по двору, нужно войти в церковь.

О письме двух священников * говорить трудно, ибо это вопрос тоже не простой. Однако я могу сказать: они выразили общее чувство и общую боль. В этом смысле их голос есть голос Церкви. Они говорили как «власть имущие». Имели ли они на это право? Не знаю. Не могу судить их, как не чувствую себя призванным «со властию» судить и епископат. Это большая ответственность — судить. Вы сами отметили всю сложность положения Церкви. Здесь однозначно решить трудно очень и

* Имеется в виду известное письмо о.Глеба Якунина и о.Николая Эшлимана.

очень многое. Где граница, отделяющая церковную икономию от недопустимого компромиса?

Вы говорите о соборности. Поверьте, я не знаю, что значит это слово. Церковь в России давно находилась в уродливых условиях, давно, много веков. Общины у нас нет сейчас, но и не было ее сто лет назад. Но сами посудите — как может у нас сейчас развиваться дело в этом направлении? Эволюция должна идти не сверху, а снизу, ибо «каков приход, таков и поп». Иерархия у нас на Востоке всегда была слаба и безынициативна. Но не нам ее преобразить. Только тогда, когда каждый будет выполнять свой долг, можно будет ожидать помощи Божией.

Это относится и к мирянам. И к новообращенным. Они не должны быть «гостями» в храмах. От них зависит очень многое.

О реформах богослужения вообще сейчас нельзя думать. Многое можно загадывать на будущее, кое-что вводить и теперь. Но это не изменит основного. С Вашей литургической критикой я во многом согласен. Но дело это требует тщательного рассмотрения, огромной работы, долгого времени. Что говорить попусту! Ясна альтернатива: или бросить храм, как обремененный «мишурой», но тогда мы решительно оторвемся от жизни Церкви, или вникать в то, что есть, вживаться в существующее богослужение. Только тот, кто проникся им в его традиционной форме, может судить о том, что в нем вечно, а что может со временем и отпасть. А если мы дадим неофитам, почти ничего не понимающим, власть принимать скороспелые решения о реформах, мы рискуем вместе с водой выплеснуть и ребенка. Кто очень болеет о невнятице переводов — пусть займется новым переводом, пусть сделает «кабинетную», так сказать, реформу церковно-славянского языка, приблизив его к русскому. Для этого потребуются годы. Переводы, развитие вкуса к иконе и пению, поиски новых богословских форм изложения веры — вот задачи, которые стоят перед нами. Их хватит на несколько поколений. Легче критиковать, труднее творить.

Вообще я ломлюсь в открытую дверь. Ведь Вы со всем этим согласны. И не знаю, зачем пишу Вам. О воспитании детей также не может быть двух мнений. Но чем плакать о том, чего нет, лучше экспериментировать в области религиозно-педагогического творчества. Пусть пока для себя, для своих детей, но творить, искать, не стоять на месте.

Итак, подведу итоги. Внутренний кризис обусловлен сложностями внешнего. Но если эти сложности разрешатся, то ни-

какого кризиса в смысле «развалин» и катастрофы не будет. Не уступками атеизму и не попытками стереть грани поможем мы неверующим, а свидетельством живой веры, осмысленной, действенной. Нам нужно всем становиться лучше, нужно вырабатывать подлинно христианские принципы жизни, нужно спорить и размышлять, но в основу положить слова Христовы: «Ищите прежде всего Царствия Божия, а все остальное приложится вам».

Принадлежность к так называемой «Церкви доброй воли» — великая вещь. Но это не все, далеко не все. Иначе нам не нужно было бы и христианство. А оно есть не просто «добрая воля», оно есть Встреча с Богом через Христа и участие в Его вселенском деле. Верить ему, жить Им — это не значит решить все вопросы. Но значит — решить главный. Положа руку на сердце скажу Вам, что при всем моем интересе к философии и богословию для меня все теоретические проблемы не так важны. Софиен ли мир? Что такое предопределение? Что такое Вознесение? И так без конца. Интересно, существенно, увлекательно. Но это то, без чего можно прожить. А вот без Бога, без Христа жизнь есть мука или самообольщение. Мир создан Богом (как? пусть решают теологи), все осмысленно и полно таинственного значения (подробности? предоставим их мудрецам), я ответственен перед своим Создателем, я погибаю, но спасен Им. Он призывает к Себе, Он призывает к крещению. Он создает Церковь, Он воздвигает Чашу. Все прочее ВТОРИЧНО. И кризис наступает лишь тогда, когда мы отступаем от Него, от Его заповедей, от Его церкви, когда мы изменяем вере в Него.

Но Вы спросите: а как же верующие других религий? Они же вне Христа. И чаще всего не по своей вине. Но неужели Господь Сам не решит их судьбу без нас? Они — наши братья, во многом единоверцы, а тайны спасения в руках Божиих. Дайте здесь любое хорошее объяснение. Я только спасибо Вам скажу. Но разве в объяснении дело? Или Вы перестали доверять Богу?

«Прежде, нежели Авраам был, — говорит Христос, — Я есмь». В этом суть. Он был всегда, еще до Воплощения, еще до появления человека. Это Он говорил с миром через мудрых и пророков. Все, что есть, было и будет доброго, — от Него. И этого нельзя доказать. Это выше, больше любых доказательств. В искании Христа, в чаянии Его — суть всей религиозной истории. Но это не значит, что одно это искание и есть уже Новый Завет. Во всем добром и современном мире проявляется начало Христово, но это еще не есть христианство.

Подобно кресту Церковь идет вертикально и горизонтально, вглубь и вширь. Вглубь она совершает путь к Богу. Вширь — она распространяется среди людей. «Идите и научите все народы». «Се, стою у двери и стучу».

Пусть мы найдем новые слова, новые формы выражений, ИСТИНА, которая будет облечена в них — не новая и не старая, а вечная истина. Не новые, более убедительные концепции нужны прежде всего, а путь к Богу, выход на просторы духовного мира, чудо, скачок, превращение.

«Придя, найду ли веру на земле?» — так спрашивает Он нас. Трагический финал предречен, но он не фатален. Никогда не поздно найти истинный путь. Ниневия не была разрушена, ибо покаялась.

Простите, я увлекся, пытаясь выразить то, что чувствую, но так и не сумел ничего. Вот нищета слова!!! Но одно знаю: возврат в Церковь, жизнь в Церкви, Христос, борьба за Его Евангелие, терпение, неустанная работа внутри и вовне — в этом все. А теологемы и философемы пусть знают свое место. Они вторичны и служебны. Они — подпорки, леса. Решение их придет, когда будет достигнуто главное. А без этого они останутся бесполезным бременем, камнем преткновения для спорщиков.

А тем, кто хочет, чтобы им «объяснили все», могу лишь сказать: христианство необъяснимо, пародоксально, оно не может быть втиснуто ни в какие рамки человеческих «систем». Достаточно сказать, что христианами были последователи многих весьма далеких друг от друга философий. Кьеркегор и св. Фома, Паскаль и Маритен как мыслители очень несхожи, но все они в лоне христианства. Значит, оно возвышается над односторонними и ограниченными человеческими системами. Оно есть Благая Весть о Боге, спасающем Свои творения.

С любовью
священник Х.

ХРИСТИАНСТВО И ТВОРЧЕСТВО

Андрей ЕРЕМИН

«ВСЯКОМУ ИМЕЮЩЕМУ ДАНО БУДЕТ»

Нельзя, чтоб страх повелевал уму,
иначе мы отходим от свершений.

Данте. Божественная комедия

В московском журнале «Искусство кино» в №№ 8—9 за 1991 год была опубликована беседа со священником В. Свешниковым, где православный протоиерей высказал более чем критические суждения об искусстве в целом и о кино в частности. Вообще о творчестве он говорит, что оно «всегда — самовыражение», «неизбежно» связанное с той «греховной вязкой субстанцией, которая обычно именуется гордостью», и полагает, что оно состоит из «исключительных интерпретаций», которым дает однозначное определение: «Всякая интерпретация есть ложь».

Ригористическое морализирование, запугивание близким концом света, «онтологической смертью» и всевозможными карами, очевидно, являются основными темами его обскурантистских проповедей о спасении.

Редакция предпослала этой беседе замечание, в котором «крайнюю по своей бескомпромиссности и жесткости» позицию сочла возможным отнести к области христианских идей, а «цельную внутренне непротиворечивую», контрпозицию — искать в «идеологическом пространстве», чуждом православию.

Такая точка зрения предполагает, что православное отношение к данной проблеме однородно. Но это не так. Церковное видение роли творческого элемента на пути спасения и преображения человека всегда колебалось между двумя полюсами.

Один из них опирался на мировоззрение Евангелия, другой на аскетические традиции, уходящие своими корнями в культуры Греции и Индии.

Евангельское учение несет в себе, прежде всего, провозвестие о богочеловечестве, о человеке, как образе и подобии Божием, с которым Сам Бог пожелал войти в контакт. Другая же традиция, основанная на богатейшем опыте самонаблюдения и внутреннего делания, первоначально была принята Церковью исключительно в воспитательных целях, но со временем стала господствовать в умах многих христиан, как самодостаточная для спасения.

Мы лучше поймем, почему так произошло, если обратим внимание на тот факт, что христианское учение, которое первоначально было возвещено в Израиле, и предназначалось для христиан из иудеев, в дальнейшем стало проповедоваться в странах эллинистической культуры, т.е. в мире с ментальностью, совершенно чуждой метафизике библейского Откровения.

Вот те настроения и понятия эллинизма, которые особо противоречат библейскому мировоззрению Церкви. (взяты из книги М.Поснова «История Церкви», Брюссель),

1. Резкое разделение между душою (духом) и телом. Предпочтение духа и представление, что он исшел из другого высшего мира.
2. Острое разделение между Богом и миром.
3. Как следствие, предпочтение духа, уничижение мира и сознание, что он темница духа.
4. Убеждение, что связь с плотью для духа унизительна и осквернительна.
5. Поиск спасения, как спасения от мира и плоти.
6. Убеждение, что всякое спасение связано с сознанием (гносис) и очищением.
7. Убеждение, что спасение души, как возвращение к Богу, совершается постепенно.

К эллинистическим направлениям мысли, впитавшим многие из перечисленных характеристик и значительно повлиявшим на дальнейшее развитие христианского богословия относятся платонизм и неоплатонизм.

Неоплатоники делили мир на духовное начало, в перспективе которого находится Первообраз и материальное начало, в котором погряз грешный человек. Материю и материальный мир они считали символом греха и обузой на пути освобождения и спасения.

Первые христианские учителя сформировались как мыслители в культурных кругах с подобным мироощущением. Одним из них удалось привить себя к лозе Священного Писания, другие так и не справились с представлениями, на которых были воспитаны. Привнесенное ими в христианство отношение к миру и человеку не исчезло со временем, но то там, то здесь прорастало либо откровенными ересями и лжеучениями, либо прикровенным, но не менее чуждым Евангелию, церковным обскурантизмом.

Эклектичное сочетание ценностей платонизма и неоплатонизма с христианством породило различные варианты гностических ересей. Среди них, пожалуй, наиболее зловредным был докетизм, «учение о призрачности материи, облегающей дух, в частности, о призрачности тела Иисуса Христа», «докетизм явился прямым следствием воззрения на материю, как на зло» (М.Поснов).

Характерная черта этой ереси, дуализм (признание равноправного, независимого существования доброго духовного Абсолюта и злой, грешной материи, субстрата неустроенного, несчастного мира) стала определяющей, в свою очередь, в манихействе, веровании, очень близком к христианским ересям. Манихейское учение было абсолютно враждебно христианству и **вовсе не признавало** Ветхий Завет, и тем не менее, в качестве непроявленного мирочувствия оно всегда было чрезвычайно живучим в церковной среде и постоянно продуцировало искажения христианской веры. Поэтому прав был В. Соловьев, когда писал: «Против истинной христианской веры восстают ереси, как скрытые выражения антихристианских религиозных начал» (Великий спор и христианская политика, т 4, стр. 33).

Самой общей чертой всех этих ересей была вражда с миром. Унижение материи, унижение плоти через аскезу понимались в них как единственное средство спасения. Но ведь все эти учения считали, что исповедуют евангельскую веру, и оправдывали свое отношение евангельскими текстами! Однако такое понимание Священного Писания было возможно лишь потому, что эти тексты рассматривались вне контекста и самого Нового Завета и всего библейского мышления. Недаром наиболее антагонистическое к христианству манихейство вообще не считало евангельское Благовестие ответом на чаяния Ветхого Завета.

Но дают ли нам основание слова Самого Христа считать этот мир безнадежно дурным и непригодным ко спасению? Сторонники докетических воззрений, аргументируя свою позицию, ссы-

лаются на высказывание Господа «Царство мое не от мира сего» (Ин.18.36), а также на совет апостола Иоанна «Не любите мира, ни того, что в мире» (1 Ин.2.15).

Но тот же апостол в своем Евангелии написал: «ибо так возлюбил Бог мир, что отдал Сына Своего Единородного, дабы всякий верующий в Него не погиб, но имел жизнь вечную» (Ин. 3.16).

О Своих учениках, посланных проповедовать Евангелие и свидетельствовать о Нем, Христос говорит: «они не от мира как и Я не от мира» (Ин.17.14), и «Мир возненавидел их» (Ин.17. 14). Но это не значит, что Он желает их выхода из этого мира: «Не молю, чтобы Ты взял их из мира, но чтобы сохранил их от зла» (Ин.17.15).

Ученики — тоже часть этого мира, но часть уже искупленная Христом. И на них уже в этом мире свершится обещанное Учителем: «Я умолю Отца, и даст вам другого Утешителя, да **пребудет с вами** вовек, Духа истины, которого **мир** не может принять, потому что не видит Его и не знает Его;» (Ин.14.16)

Получившие дар Духа Святого апостолы становятся помощниками Господа в работе по спасению всего остального мира, ибо это спасение — Его цель: «Я пришел не судить мир, но спасти мир» (Ин.12.47). И ученики призваны продолжить Его дело. «Вот, Я посылаю вас как овец среди волков», — говорит Иисус. Поэтому уже у апостола Павла есть все основания утверждать чудесную перспективу преображения мира: «Бог во Христе примирил с Собою мир» (2 Кор.5.19)

Евангелие свидетельствует, что зло не имманентно миру, но в **мир подмешано**: «поле есть мир, доброе семя — это сыны Царствия, а плевелы — сыны лукавого». (Мф.13.38). О том же говорит и ап. Иоанн (1 Ин.5.19): «весь мир во зле лежит». Итак, мир не зол, он только погрузился во зло.

Именно эта мысль и является точкой отсчета для всего евангельского Благовестия. Для того и приходит в наш мир Господь Иисус, чтобы возвести его из зла. Он есть «Агнец Божий, Который берет на Себя грех мира» (Ин.1.29). Можно ли удивляться Его гневным обличениям этого «мира», если из-за него Ему предстоит претерпеть **крестные страдания!** И учеников Его ожидает не душевный покой в других мирах, а борьба в самом средоточии жизни, по примеру их Божественного Учителя.

Тот же «мир», который согласно Евангелию не может принять Христа — это не вселенная, не космос, а злая воля,

действующая в благом творении и противящаяся Христу. Совет «Не любите мира» в таком контексте следует понимать, как призыв не любить (не признавать) **дел** врагов Христа.

Необыкновенно чувствующий антиномичность Евангелия Н.Бердяев говорил, что христиане не должны любить тот «мир», который по святоотеческому определению есть страсти, есть грех и зло, но не тот мир, который есть Божье творение, космос. «Церковь противоположна такому «миру», но не противоположна космосу, Божьему творению, положительной полноте бытия» (Смысл творчества, далее СТ).

Итак, попытки использовать некоторые слова Христа для оправдания бегства от мира есть прямое искажение смысла евангельского учения.

Благая Весть Христа началась со слов: «приблизилось Царство Небесное», и в первых же строках молитвы «Отче наш» есть слова, обращенные к Небесному Отцу: «Да приидет Царствие Твое; да будет Воля Твоя и на земле, как на небе». Отец Александр Мень в одной из своих лекций так пояснял эти слова: «мы не должны думать, что воля Творца — это что-то потустороннее, что она осуществится где-то в иных мирах и в отдаленном будущем. Нет, Царство Божие уже пришло и Оно уже живет в мире... Не надо искажать смысл слов Христа «Царство Мое не от мира сего»... наше расхожее выражение «не от мира сего» обозначает некую мечтательность, какую-то отвлеченность, какое-то фантазирование... Христос же имел в виду совсем другое: что Его царство приходит в мир из другого измерения, высшего. Но приходит оно **именно в наш мир!**»

Человечество несет ответственность перед Богом за осуществление своего призвания. Ибо «По апостольскому учению все человечество имеет общую задачу, одно общее дело — осуществление Царства Божия в мире» (В.Соловьев, Великий спор и христианская политика), и эта задача не должна казаться ему непосильной, потому что «открыв человечеству Царство Божие, которое не от мира сего, Иисус Христос дал и все необходимые средства для реализации этого Царства в мире» (В.Соловьев «Россия и Вселенская Церковь»).

Но, чтобы Спаситель, живя среди нас, мог **спасти не только нас, но и наш мир**, от нас требуется быть этому миру **открытыми**.

Итак, уход из «мира» по Евангелию означает не физическое оставление мира, но духовное отторжение от чуждых ценностей. Уход из «мира» — это прежде всего очищение своего мысли-

тельного пространства от лжеидей и суетных помыслов. Это, с одной стороны, жизнь в вере, предание себя и всех в руки Божии, но, с другой стороны, это и воинственная, деятельная обращенность к миру, направленная на его преобразование, на изменение его духовной составляющей.

Желание вывести христианство из сферы интересов мира не только не соответствует духу христианства, но и крайне опасно. Господь сравнивал Свой приход с закваской, которая должна забродить все «тесто» мира (Мф.13.33). Сегодня мир, как никогда нуждается в этой закваске Христа. Изъятие Христа из жизненных сфер этого мира означало бы грандиозную победу сатанинских сил.

Именно результатом секуляризации сознания и безответственного ухода христиан с арены мирового человеческого строительства является, по словам Н.Бердяева, нынешний «...бунт человека во имя своей свободы и творчества». «На пустом месте, оставленном в мире христианством, начал строить антихрист свою вавилонскую башню» (СТ). А ведь для того, чтобы место сие не было пусто, и создал Христос Свою Церковь.

Церковь, развиваясь как живой организм, в процессе своего роста ассимилирует все новые элементы. Родившаяся в небольшой общине первых апостолов в Палестине, она охватывает и другие народы, усваивает их культуру, традиции, мышление. И на любом этапе развития человеческой цивилизации она должна уметь успешно осуществлять свою главную, непреходящую задачу: соединять Небо и Землю. Соединять не в чертогах старины, но в самой гуще современной жизни.

«Одна из причин неблагополучия в религии состоит в отказе следовать за развитием учения и в упрямом стремлении придерживаться представлений прошлого» писал Ньюмен (цитирую по К.Тресмонтану)

Развиваясь, организм Церкви должен постоянно выявлять как бы новые истины, доселе спрятанные в её зародыше. Страх перед ростом вовне, перед каждой незнакомой мыслью, перед свободой творчества, такое психологическое состояние свидетельствует просто об инфантильной вере. Но сознательные попытки уйти от ответственности евангельского призыва либо под предлогом произвольного прочтения Евангелия, либо из демонстрируемой верности обычаям предков уже означают измену Духу Священного Писания.

Потому и исказило эллинистическое миросозерцание евангельское учение, что оно находилось в противоречии со всем

строем библейской мысли. Более того, правильное понимание евангельских постулатов возможно лишь в контексте мироощущения всего Священного Писания. Сам Господь Иисус сказал о Себе, что в Нем исполнилось то, что было написано «в Законе Моисеевом и в Пророках и в Псалмах» (Лк.24.44). Ясное представление о том, как соотносятся между собой основные эллинистические и библейские понятия **необходимо** для правильного определения евангельского отношения к творчеству и искусству.

* * *

Благодаря археологии и современным методам герменевтического исследования старинных текстов библейская наука XX века значительно продвинулась в изучении Священного Писания. Выдающемуся современному христианскому библеисту Клоду Тресмонтану (Cl.Tresmontant) принадлежит наиболее полная картина основных принципов библейского мышления. В своей ранней работе «Essai sur la pensee hebraique» (далее EPH, цитаты по машинописи перевода) он пишет, что все философские концепции, базирующиеся на греческой философии (Платон, Плотин, Спиноза, Лейбниц, Гегель), мыслили происхождение реальности «либо как падение, либо, как дедукцию, которая будет поглощена вечным единством, либо как отчуждение, и **никогда**, как позитивное сотворение». Таким образом, для греческих мыслителей и их последователей генезис бытия трактуется, как негативное событие, чувственный мир считается следствием деградации. Для «древнееврейского сознания он, напротив, является плодом позитивного акта, восхождения, каковым является сотворение» (EPH).

Греческий склад ума отличался природным пессимизмом, для него множество живых существ появились не как благосотворенные Единым, а в результате дробления, деградации Единого. Отсюда происходит их взгляд на весь мир и на всякую тварь, на все чувственное, на материю, на тело, как на то, что порабощает душу. Из всех метафизик, исповедующих монизм, «только библейское предание столь горячо признает реальность сотворенного. И только оно одно решительно утверждает красоту и совершенство реального, красоту и совершенство чувственного мира и тварных существ» (EPH).

Непонимание грандиозности библейского откровения о сотворении положительного мира из ничего Благим Творцом приводит к непониманию того, что есть:

ВРЕМЯ

Сотворение не отдалено от нас в недосягаемое прошлое. Генезис продолжается сегодня, как и в начале времени. Мы находимся в процессе генезиса. Реальное находится в процессе созидания, нарождения. Происходит постоянное **замысливание**, зарождение новизны, и одновременно все действительное устаревает. Но «Прикованность к тому, что устаревает, есть искажение, инверсия, это непонимание преходящего характера творения» (ЕРН).

Время не вместилище. Напротив, «время есть постоянное замысливание, сотворение нового бытия... История, понимаемая, как созревание, делится на этапы, времена и моменты», исполненные своего сокровенного смысла.

Люди, которые обладают разумением смысла исторических событий и **пониманием**, куда они **направлены**, называются в Библии пророками. Понять значение исторического события, оценить его направленность, понять, что оно возвещает и что подготавливает, можно лишь в **совокупности явлений** . Мы знаем, что между почками, цветками и плодами есть связь и по виду почек можем говорить о приближении цветения, а по состоянию цветков о приближающемся плодоношении. Так и у пророка «есть ведение божественного намерения, есть разумение *фаз* творения, преимущественно касающихся человека, подобно тому, как у земледельца есть разумение *времени* поспевания урожая и жатвы» (ЕРН).

Для Библии характерно понятие *полноты времен*. Определенная «полнота времени необходима для всякого творения, для жатвы, для родов, для Воплощения». Сотворение происходит как планомерное *устроение* и направлено к **завершению**, осуществлению «**полноты времен**» (Еф 1.10). Именно потому, что речь идет о сотворении, а не о развертывании законченного во всех деталях первообраза, нельзя знать времени прихода последнего часа, времени полноты сотворения.

«В сосуществовании времени и вечности заключен парадокс истинного свободного творчества и Творца». Вечность не замкнута, «не означает полноту завершенного существования, она открыта в будущее, потому что ей присуще творческое начало». Но вечность **не включает** будущее, в противном случае оно уже существовало бы в той или иной форме, то есть было бы задано.

«История — это непрерывное замысливание, в котором соучаствует множество свобод, творческая деятельность Бога и **сотворчество** человека» (ЕРН).

Ап. Павел говорит, что «мы — соработники у Бога» (1 Кор. 3.9), Это означает, прежде всего, что мы сотрудничаем с Ним в истории, но мы сотрудничаем с Ним и в любой творческой деятельности, ибо Отец Небесный порождает и поддерживает эту свободную творческую деятельность в сотворенных Им существах. «Эта прививка свободной творческой активности человека на воле Творца составляет вершину творчества Бога...» (ЕРН).

МАТЕРИЯ

Так же необычно для нас выглядит библейское понятие материи. «Библейский мир — это мир, в котором отсутствует идея материи». «Библейская мысль так же далека от того, что мы называем идеализмом, как и от того, что мы называем материализмом. Вернее она лежит **по ту сторону дихотомии**, породившей эти две противоположные системы, которые покоятся, — если воспользоваться диалектикой, близкой Бергсону, — на одном и том же постулате — на дуализме». Древние евреи преодолели диалектику форма-материя.

«С идеализмом библейскую мысль может сближать понятие сверхчувственности чувственного мира, представление о том, что мир проникнут разумом; ибо мир был сотворен через слово. Но библейская мысль коренным образом противоположна идеализму в силу своей реалистической метафизики существования, в силу своей любви к плотскому и присущего ей деятельного отношения к элементам природы. ... Библейскую мысль можно было бы назвать поэтическим материализмом или чувственным (плотским) идеализмом» (ЕРН). Другой знаменитый французский философ Тейар де Шарден писал о материи: «С одной стороны, Материя является бременем, оковами, мучением, грехом, угрозой нашей жизни...

... Но в то же время Материя — это радость существовать, счастье осязать, сила преодолевать, наслаждение возрастать...

Материя делится соответственно нашему усилию на две зоны: ту, которую мы достигли и миновали, к которой мы не сможем вернуться и в которой нельзя остановиться, ибо остановка означает движение вспять...; другая, предоставленная нашим новым усилиям роста, поиска, покорения, «обожения»...

То, что хорошо, чисто, духовно для моего собрата, который на склоне горы находится подо мною или в стороне от меня, может быть дурно, грязно, заземлено для меня самого. То, что я мог позволить себе вчера, сегодня, возможно мне уже надо отвергнуть. И напротив, те поступки, которые были бы тяжким прегрешением для св. Людовика Гонзаго и св. Антония, я возможно, должен совершить именно для того, чтобы подняться вслед за этими святыми. Иными словами, никакая душа не приходит к Богу, не проделав определенный путь через Материю...» («Духовная сила материи»; Журнал «Символ», №23, Париж).

ПЛОТЬ

Греческое сознание не приемлет библейскую антропологию, в которой отсутствует дуализм «душа — тело». «Для обозначения человека древние евреи употребляли равноценные: *душа* или *плоть*, ибо они выражали одну и ту же чувственную, экспрессивную, живую реальность. Выражения *всякая плоть* и *всякая душа* — эквивалентны» (ЕРН).

Сущностью дуализма является стремление видеть две вещи там, где на самом деле одна. Платоновской *соме* — телу — в Библии соответствует совокупность тела и души. В библейской антропологии нет места дихотомии «тело (материя, труп) — душа», и тело уже не является нашей *гробницей*. Человек сотворен *душою живой*. Древнееврейское сознание «по мере развертывания Откровения все с большей выраженностью уделяет внимание новому элементу, отсутствовавшему во всех формах философской антропологии, а именно — *руах* (древнеевр.), или *пневма*. С появлением *руах*, которое мы переводим как *дух*, библейская антропология открывает новое измерение, свойственное ей одной. Библейскому Откровению присуще **сверхъестественное измерение**» (ЕРН).

ДУХ

«Дух принадлежит к сверхъестественному порядку и призывает человека к божественному предназначению. Согласно Библии в человеке может обитать дух Божий. Дух в человеке, его *пневма*, это тот элемент в нем, который способен к встрече с Духом Божиим, благодаря ему обитание Духа Божия не является для человека чужеродным вторжением, напротив, он

подготавливает и ожидает этой встречи как посольство в чужой стране: «Сей самый Дух свидетельствует духу нашему, что мы — дети Божии» (Рим 8 16). *Пневма* в человеке есть та нематериальная связь, посредством которой он возвышается до жизни Бога. С появлением человека все творение оборачивается к своему Творцу. Дух действует в мире через человека для того, чтобы великое творение воссияло во всей зрелости» (ЕРН).

«Как бы это ни показалось парадоксальным для нашего скрыто-манихейского сознания, древние евреи обладали чувством плотского и любовью к нему, потому что они были наделены **особым** чувством духовного, **ощущением чувства духовного во всем плотском**.» Плотское было для них желанным из-за той сверхчувственной тайны , которой оно было проникнуто. Они постигали значение **на ощупь**. Так в любви «одна душа познает другую душу непосредственно; между ними нет тела, которое бы их разделяло; тело — это есть душа; души разделяет вовсе не тело; как может разделять нас то, что и есть мы сами? Разделяет ложь. Две живые души **познают вкус друг друга** (см. Песнь Песней), сокровенный вкус, входящий в состав «имени, которое никто не знает, кроме того, кто получает» (Откр 2 17 (ЕРН).

Итак, дуалистом библейский человек просто не мог быть. Напротив, ему характерна любовь к чувственному, понимание вещественного. «Для библейского человека в чувственном нет ничего дурного или греховного». «Библейский мир диаметрально противоположен миру манихейскому. Обладать чувством плотского, обладать вкусом к веществу (элементу), все это с библейской точки зрения то же, что обладать созерцательностью и духовностью, ибо **чувственный мир — это язык, он был создан по Слову**» (ЕРН).

Но каково же было происхождение греческого пессимизма? Прежде всего, из неверного представления о генезисе бытия, утверждают философы (Бергсон,Тресмонтан). Натуралистическая мысль не может объяснить происхождение добра и зла, не смешивая представлений о Творце и сотворенном, сотворении и распаде. На сотворение, на чувственное она возлагает вину за богооставленность.

Отсюда с необходимостью возникает гностическая идея спасения, как очищения от всего материального, тварного. Идея о возвращении к *началу*, как к *освобождению* от тела и мира. В рамках этих концепций спасение прежде всего совершается за счет **аскезы**, изолированного духовного подвига.

С помощью аскезы человек освобождается от желаний, отказываясь от мира, достигает спасения. Это бессмертие, которое предлагали человечеству упанишады, йога, буддизм, манихейство, пифагорийцы и гностики.

Но ни аскеза, ни нравственность не имеют сверхприродного значения. И аскеза, изнуряющая тело и возбуждающая душу, и нравственность, отдающая предпочтение душевному перед телесным, служат **природным** целям человека;

ЗЛО

С библейской точки зрения истоки зла находятся вне сотворенного чувственного мира, все сотворенное в этом мире прекрасно, этот **мир благ**.

«Происхождение зла отнесено за его пределы, и потому плоть свободна от зла. Причина зла духовна. Образом зла, его типом является **ложь**.» Библейская метафизика зла намного трагичнее восприятия зла в эллинизме. Так как грех — это явление духовное, то и **никакая аскеза** не может стать достаточной для исцеления от него (манихейская концепция). Именно позицией по отношению к чувственному и телесному определяется тип мудрости, к которому мы обращаемся: идет речь о натуралистической мистике или о христианской духовности. Двум типам мудрости соответствуют две различные доктрины спасения.

«...в метафизике, которая имплицитно заключена в библейских текстах, в метафизике, согласно которой все множество живых душ является плодом позитивного сотворения, в такой метафизике спасение не может состоять в том, чтобы разрушить то, что было создано совершенным актом сотворения. Более того, речь скорее должна идти о том, чтобы **продолжить** этот акт в **том направлении**, куда ориентирован творческий акт, имманентный сотворенному. Только в рамках такой концепции множественного и индивидуального и возможна метафизика любви» (ЕРН).

ВОПЛОЩЕНИЕ

Итак, по отношению к материи, к чувственному Библия оптимистична. Поэтому в рамки её мышления и вписываются как догмат Воплощения, так и догмат будущего Воскресения мертвых. Напротив, если бы причина зла лежала в материи, в

мире, бегство из мира, аскеза, были бы достаточны для спасения, а Воплощение не было бы необходимым, Христос не сказал бы про Себя, что Он есть единственная *дверь* . Но «доктрина спасения, вытекающая из библейской метафизики, **по сути своей сверхъестественна**» (ЕРН). Спасение есть результат чуда, сверхъестественного перерождения сердца, его обращения, духовного обновления разума, метанойи. Это совместное дело Бога и человека.

Гностическая мысль не понимает ни сверхъестественности сотворения, ни сверхъестественности спасения. Дерзновение ветхозаветного Откровения заключалось в представлении, что Бог творит отличные от Себя существа **богоподобными**, со свободной волей, со способностью к **богоподобному творчеству**. В псалме 82 говорится: «Я сказал: вы — боги и сыны Всевышнего все вы». Евангельское дерзновение под стать смелости Ветхого Завета: чтобы спасти сотворенный мир от внедрившегося в него трансцендентного зла Бог **воплощается в человека**, и через спасение человека поднимает весь мир до Себя. Ибо как говорил св. Афанасий Великий: «Бог стал человеком, чтобы возвести к Богу человека, обожить его».

В Библии как бы слишком много случайных событий, много материальных вещей, много конкретных людей, конкретных географических названий и дат. Нам может казаться, что истина представляется необходимой, абстрактной, вне времени и вне пространства. Но Библия считает, что для преподавания универсальной истины совершенно необходимо **частное**.

«Все чувственные элементы несут смысловое значение. Все сотворение подобно клавиатуре, каждый элемент которой есть осуществленное слово... Через посредство чувственных элементов осуществляется космическая циркуляция между Творцом и человеком» (ЕРН).

И иудейский философ Мартин Бубер и христианский — Семен Франк были единодушны в том, что «отличие монотеизма от языческой религиозности заключается именно в том, что тогда, как *язычник* воспринимает каждое поражающее его явление внешнего мира, как непосредственное действие и проявление особого божества, монотеист видит в нем лишь **косвенное обнаружение** действия того единого Бога, Которого он более адекватно воспринимает во внутреннем опыте своей духовно-нравственной жизни» (С. Франк Реальность и человек).

Прочтение значения чувственных данных, распознавание Слова — это **акт Веры**. Задача разума — не останавливаться

на видимых знаках, но сразу переходить к их **значениям**. «Вера есть такое прочтение данных, при котором действие разума проистекает от обитания Духа Святого. Вера есть духовный разум» (ЕРН).

Кто не может участвовать в этом обмене, кто не имеет веры, поражен болезнью или грехом. В этом смысл евангельского: «Кто имеет, тому дано будет и приумножится; а кто не имеет, у того отнимется и то, что имеет» (Мф.13.13).

Если мы внимательно прочтем притчи Господа («Вышел сеятель сеять..» (Мк.4.1-9), «Царство Небесное подобно закваске, которую женщина, взяв, положила в три меры муки... (Мф.13 33), «Царство Небесное подобно зерну горчичному... (Мф.13-31) «от смоковницы возьмите подобие...» (Мф.24.32), мы поймем, что «все сущее содержит в себе достаточно, чтобы выразить божественные тайны» (ЕРН).

Модели, которые необходимы для научного познания мира и которые часто составляют понятийную основу аллегорий, в обычной жизни убивают чувство реальности и нарушают нашу непосредственную связь с событиями и людьми.

Поэтому «**нет ничего более чуждого библейскому духу, библейской концепции чувственного и библейской созерцательности, чем аллегоризм платоновского типа**». «Аллегория основана на **дихотомии** между реальностью и смысловым значением, что составляет антипод библейского сознания, и на **внешнем** характере взаимосвязи между знаком и значением» (ЕРН).

Поэтому принципом библейской поэтики является **символ**, а не аллегория. Аллегория, навязывая жесткие схемы, убивает многозначность и многоплановость, делает невостребованными целые пласты изобразительных художественных средств. Видимо, по этой причине она противопоказана многим видам искусства, в частности и кинематографу.

* * *

Что такое искусство, как не одна из форм плодоношения человека, и что такое кино, как не одна из форм искусства? И как в любом искусстве, режиссер в кино выражает свой замысел в значениях, которые он преподает зрителю через чувственные данные.

Для прочтения чувственных данных в **ряду событий** необходимо динамичное взаимодействие познающего субъекта с

этими данными. Как и в библейской картине мира важно не задерживать свой взгляд на преходящем, но устремлять его к цели. Могут быть разные цели: одна — восприятие замысла режиссера об отдельном предмете, другая — видение целостного смысла всей картины. Тот, кто не устремлен в каждый момент времени к следующему кадру, не ощущает напряженности времени. Он подобен тому, кто останавливаясь на определенном этапе жизни растения, не чувствует его динамики развития, ибо в каждую следующую секунду растение не таково, как в предыдущую. Видеть же реальное можно только, если с надеждой устремляешь взгляд на невидимые **плоды** растения. «Мы смотрим не на видимое, но на невидимое, ибо видимое временно, а невидимое вечно» (2 Кор.4.18)

Конечно, существует кинематограф созерцательного типа, и очень интересный кинематограф, но ведь существует и жизнь с небиблейским отношением к действительности. Мы же говорим о восприятии деятельном, библейском.

Такой кинематограф манихейское сознание выносит с трудом. К тому же кино предполагает соединение значения изображаемого предмета с самим предметом (будь то вещь, природа, или человек), как в жизни. Хотя изображение нематериально, хотя оно и иллюзия, но мы оказываемся прикованными к материи прежде всего благодаря ритму, смене мгновений, в которых значения предмета, даже одного и того же, непрерывно меняются. (Именно меняются, потому что иначе кадры будут лишние, бесполезные и в картину не попадут). Ритму мы обязаны также тем, что в отличие от жизни, где можем, как нам кажется, бессмысленно тратить время, в кино мы должны тут же схватывать суть вещей, направляя свой взор на значение предметов и событий.

Поэтому в создании и восприятии кинематографа огромную роль играет интуиция, **вкус** к чувственному, который есть ничто иное, как *ощущение духовного в плотском*. Кинематограф возвращает потерянный *вкус* к предметам, к событиям, к миру. Возможно в этом главный его *грех* в глазах манихействующих.

Наибольших успехов добиваются те режиссеры, которые особенно наделены этим чувством, они позволяют зрителю постигать сверхъестественные тайны мира наощупь. Кинематограф не может и не стремится развести тело и душу. Но тело и душа вместе — это и есть библейское понимание *плоти*. Материальная фактура фильма, если она не насыщена информацией, значениями, воспринимается как труп.

Для дуалистического и манихейского мышления кинематограф раздражающе чувственен, потому что он слишком соединяет духовное с телесным. Реальность, которую постигают только интуитивно, непосредственно, чувственно, не может быть воспринята дискурсивно. (Дискурсивное, эллинистическое сознание понимает и «Песнь песней» только аллегорически, а любовь между мужчиной и женщиной оправдывает исключительно с утилитарных позиций, как средство деторождения.) Дуалист и в жизни не доверяет тому, что видит, и в кино не способен к непосредственному восприятию, потому что постоянно отвлекается на поиски запредельного смысла, не связанного имманентно с проходящими на экране значениями.

Библия же учит во всех окружающих предметах и происходящих событиях видеть непреходящее, вечное и трансцендентное значение. Значение — это не форма, и вещи — не аллегории. Но события и предметы всегда заключают в себе больше видимого, нечто такое, что познается только верой. В них есть своя *соль*, и для того, чтобы её почувствовать, необходимо иметь *вкус*.

Надо признать, что человеческое лицо, глаза, их красота или уродство в кинематографе значат очень много. Они способны воздействовать на зрителя с мистической силой, часто большей, чем в обычной жизни, ведь погруженные в суету повседневности мы перестаем понимать *значения* окружающих людей. Кино помогает вернуть эту способность.

Всеми доступными только ему средствами кино подготавливает нас к голографическому восприятию лица, и лицо сразу высвечивает нам Личность, *сокровенное имя* героя. За выражением лица, по ту сторону красоты или уродства мы видим духовную (или антидуховную!) составляющую героя, его трансцендентное значение, его *соль*.

«Рассматривая некоторые лица, порой угадываешь, каким будет духовное тело, когда внутренняя красота поглотит грубую оболочку», — писал Тресмонтан о лицах, встречающихся в жизни. Но это же есть сокровенный интерес любого зрителя, потому что зритель — человек...

А время в кино? «Фильм не ограничивается тем, что сохраняет предмет, погружая его в застывшее время, — отмечал А. Базен, — изображение вещей становится также изображением их существования во времени». Кино имманентно присущи чувство времени и чувство историчности, и библейское отношение ко времени пророков очень похоже на восприятие зри-

телем происходящего на экране. Напряженную динамику настоящей жизни создают сиюминутные замысливания и последующие реализации. Поэтому чувство покоя обычно сравнивают с отключением от действительности. Для режиссера было бы естественным учитывать, что сопереживающий зритель, если и не интересуется финалом, тем не менее ежесекундно замысливает продолжение картины, желая пережить сотворенную у него на глазах судьбу вместе с героем. Чтобы сохранять напряженность восприятия, зритель должен постоянно догадываться о следующем кадре, но это возможно только, если перед ним прошедшее предстоит в *совокупности явлений*.

В кино все направлено к завершению, подчиняется замыслу, который неизвестен для зрителя, и о котором он должен **догадываться** (либо делать вид, что догадывается — но это допустимо, потому что зритель все-таки соучастник не жизни, а игры, и он об этом знает!) Только тогда может возникать впечатление соучастия.

Могут возразить, что замысел тем не менее известен, и что соучастие — это самообман зрителя и иллюзия режиссера. Но признак **существующего однозначного** замысла не должен быть определяющим для кино. Сегодня зритель не может вмешиваться в ход картины, и уходит разачарованным, если картина развивалась в неприятном для него направлении, но это всего лишь временные сложности на пути технического развития кинематографа. Легко себе представить появление такого кино, в котором ни режиссер, ни зритель не знают наверняка финала, но будут идти к нему в совместном поиске решений тех или иных коллизий. Несомненно, такой кинематограф появится в самом ближайшем будущем. Компьютерные игры с разветвленными сценариями уже существуют. Поэтому появление полисценарного кинематографа — только дело техники.

Кино — искусство, когда оно способно вдохнуть жизнь, сообщить смысл, значение в преходящий зрительный и слуховой ряд, и объединить их гармонией, создающей к финалу новое значение и новый окончательный смысл. Кино четко связывает между собой все предметы и события, в кино не должно быть ни одной случайной минуты, ни одного случайного метра пленки. Так же как в библейской картине мира, в кино не может быть ничего случайного. Но каждая частность имеет существенное значение для всего замысла, ведь фильм — представляет собой последовательную, одухотворенную смыслом, комбинацию частностей. Если что-то появляется на экране, это

всегда имеет свое микрозначение, из множества которых складывается макрозначение всей картины. Бессмысленных событий и объектов в кино не существует. Это точно как в жизни, чему учит нас Библия.

Действительно, если бы мы только понимали, что все вокруг нас, вся наша жизнь складывается перед Лицом Божиим в единую фразу, все буквы в которой — наши маленькие и большие ответы на вопросы поставленные гениальным Режиссером, ответы, имеющие абсолютное значение для финала. Когда-нибудь мы увидим всю смонтированную нами картину, узнаем её значение в киноэпопее, отснятой народами и поколениями.

Кино по своей природе, видимо, не может быть идеалистичным. Оно либо грубо материалистичное, и тогда это вульгарное, примитивное, пошлое кино. Либо — сверхъестественное, если оно настоящее. Но так же и в жизни: либо — пошлость, либо — чудо.

* * *

В поисках Пути, Истины и Жизни перед человеком встают вопросы, неразрешимые только методами дискурсивного мышления. Для их постижения необходимы развитое чувство трансцендентного, глубокая интуиция, склонность к созерцательности. Настоящий опыт переживания таких внематериальных сущностей, как любовь, чувство прекрасного, совесть, свобода, и жажда познания не передается в форме простых умозаключений. Прикоснувшись к божественной реальности, человек, не имеет возможности рассказать о ней в терминах положительных определений, и вынужден прибегать либо к апофатическому языку, либо к искусству.

Настоящее творчество культуры и рождается, как ответ человеческого сердца на дар чудесных переживаний. Но настоящее творчество это также единственный способ выразить и передать другим людям свой духовный опыт, и таким образом, сделать их своими соучастниками, единомышленниками и братьями.

Иисус Христос говорил, что каждый выносит из сокровищницы своего сердца то, что в ней имеет, добрый человек — доброе, а злой — злое. То что нарисовано на бумаге, что написано в книге, что снято на пленке, это только отражение того, что происходит в человеческом сердце. Художник выносит свое богатство-творение из сердца и так делится им с другими.

Через творение художника мы можем войти в его внутренний мир, стать ближе друг к другу. Поэтому и мог В. Соловьев с полным правом написать, что одна из задач искусства — упразднение непроницаемости эгоизма. «Все находят себя в каждом и каждый во всех других». (Общий смысл искусства — далее ОСИ). Таким образом, искусство по сути своей противостоит любой идеологии замкнутости, любой ксенофобии.

Ценность творчества культуры не только в том, **что** человек творит, но и в том, что происходит в процессе творчества с ним **самим**. Ибо с возрастанием концентрации и напряженности его духовного усилия, он все более приближается к имеющемуся в нем собственному духовному центру, и человеческий дух насыщается божественными энергиями напрямую. Если сердце свободно от низменных целей, а внутренний взор с любовью устремлен к высшему, если он не пренебрегает уединением и молитвой, то в этом центре происходит постоянное, углубляющееся творчество его личности, совершается приобщение к Божественному Первообразу. Возрастающее притяжение к Богу обязательно сказывается и на результатах его творческой деятельности в мире. Выражаясь словами Тейара де Шардена, его произведения могут теперь «сгущать Божественное вокруг нас!» Свет, попадающий в сердце художника, проникает и в его произведения, которые конденсируют Божественный Луч и высвечивают Его для всех. Но нельзя понимать вселение Божественного Света в человеческое сердце, как деградацию Божественного! Так это представляют себе неоплатоники, согласно которым человек в процессе творчества переотражает некие вечные идеи, лежащие в других (более высоких) планах бытия. Напротив, Свет Воплощения, некогда трансцендентный творению, продолжает преображение Космоса через человека-творца, разворачивающего творческую деятельность во Вселенной и во Времени.

Тейар де Шарден говорил о соучастии человека в творческом процессе: «Прежде всего в своем действии я соединяюсь с творческой энергией Бога, я совпадаю с ней и делаюсь не только её орудием, но и живым её продолжением. И поскольку нет ничего более глубокого, чем Его воля, то мое сердце в некотором смысле погружается в сердце Самого Бога».

Таким образом, Центр творческих процессов оказывается точно так же по ту сторону, как и по эту, вернее, Он вообще вне планов бытия, но пронизывает все бытие. Именно Вопло-

щение Сына Божия показывает человеку, потерявшему связь с Небесным Отцом, что Бог может быть бесконечно близок. Св. Григорий Палама учил, что Он проникает всю вселенную Своими божественными энергиями. И в любой точке может зародиться творчество.

Божественные энергии поднимают собственный духовный потенциал художника, и именно его личность, его «Я» становится тем центром, который творит во всех сферах человеческой жизни: в материальной, в эмоциональной и в идеальной.

Даже мысли мы именно творим, а не улавливаем, наподобие бездушного радиоприемника, как утверждают многие христианские философы, остающиеся на позициях неоплатонизма. (Так, подтверждая именно такое отношение к творчеству, Н.Л. Лосский вспоминал: «Иногда, в моменты наиболее плодотворного мышления целые ряды мыслей развиваются как бы сами собой».) Нам может казаться, что образы, идеи, решения появляются как бы ниоткуда, как результат чьего-нибудь дара в ответ на наши усилия, что наше «Я» не принимает в их рождении никакого участия, но это не так. Мы знаем, что наше сознание фиксирует лишь малую часть тех процессов, которые происходят в нашем теле, еще меньше мы понимаем, что происходит в нашей душе, и едва ли можем догадываться, каким образом осуществляется жизнь духа.

И мы должны **поверить**, чтобы оставаться на почве библейского мышления, что человеческий дух сам творит и новые идеи, и новые образы, что он сам находит решения. Но это такая самость, которая не только не отрицает помощи Божией, но предполагает ее! Ибо человек — самостоятельный, свободный творец лишь тогда, когда согласует свою волю с волей Божией, когда живет с Божием благословением и благодатью, когда насыщается Божественными энергиями.

Конечно, мы не должны исключать информационное насыщение человеческого духа понятиями и символами из коллективной человеческой памяти, или души Адама; также нельзя отрицать и возможное вмешательство в наши мысли существ из иных планов бытия (например, ангелов). Возможно, они могут помогать (или мешать) человеку в творчестве новых идей и образов. Но оставаясь честными, мы должны признать, что не знаем, как творится идеальное, потому что будучи весьма несовершенными чадами Божиими в большей степени сосредо-

точенны на сугубо материальной стороне видимого мира. С уверенностью можно лишь утверждать, что благодаря богочеловеческому потенциалу своей природы человеку дана уникальная возможность творить не только материальное, но и идеальное. Речь идет вовсе не о каких-то отдаленных духовных перспективах. Доказательством является всякое сегодняшнее творчество в области искусства, ведь и музыка, и живопись, и литература, и кино, прежде всего, есть творение идеального.

Итак, человек может как духовное существо воспринимать созданное в идеальной сфере и **опосредственно** через произведения искусства и **непосредственно**, как трансцендентный поток информации. Но всегда это будет лишь то, что **уже было** создано до него, ибо будущего времени еще не было нигде. Новое он должен замыслить сам.

Представление, что все **создаваемые** в нашем воображении образы уже где-то существовали, означало бы возвращение к неоплатоническому пониманию времени. В этом случае было бы справедливо считать, что в материальном мире идет только постепенное воплощение уже созданного в идеальном мире. Такая концепция не только противоречила бы библейскому мироощущению, но и просто здравому и доброму смыслу. Главное, что здесь неприемлемо для христианского сознания, это профанация человеческой свободы: существование какой-то заранее разработанной в деталях программы низводит человека на роль простого исполнителя и уменьшает его ответственность перед миром. Ибо мы должны признать, что вокруг нас есть много духовно злых вещей, и кто же их замыслил, кто же их создал? Христианство учит нас, что Бог благ, а дьявол творческой потенцией не обладает. Значит, необходимо согласиться, что дурные творения создали сами люди, потому что люди после грехопадения стали «как боги, знающие добро и зло» (Быт.3.5), но часть полученных ими от начала творческих возможностей сохранили. Было бы нечестно и недостойно списывать ответственность за создание атомной бомбы или «Майн кампф» за счет дьявола. Богочеловеческое призвание требует, чтобы человек отвечал не только за произведения своих рук, но и ума, и сердца.

Зародившись в духовном центре некоторой личности, творчество в дальнейшем развивается не присоединением каких-либо элементов, а их ассимиляцией. И это принцип, по которому

мы всегда сумеем выделить творческий процесс из ряда фабрикаций. Художник комбинирует какую-то краску из нескольких других, но его картина не фабрикация, скульптор составляет основу будущей скульптуры из разных материалов, но скульптура тем не менее не фабрикация, режиссер собирает картину из отдельных частей, но настоящее кино вовсе не фабрикация! Конечно, все это не фабрикация только тогда, когда художник, скульптор, режиссер были озарены Этим всепроникающим Светом творческого акта.

* * *

Человек, включенный в общечеловеческую деятельность, в творческий процесс по устройству мира, одновременно участвует в творческом процессе по созданию себя самого. И хорошо, когда он это делает вместе с Богом. Созидание своей личности — также настоящее творчество, и у него есть свои приемы и методики, основанные на учениях более древних, чем христианское.

О том, что аскеза (соединенная с молитвой) может помочь человеку в своем духовном центре приобщиться к Божественному, догадывались мудрецы и мистики самых разных учений. Так, в Упанишадах читаем: «Если прекращаются пять знаний вместе с мыслью, если бездействует рассудок, то это, говорят, — высшее состояние» (Катха, II,3,). Похожие мысли высказывает и автор Бхагавадгиты: «То, что отрешенностью называют, знай это как йогу, Пандава, ибо не бывает никакой йоги без отрешенности от желаний». А Майстер Экхарт писал: «поистине, знайте это, пребывающий в своей отрешенности дух привлекает к себе Бога».

Но индийские гуру и немецкий мистик-пантеист не увидели в этом таинственном приближении Бога ни источник самостоятельной творческой активности человека, ни возможности всеобъемлющего преображения человека. Все они были устремлены в небытие, их дух не принимал этого мира, ощущая его как удаление от Единого, а не реализацию Единого. Новые возможности богообщения были открыты последователями паламитского богословия и запечатлены в христианском мистическом учении о Божественных энергиях. Это учение, которое можно было бы назвать положительной аскетикой, ставит своей целью не отказ от материального мира, а открытие всех своих

духовных и телесных сил к общению с Богом. Такая работа над собой есть несомненное творчество, но творчество внутреннее...

Итак, если под «не любите мира» понимать призыв к освобождению сознания от всего того, что препятствует молитве и богообщению, то аскетические средства никак не противоречат задачам художника-христианина. Созерцательная отрешенность от суеты, которая достигается правильно понятой аскезой, не исключает напряженной творческой активности. Только у неоплатоников и гностиков подразумевается **исключение** всякой деятельности при очищении сознания.

Еще раз подчеркну, что аскеза это не путь спасения, а именно правила воспитания.

О том, что святоотеческая мысль была далека от спиритуализма, свидетельствует хотя бы такое высказывание св.Иоанна Дамаскина, защитника церковного искусства и центральной фигуры православной Церкви в борьбе против ереси иконоборчества: «Я поклоняюсь не материи, **через которую** совершилось мое спасение, чту же ее не как Бога, но как **полную божественного действия и благодати**.» (по Арх. Киприану «Антропология св. Григория Паламы»). Так мог сказать лишь человек, имеющий **библейскую веру** в Воплощение и Воскресение, ведь Богочеловек Иисус Христос, победив смерть, явился ученикам не как дух или привидение, но в **теле**, которое позволяло Ему совершать с учениками совместные трапезы!

Проблема соотношения творчества и аскезы на пути спасения поднималась христианской философской мыслью и в России, и на Западе в 20 веке не раз. Со всей остротой её поставил Н.Бердяев: «Взаимоотношение между путями человеческого спасения и путями человеческого творчества есть самая центральная, самая мучительная и самая острая проблема нашей эпохи» (СТ). В конце концов, он пришел к выводу, что «утверждение спасения против творчества есть утверждение спасения пустоты, небытия» (СТ).

Современный церковный писатель о.Александр Мень так писал об этом в своей книге «На пороге Нового Завета»: «Христианство — религия спасения. Однако спасение не сводится для него к посмертной участи отдельных душ. Оно должно охватить все творение Божие. И только единение со Христом делает людей носителями высшего бытия, помогает им не от-

вергнуть, но освятить мир, приобщить его к божественной жизни, вернуть Творцу «умноженные таланты»».

Так что же может дать нам на фоне этих грандиозных задач аскетическая практика? Очень много. Более того, настоящий художник без неё просто не обойдется. Разумное самоограничение, борьба с физическими и душевными страстями очищает наши ум и душу от привязанностей к чисто материальному плану бытия, помогает установить внутреннюю тишину, ограничивает поток ненужной информации. В результате возрастает наше умение видеть и читать **значение** событий и вещей, чувствовать их сокровенный *вкус*.

Культура мышления, чистота помыслов, концентрация внимания так же, как и любовь к прекрасному помогают идущему по пути христианской аскетики художнику **развивать** свои духовные и творческие возможности. Становясь восприимчивее к божественным энергиям он увеличивает свою готовность принять благодать Святого Духа и продолжать созидательную работу в мире в соответствии с волей Небесного Творца. Тогда каждое прикосновение Божественного вызывает ответную духовную волну любви и благодарности, и **реализуется в творческом порыве**, прежде всего, в служении людям, в творчестве любви, добра, красоты. В. Соловьев писал: «Человечество должно не только принимать благодать и истину, данную во Христе, но и осуществлять эту благодать и истину в своей собственной и исторической жизни, свободно возрастая в полноту возраста Христова» (Великий спор и христианская политика), и Церковь дает нам массу примеров жизни святых, которые в молитве, сосредоточенности, обуздании своих страстей, черпали силы для деятельного служения в миру.

Отсюда аскетическое самоусовершенствование и творческую активность надо **не разделять**, а считать двумя фазами человеческого творчества. Без созерцания, молчания, отрешенности невозможно приближение к Богу, а без Бога, кому нужна такая наша активность? С другой стороны, нужны ли Богу созерцание и молитва, не имеющие завершения в творчестве добра? На последний вопрос само Евангелие многократно дает отрицательный ответ. (Хотя бы притчей о милосердном самарянине).

И в притче о талантах, когда Господь учит нас приносить плоды своего труда, и в притче о бесплодной смоковнице, где Он нас предупреждает, что мы будем судимы по этим плодам,

и во многих других притчах и поучениях Евангелие напоминает нам, что мы не имеем права жить пассивно, но должны служить друг другу, умножая полученные от Бога таланты. На то, что именно такой характер жизни угоден Господу, указывает и тот факт, что в сотворенном Им мире **нет равенства** между людьми и между талантами. Всё человечество создано подобно гигантскому организму, и разные его члены исполняют необходимые друг для друга и для всего организма функции. И каждый может быть полезен кому-то.

Кроме того, что у нас есть долг перед другими людьми, у нас есть долг и перед самими собой: создавать свою уникальную личность. И вслед за Тейаром де Шарденом мы должны признать, что «Кем бы мы ни были: художниками, рабочими, учеными, какова бы ни была наша человеческая функция, — если мы христиане, мы должны видеть в объекте нашего труда средство, открывающее путь к высшему становлению нашей личности.» «Нераздельное слияние двух целей: личного развития и самоотречения в Господе, но при постоянном, а затем и окончательном преобладании второго над первым — в этом вся Тайна Креста». («Божественная Среда»).

Но Креста достигают только те, кто в деятельном усилии старается **перерасти пределы** своих возможностей. Потому что только поняв свою ограниченность, свой Крест, возможно подняться над самим собой силой Христа. В постоянном восхождении ко Кресту человек переживает перманентное Воскресение. И это значит, что творческая активность не только способствует нашему преображению, когда в творческом порыве мы приближаемся к Божественному Центру, она может стать для нас еще и путем спасения...

Почему же церковные люди так часто подвергают творчество обструкции?

Потому что они видят в нем массу соблазнов, разрушающих так трудно обретаемый духовный покой. В чем же эти соблазны, и правомерен ли страх перед ними?

* * *

Претензия на творчество, как на богочеловеческую деятельность считается опасной, потому что претендующий — всегда грешный человек (и это правильно). Мол, ему следует заботиться о спасении: о покаянии и искуплении грехов, а не о

самовыражении в творчестве! (а именно так клеймят творчество — *самовыражением*). И далее добавляют, что все грешны, а значит и нечего заниматься творчеством никому.

Действительно, Высшую Реальность нельзя выразить через осознание своей греховности. Как говорил Н.Бердяев, через греховное сознание свет не возгорается. Если оно продолжается достаточно долго, то человек приучается созерцать тьму, «медитировать над тьмой». У него наступает подавленность, уныние и безнадежность, т.е. тяжелейшие грехи в иерархии христианского сознания. А «цель религиозной жизни есть преодоление подавленности». «Тайна христианства не может исчерпываться тайной Искупления. Искупление лишь один из актов мистерии... В опыте творчества преодолевается подавленность, раздвоенность, порабощенность внеположностью» (СТ).

Можно только добавить, что Искупление освобождает от греха, а творчество помогает уже освобожденному человеку почувствовать свое достоинство усыновленного чада Божия. Если бы усыновление (а значит и Искупление) не имело места, какое бы имел христианин право на литургии, в конце евхаристического канона, когда полагается присутствовать только истинным, преданным Христу ученикам, произнести молитву «Отче наш»?

Так что запугивание *самовыражением*, как говорится, «от лукавого». В конце концов, если человек самовыражаясь ставит себе цель прославлять не себя, а Господа, он не пропадет.

Приходится встречаться и с другим обвинением, предъявленным к творчеству культуры. Мол, в искусстве царствуют интерпретации, и потому оно лживо. Однако посмотрим, так ли это, и как смотрит на интерпретации Священное Писание.

Прежде всего, интерпретация это язык живых людей, Священное Писание всюду им пользуется. Разные евангелисты, свидетели одних и тех же событий, пишут о них часто по-разному, потому что они живые, разные люди, **интерпретирующие** одни и те же евангельские события для разных общин, согласно своей памяти и своим способностям. И мы знаем, что отличия евангельских текстов подтверждают аутентичность евангельских событий. Будь тексты одинаковые, авторов можно было бы подозревать в подлоге.

Вот, ап. Павел, в своих посланиях, письмах к церковным общинам **истолковывает** свой духовный опыт и **прикровен-**

ный смысл Священного Писания. Вот, дьякон Филипп, сев в колесницу эфиопского вельможи объясняет, **истолковывает** книгу Исайи, которую перед их встречей читал эфиоп. Тем самым он пробуждает в нем веру и приводит к решению креститься. Вот, первомученик дьякон Стефан рассказывает на судилище свою **интерпретацию** истории Спасения, и за это принимает мученическую смерть. Всякая проповедь, всякое свидетельство теснейшим образом связаны с **интерпретацией**.

Интерпретация образа неразрывно связана с **личностью** художника, поэта, писателя, проповедника. Интерпретация не лжива, а **субъективна**. И эта субъективность есть необходимейшая черта, отличающая живое творчество от фабрикаций и комбинаций. Чем же она может так испугать?

А тем, что заставляет нас погрузиться не в мир отвлеченных идей, а в живую реальность: интерпретации событий жизни неотделимы от субъектов жизни и тесно связаны с чувственными, личностными, конкретными моментами восприятия. Интерпретация — это **персональный** обмен, диалог **значений** предметов с познающим эти предметы. И тут мы опять сталкиваемся с различиями в библейском и эллинистическом мироощущении: с подозрением относиться к интерпретации — значит бояться конкретных людей, не любить данную Богом жизнь, отрекаться от чувственного мира. Манихейскому сознанию это не противоречит, но христианская, самарянинская любовь к определенному человеку, к *ближнему* с этим не согласится.

Однако произведение искусства это, конечно, прежде всего не интерпретация, а воплощение духа художника, в созидании которого и заключается главное творчество. И если человек не считает себя верующим, но его произведение прекрасно, это говорит о том, что дух художника был близок Духу Божию, потому что все прекрасное — от Бога.

Произведения искусства могут быть истинно христианскими даже тогда, когда они формально ничего не говорят о Христе. Так, в Айтматовской Плахе говорится о Христе, но исполненными евангельским духом любви можно считать только главы о волках....

Пользуясь такой системой отсчета, можно считать глубоко религиозными, например, шедевры кино Берталуччи «Раскаленное небо» и «Амаркорд» Феллини . И совершенно не важны тут идеологические убеждения авторов. В этих произведениях со-

держится такое глубоко метафизическое и **доброе** откровение о человеке, которое не может быть понято в простом человеческом опыте, но предполагает **Откровение**.

В ходу также предположение, что творчество всегда носит эгоистический характер, что оно автоматически означает любовь к «миру сему» и приводит к гордыне, а аскетическое делание, мол, воспитывает смирение. Но это утверждение не соответствует реальности ни по первому пункту, ни по второму. Действительно, на путях творчества человека подстерегает гордость, и она выступает как явный враг, её всегда видно, она не прикровенна. И с ней любому идущему по творческому пути предстоит тяжкая борьба.

Но эта борьба с видимым врагом! А на путях аскезы гордость как бы не препятствует человеку, и это потому, что она оказывается полностью **удовлетворена**. Ведь совершенно очевидно, что на пути спасения должны быть искушения. Если их не видно, это не значит, что их нет. Напротив, тут-то они наиболее опасны! В пример возьмем учения, в которых самоограничение и самосовершенствование считаются главными средствами спасения — буддизм, йога. В них вообще о таком искушении не знают. А оно тем не менее есть. При ближайшем рассмотрении аскетические подвиги очень часто питают непомерное самомнение.

В настоящем творчестве, напротив, человек может забыть о себе совершенно, потому что его дух устремлен к самому высшему, что только доступно его внутреннему взору. Настоящее творчество постоянно требует от творца «поднимать планку», преодолевать все более и более трудные задачи. Постоянное копание в своем «эго» притягивает его дух к земле, не дает «взять высоту». И Э.Фромм, и К.Льюис считали, что для того, чтобы обрести свое подлинное «я» любой человек, следовательно и художник, должен предавать на смерть все свои затаенные желания, если они направлены на обладание, а не на бытие (К.Льюис«Сущность христианства»).

Отвергнуться себя в творчестве — это отвергнуться от завоевания и обладания достигнутыми результатами, отказаться от статического восприятия мира вокруг себя, прекратить попытки останавливать время и тормозить Творение с помощью ритуала и традиций. Смиренная открытость новому бесконечному божественному горизонту освобождает от глупого тщеславия и

демонической гордыни — двух препятствий к настоящему творческому порыву. Таким образом, в настоящей христианской жизни творчество обнаруживает себя, как «любовь к Богу и божественному, а не к миру сему» (СТ, стр. 30).

Что же касается спасения, то оно невозможно, если откладывать исполнение своего творческого долга на завтра, если «зарывать в землю» данные «в рост» таланты. С грехами своими приходится бороться всю жизнь, совмещая смирение с творчеством жизни, а наша постоянная немощь — не основание бросать в лицо Богу Его дары. Ибо, как сказал апостол Павел, сила Божия совершается именно в немощи. (2 Коринф.12,9).

Поэтому подход к жизни, при котором говорят: «где уж мне грешному и недостойному притязать на творчество, оно будет заражено грехом, сначала надо смириться», есть на самом деле либо скрытое тщеславие, замешанное на лицемерии, либо гордыня, если мы так уж уверены в том, что можем самоусовершенствоваться.

Против творчества всегда выступали бытовая и пантеистическая религиозности. И дело не только в том, что они не понимают творческого напряжения человека. Очень часто источники духовности, отвергающей творческий порыв, надо искать в жажде грешного человека отрешиться от всего **человеческого и личного,** тем самым изгнать грех и уничтожить его последствия.

Для этого типа религиозности **индивидуальность** уже сама по себе является грехом и отпадением. Если **персонализм** является христианским сознанием, то отрицание «я» человека ближе индийским религиям с их пантеистическим мирочувствием и богочувствием.

* * *

Вообще, непонимание творческого пути, как правило, связано с непониманием человеческого элемента в христианской религии, и в конечном счете с неправильным отношением к основе основ христианской веры — догмату о Воплощении Сына Божия. Начав свои размышления с неверной трактовки евангельского «не любите мира», эти «христиане» заканчивают отчуждением от человеческих путей развития: от творчества, от культуры.

Странно слышать бытующее среди них мнение, что Евангелие, Священное Писание не содержат в себе оправдание творческого пути. Евангелие учит нас, что цель Воплощения, Искупительных Страданий и Воскресения Господа состояла в том, чтобы ученики получили дар Святого Духа, преобразились в Духе.(Это и есть Спасение). Но для библейского мышления Дух Святой — это прежде всего Творческая Сила в мироздании! Про Него говорится в первой главе книги Бытия: «и Дух Божий носился над водами». Дух Творца, Дух Животворящий преобразовывал землю, историю, людей. Своим ученикам Господь прямо обещал особое причастие к жизни и силе Духа Святого. Значит, в них **должно** присутствовать это творческое Начало, дающее им право и силу вместе с Творцом участвовать в преобразовании мира и создании новой красоты.

Так же как Ветхий Завет свидетельствует о творческих возможностях Господа Святого Духа, так и Евангелие, когда рассказывает нам о деяниях Самого Христа. Ведь Святой Дух — это Его Дух, Дух Богочеловека Христа. (Ин.16.14) И именно Своего Духа, обещал Он Своим ученикам : «Если любите Меня, соблюдите Мои заповеди. И Я умолю Отца, и даст вам другого Утешителя» (Ин.14.15).

Но как творит Животворящий Дух? Каким инструментом, какими руками? Евангелие от Иоанна отвечает однозначно: Бог творит Словом. «В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог. Оно было в начале у Бога. Все чрез Него начало быть, и без него ничто не начало быть, что начало быть» (Ин.1.1–3).

Поэтому странно было бы, если бы Иисус творил по-другому. И, действительно, Иисус, как предвечное Слово, и в земной жизни продолжает творить словом. Что делает Иисус, когда исцеляет? Он всегда говорит слово, приказ, команду. Прокаженному Он говорит: «очистись» и тот очищается, сотнику говорит: «иди, да будет тебе» и слуга выздоравливает, расслабленному — «встань...», и тот распрямляется, умершему Лазарю говорит: «Лазарь иди вон» из могилы, и тот воскресает и т.д. Более того, Он и бурю усмиряет словом: «встав, запретил ветру и морю и сделалась великая тишина» (Мф.8.26). Но, что самое удивительное и важное для нас: Он уверен в том, что то же самое смогут делать в жизни Его ученики: «истинно, истинно, говорю вам: верующий в Меня, дела, которые Я творю, и он

сотворит, и больше сих сотворит»; (Ин.14.12) Слово, сказанное учениками в вере, учит Он, сможет передвигать горы (Мк.11. 23). Надо отметить, что и в Ветхом Завете уже было представление о божественной творческой силе Слова, сказанного избранниками Божиими, пророками. С наступлением же времени Нового Завета возможность приобщиться к этому творческому дару открывается для всех людей, для всех народов.

Господь Иисус и Сам продолжал творить в Своей земной жизни, потому что творчество присуще Ему по Его божественной природе, и верующим в Него дал власть и силу подражать Своему творчеству жизни. Что же нам еще надо, каких еще времен следует ожидать, чтобы со всей душою отдаться этому творческому строительству жизни, на которое Он нас призвал?

Для нас важно, что творческий характер Иисуса явлен нам не только в Его сверхъестественной творческой мощи, но и в чудесном художественном таланте. Ведь притчи, которые дошли до нас в Евангелиях — это не просто моральные поучения, но прежде всего поэтические произведения...

Так, в них мы находим главный критерий настоящей поэзии — игру. Игру понятий, игру образов, импровизацию, неожиданные повороты сюжетов.

«Радуется дух чад во Христе, живущих в терпении, и такова Божественная игра» — писал один из отцов Церкви св. Климент Александрийский. Значит, святые отцы понимали, признавали Божественную Среду (выражение Тейара де Шардена), как поле игры.

Но игра — это то действие, которое имеет преимущественно творческий характер. Признанный теоретик игры Й. Хейзинга определял поэтическое творчество, как «родившееся в сфере игры,.. Poiesis — функция игры.» «Поэзия в своей первоначальной функции фактора ранней культуры рождается в игре и как игра.» (Homo Ludens) Достаточно было бы найти в притчах хотя бы один игровой элемент, чтобы доказать их творческий характер.

Известно, что одно из чувств, сопровождающих игру — это чувство напряжения, оно следует за чувством подъема и завершается разрядкой (это может быть радость, могут быть и слезы — покаяние). Напряжение может достигаться скрытой самотождественностью поэта или героя, который выступает как бы под маской, меняет свой облик. Именно такой прием исполь-

зован Иисусом в притчах : «о сеятеле», «о пшенице и плевелах», «о злых виноградарях», «о брачном пире», «о десяти девах».

Другой игровой прием в поэзии — загадка. В притчах мы встречаемся с этической загадкой. Имплицитно загадка содержится в притчах «о блудном сыне», «о судье неправедном», «о неверном управителе», «о мытаре и фарисее» и т.д. Явно — в притче «о потерянной овце» и, конечно, «об овцах и козлах».

Именно игровой элемент помогает увидеть в Священном Писании прямое одобрение творческого характера жизни. В Ветхом Завете (2 книга Царств) рассказывается о том, как после победы над Филистимлянами царь Давид решил перенести Ковчег Завета в Иерусалим. Воодушевление царя было столь велико, что он «скакал изо всей силы пред Господом... Так Давид и весь дом Израилев несли ковчег Господень с восклицаниями и трубными звуками».

Мелхола, жена царя, стала пенять ему на то, что он унизил свое царское достоинство перед подданными, когда плясал и играл на глазах у всех. И Библия отмечает, что Мелхола была тяжело наказана Господом за свои упреки...

Всем известно евангельское предупреждение Христа: «Если не обратитесь и не будете, как дети, не войдете в Царство Небесное» (Мф.18,3). Как мы это понимаем? Только как призыв к простоте, радости, открытости? Это все правильно. Но ведь главная отличительная черта ребенка — игра. Ребенок Homo ludens по преимуществу. Говоря о детях, Евангелия сообщают нам, что «их есть Царство Божие» (Мк.10,14) и что дети играют: «мы играли вам на свирели и вы не плясали, мы пели вам печальные песни и вы не плакали» (Мф.11,17). Но жизнь, в которой есть элементы игры — это уже жизнь творческая. Поэтому не следует ли указание Господа о детях понимать, как прямой призыв к открытому, свободному, творческому, пасхальному образу жизни, ведущему, в конце концов, в Царство Небесное?

Итак, само Евангелие есть одновременно и Откровение о творчестве и благословение на творческую жизнь! И всё Священное Писание, содержащее замечательные литературные шедевры, есть несомненное Божие благословение на Искусство и пример того воздействия, которое оно может оказывать на жизнь людей.

Ведь вся культура европейской цивилизации на протяжении последних 2 тысяч лет находилась под непосредственным влиянием Св. Писания. И наша отечественная культура — не исключение. Сюжетами и нравственной проблематикой Библии вдохновлялись все великие писатели, художники и музыканты мира. Таким образом, непосредственное преображающее влияние искусства, творчества на жизнь человечества, о котором мечтал В.Соловьев, уже давно осуществляется через Библию.

* * *

Кто не видит оправдание творчеству в Св. Писании, кто отвергает ценность творения, ценность творческого акта, неминуемо начинает считать природу и человека, весь чувственный мир суетой, бесцельным мельтешением призраков. Эти ощущения порождают нежелание трудиться для мира, глубокий пессимизм и предчувствие неминуемой катастрофы.

Именно отношение к творению и творчеству определяет видение перспективы развития жизни на земле. В случае эллинистического мышления, эти представления пессимистичны, а призыв к спасению всегда сопровождается эсхатологическими угрозами. Библия же смотрит на будущее глубоко оптимистично, с надеждой, основанной на вере в **сверхъестественную** силу и Божий промысел о человеке.

Чтобы это понять, необходимо заново перечитать Священное Писание. Необходимо также свободно обсуждать эту Книгу, спорить о ней. Она должна опять войти в жизнь человека. Разве не сказал Иисус ученикам: «идите по всему миру и проповедуйте Евангелие всей твари» (Мк.16,15)? Но проповедовать — значит довести до сердца, сделать интересным и нужным каждому человеку. Преображение жизни не может произойти на другом основании.

С возрастанием человечества во Христе будет возрастать и сопричастие человеческого творческого духа Духу Божественному. Человек, созданный, согласно Писанию, как образ и подобие Творца, наконец поймет, что он есть творец по призванию. Разрыв с Небесным Отцом, грехопадение, сопровождалось творческим обнищанием человечества. Искупление, восстановление родственных связей человека с Небом, возврат блудных детей к Небесному Отцу ведет к новому обогащению творческих сил.

По словам христианского философа В. Зеньковского: «Библейское Откровение утверждает *чудо творческого акта*, как основу отношения Бога и мира» (Основы Христианской философии). Поэтому недопустим возврат к утилитарному отношению к Творчеству, имевший место в первые века Церкви. Но, если человек есть образ и подобие Творца, он в своем творчестве должен брать пример с Первообраза. Церковь учит, что Бог творит из любви, поэтому и для человека будет благословенно лишь творчество, вдохновляемое **любовью**: любовью к людям, к природе, к красоте мира, к Богу... В таком творчестве Бог поддерживает человека, а человек помогает Богу. «Эта **прививка** свободной творческой активности человека на воле Творца составляет вершину творчества Бога и Его величайший парадокс» (ЕРН).

Конечно, прежде всего такая метаморфоза должна обращать на себя внимание в искусстве. Художник-христианин, имея несомненные преимущества перед своими собратьями в близости к Божественному Центру Творчества, может созерцать и передавать глубину омытого горним светом мира. Его задача творить так, чтобы усиливая внутреннее напряжение и сияние, доводить до максимума все **значения** вещей и выходить за их пределы, добиваясь **преображения** их сути. Естественно, такая задача по плечу только мистически одаренной и **преображенной** личности. Возможности такого художника далеко выходят за пределы собственно творчества культуры. Ибо он способен осуществить на практике идею обратной связи, принадлежащую В.Соловьеву: породить творчество, обеспечивающее «обратное воздействие на природу со стороны идеального начала». «Совершенное искусство в своей окончательной задаче должно воплотить абсолютный идеал не в одном воображении, а и в самом деле, — должно одухотворить, пресуществить нашу действительную жизнь.» (ОСИ).

Но неверно было бы смотреть на творческий путь, как на внеположенный простому человеку. На своем месте каждый человек должен быть творцом, из души каждого человека, прилагающего соответствующие усилия, может быть рождено нечто новое и чудесное. Те, кто выступает против творчества как такового, не учитывают именно вот этот очевидный факт жизни. О нем С.Франк писал: «даже самый скромный, обыденный человек, кроме простого, извне предписанного ему выполнения сво-

их обязанностей, вносит в свою работу элемент чутья, импровизации, догадки, справляется с индивидуальным положением каким-то новым небывалым, рождающимся из его души способом и в этом смысле есть творец...Всякий человек, вносящий отпечаток своей личности в окружающую его среду, всякая жена и мать, вносящая какой-то свой собственный нравственной стиль в жизнь семьи, свой эстетический стиль в домашнюю обстановку, всякий воспитатель детей есть уже творец». («Реальность и человек»).

И так как практически каждый человек оказывается творцом, творчество есть сущность человека и обязанность человека. Согласно Евангелию, только свободное и творческое исполнение воли Божией и угодно Богу. Напротив, рабское, механическое послушание есть уже *тайный саботаж*, утверждал С.Франк.

Конечно человек необращенный, неискупленный, есть лишь слабое подобие божественного замысла, но во Христе, спасающем, возвышающем до задуманного образа, человек обретает своё абсолютное величие соработника Бога во Вселенной. Такой сотрудник Бога предстает перед нами не просто как новая **воля**, но и как новый **творец**. По мере своего соединения со Спасителем возрастают божественные качества в человеке: свобода и творчество.

Христианин XX века всем ходом вещей призывается жить в этом мире. И он опять следует за Христом, ведущем его к преобразованию этого мира. Человек, долго блуждавший в поисках собственных путей, возвращается к диалогу, к сотрудничеству с Богом, Который ждал этого возвращения, как Отец ждал своего блудного сына. Воплощение Христа и обожение мира продолжаются...

Прекрасную перспективу сотворчества человека и Бога нарисовал Тейар де Шарден в своей философской поэме «Божественная среда»:

«Сила Воплощенного слова распространяется на Материю, она спускается в самые темные глубины низших сил. И **Воплощение** будет завершено лишь тогда, когда заключенная в каждом предмете доля избранной материи — одухотворенная сначала в **наших** душах, а затем **вместе с нашими душами** во Христе, — присоединится к конечному Центру её восполнения...

...аскетизм рассматривает Материю лишь с одной стороны, с той, что обращена к смерти, и он шарахается и говорит: бегите!

Но что сталось бы с нашим духом, Господи, если бы он не питался хлебом земных вещей, не услаждался бы вином тварных красот, не укреплялся бы в человеческой борьбе? Какие ничтожные силы и бескровные сердца принесли бы Тебе Твои создания, если бы они *преждевременно* отрезали себя от лона, в которое Ты промыслительно поместил их?..

...У каждого из нас есть своя лестница Иаковлева, ступеньки которой образуются из ряда вещей. Не будем же пытаться преждевременно пытаться бежать из Мира. Станем управлять своей жизнью в потоке предметов; и тогда вместо тяготения к бездне наслаждения и эгоизма, мы почувствуем, как из творений высвобождается целительная «составляющая», которая в соответствии с указанным выше процессом расширит нас, вырвет из нашей ничтожности, властно направит к раскрывающимся горизонтам, к отречению от чувственных радостей и научит все сильнее жаждать красоты духовной...

...Чем более великим будет человек, чем большего единства, сознательности и власти над своими силами достигнет человечество, — и чем прекраснее станет Творение, а поклонение — совершеннее, тем более будет обретать Христос для Своего мистического распространения ТЕЛО, ДОСТОЙНОЕ ВОСКРЕШЕНИЯ!»

Москва

НА ПУТИ К ЕДИНЕНИЮ ХРИСТИАН

СОВМЕСТНАЯ ДЕКЛАРАЦИЯ РИМСКО-КАТОЛИЧЕСКОЙ ЦЕРКВИ И КОНСТАНТИНОПОЛЬСКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ ПО СЛУЧАЮ СНЯТИЯ АНАФЕМ

К 30-ой годовщине со дня принятия

1. Благодарные Богу за то, что по благости и милосердию Своему Он дал им встретиться на той священной земле, где Смерть и Воскресение Господа Иисуса завершили тайну нашего спасения, и где излияние Духа Святого породили Церковь, папа Павел VI и патриарх Афинагор I, твердо решили не упускать ни одной возможности к проявлению жестов, вдохновленных любовью, которые могли бы содействовать развитию уже начавшихся братских отношений между Римско-Католической Церковью и Константинопольской Православной Церковью. Они убеждены, что отвечают таким образом на призыв благодати Божией, ведущей ныне как Церковь Римско-Католическую и Церковь Православную, так и всех христиан к преодолению разногласий, дабы они вновь стали «едиными», как просил о них Господь Иисус своего Отца.

2. Среди препятствий, которые находятся на пути к братским отношениям доверия и уважения следует назвать прежде всего воспоминание о достойных сожаления решениях, поступках и инцидентах, приведших в 1054 году к отлучению патриарха Михаила Керулария и двух других лиц легатами Римского Пре-

стола, возглавляемыми кардиналом Гумбертом, подвергшимся в свою очередь подобному отлучению со стороны Константинопольского патриарха и Синода.

3. В тот беспокойный период истории события эти не могли быть иными. Но сегодня,когда возможно вынести о них более здравое и уравновешенное суждение, необходимо признать,что чрезмерное значение, которое они приобрели позднее, было чревато последствиями, которые, насколько мы можем судить, далеко вышли за пределы намерений и предвидений зачинщиков, чьи запретные меры касались лишь определенных лиц, но не Церквей и не были направлены на прекращение церковного общения между кафедрами Римской и Константинопольской.

4. Вот почему папа Павел VI и патриарх Афинагор I со своим Синодом, убежденные в том, выражают общее стремление к правде и единодушное чувство любви своих верующих, напоминают завет Господень: «Итак, если ты принесешь дар твой к жертвеннику и там вспомнишь, что брат твой имеет что-нибудь против тебя, оставь там дар твой пред жертвенником, и пойди прежде примирись с братом твоим, и тогда приди и принеси дар твой» *(Мф 5. 23-24)* — и по обоюдному согласию заявляют:

а) что они сожалеют об оскорбительных словах, о необоснованных упреках и осудительных жестах, которые как с одной, так и с другой стороны окрасили собою печальные события того времени или сопутствовали им;

б) что они равным образом сожалеют и желают изъять из памяти и среды церковной акты отлучения, которые затем последовали, и воспоминание о которых до наших дней служит препятствием к сближению в духе любви, и предать их забвению;

в) что они скорбят о том, что дурные прецеденты и последующие события под влиянием различных факторов, прежде всего взаимного непонимания и недоверия, в конце концов привели к реальному разрыву церковного общения.

5. Папа Павел VI и патриарх Афинагор I со своим Синодом сознают, что этот жест справедливости и взаимного прощения недостаточен для того, чтобы положить конец разногласиям, как древним, так и недавним, все еще остающимся между Римско-Католической Церковью и Церковью Православной, и которые будут преодолены действием Духа Святого, благодаря очищению сердец наших, благодаря раскаянию в исторических ошиб-

ках и деятельной воле к достижению понимания и совместному выражению апостольской веры и ее требований.

Совершая подобный жест они уповают на то, что он будет угоден Богу, готовому прощать нас, когда и мы прощаем друг друга, и оценен всем христианским миром и в особенности всей Римско-Католической Церковью и Православной Церковью, как выражение искренней взаимной воли к примерению, как побуждение к продолжению в духе взаимного уважения, доверия и любви, диалога, который к великой пользе для душ приведет с помощью Божией к обновлению жизни, наступлению Царства Божия в полном общении веры, в братском согласии и участию в таинствах, соединявших нас в течение первого тысячелетия жизни Церкви.

Павел VI, папа *Афинагор I, патриарх*

Текст этой ДЕКЛАРАЦИИ был торжественно обнародован и прочитан одновременно в Риме и в Константинополе 7 декабря 1965 года в день памяти святого Амвросия Медиоланского, святого Отца обеих Церквей.

Это событие исторической важности, полное экуменического смысла, являлось одновременно актом очищения исторической памяти, взаимным прощением и солидарной обязанностью стремиться к полноте общения.

Сближение Римской Церкви и Константинопольского Вселенского Патриархата было начато благодаря взаимной открытости, высказанной Папами Иоанном XXIII, Павлом VI с одной стороны, и Патриархом Афинагором I — с другой. Принятию Декларации предшествовала встреча Папы Павла VI с Патриархом Афинагором I в Иерусалиме, в январе 1964 года, во время паломничества Папы в Святую Землю. По этому случаю он встретился также с православным Патриархом Иерусалимским Венедиктом. Впоследствии Папа Павел VI смог посетить Патриарха Афинагора I и в Фамаре и в том же, 1967 году, он торжественно принял Патриарха в Риме. Эти молитвенные встречи указывали путь к сближению между Западной и Восточной Церковью, к восстановлению единства, которое существовало между нами в первом тысячелетии.

И сейчас активно продолжается этот братолюбивый диалог. Папа Иоанн Павел II вскоре после принятия служения Римского епископа возобновил контакты Рима и Константинополя. В 1979

году он посетил с визитом Патриарха Димитриоса I — верного последователя Патриарха Афинагора I, оба верховных пастыря торжественно открыли богословский диалог между Католической Церковью и всеми Православными Церквями, находящимися в каноническом общении с Константинопольским престолом. Вселенский Патриарх с ответным визитом посетил Рим в 1987 году. Как подчеркивает Папа Иоанне Павел II, это «взаимное участие в молитве даст... возможность снова привыкнуть к жизни бок о бок друг с другом, побуждает... совместно понимать и, следовательно, осуществить волю Божию о Его Церкви».

С этими словами перекликаются слова Константинопольского Патриарха Варфоломея, сказанные им во время посещения Шеветоньского монастыря: «В течение последних 30 лет можно отметить большой прогресс в братском сближении Восточной и Западной Церквей. Не только анафемы 1054 года была изъяты, но сегодня отношения между Церквями Рима и Константинополя даже более братские, чем до раскола в глубине Церкви единой и неделимой».

На экуменическом пути к единству первенство, несомненно, принадлежит совместной молитве, единению молящихся. Да, мы, христиане разных конфессий, еще не состоим в полноте евхаристического общения, но мы зато уже соединяемся вокруг Христа в совместной молитве, о чем и помыслить нельзя было ранее. Распространенной и признанной стала неделя молитвы за единство христиан, которая отмечается в январе или в некоторых странах во время Пятидесятницы.

Огромное событие экуменической величины — это и празднование начала одиннадцатого столетия со времени апостольских деяний Святых Кирилла и Мефодия — юбилей, позволивший, по словам Папы Иоанна Павла II, «провозгласить двух просветителей славян, вестников веры, сопокровителями Европы». А еще в 1964 году Папа Павел VI провозгласил святого Венедикта Нурсийского покровителем Европы. В связи с этим Папа Иоанн Павел II в своем Окружном послании «Да будут все едино», 25 мая 1995 года, отмечает (UTIUNUM SINI) «Как в святом Венедикте, так и в святых Кирилле и Мефодии, Европа вновь находит свои духовные корни. Ныне, когда близится к исходу второе тысячелетие от Рождества Христова, оно должно быть почтены вместе как покровители нашего прошлого и как святые, которым Церкви и народы европейсткой части света доверяют свое будущее».

В двух других Окружных посланиях «Slavorum Apostoli» (1985 год) и «Guntes in mundum» (1988 год) Папа Иоанн Павел II отметил как одно из центральных событий евангелизации всего мира — Крещение, преподанное святому Владимиру в Киеве. Откликаясь на празднование тысячелетия Крещения Руси, Папа в этих посланиях подчеркнул, что «Церковь должна дышать своими двумя легкими!» И если в первом тысячелетии христианской истории это выражение характеризует как бы отношение Рима и Византии, то после Крещения Руси оно уже охватывает всю Церковь. И, по словам Папы, «если учитывать, что это спасительное событие (Крещение), происшедшее на берегах Днепра, восходит ко времени, когда Восточная и Западная Церкви не были еще разделены, то становится ясным, что перспектива, в которой должно вести поиск полноты общения, есть перспектива единства в законном различии».

Экуменический путь в истории Церкви открыл Второй Ватиканский Вселенский Собор, созванный Папой Иоанном XXIII и провозгласивший: «Да будут все едино». Мысль Иоанна XXIII — «То, что нас связывает, больше того, что нас разделяет» — прозрение, вдохновение Богом, ведь действительно, все христиане веруют во Христа, и вера эта — есть главная основа для диалога, для того, чтобы расширять пространство единения и преодолевать разделение, возникшее большей частью, из убежденности в исключительном обладании истиной. Конечно, то, что разрушалось и расходилось в разные стороны на протяжении столетий, не восстановишь и не сведешь воедино за жизнь одного, двух поколений. И в то же время «представляется, что ров между Католической и Православной Церковью не слишком глубок... Он намного глубже в отношении Церквей и Общин, порожденных Реформацией, поскольку здесь нарушены некоторые основополагающие элементы Христова установления», отмечает нынешний Папа, оговариваясь, что одновременно затруднение психологической или исторической природы ощущается порой больше в Православных Церквях, нежели в некоторых протестентских общинах». Поэтому огромное значение имеют личные контакты. Невозможно переоценить роль тех соглашений, что подписаны в последние десятилетия между Римом и Церквями Востока, в частности подтверждено Христологическое согласие и Патриархом ортодоксальной Сирийской Антиохийской Церкви, Эфиопской Церкви, Ассирийским Патриархом.

Огромное экуменическое событие 1994 года — это «встреча» Церкви Востока и Запада на Крестном пути, когда Папа Иоанн Павел II читал в Страстную пятницу текст молитвенных размышлений Крестного пути, составленных Его Святейшеством Варфоломеем I. Глава Константинопольской Церкви, святой покровитель которой — апостол Андрей, предлагает слова размышления и молитвы епископу Римскому, преемнику апостола Петра, Андреева брата. Христианский Восток дарует Западной Церкви свое богословское, литургическое и духовное Предание.

Через полгода Константинопольский Патриарх, главенствующий Патриарх поместных Православных Церквей ясно и определенно выскажется о непереоценимом значении экуменизма: «Милосердие нашего Господа Иисуса Христа привело нас к другой эпохе и другим отношениям между Церквями... Это не означает, что трудности непонимания, укоренение наших различий исчезли. Но теперь мы начинаем ощущать эти проблемы как общую нашу заботу, требующую от нас огромного и общего чувства ответственности.

Грехи с одной и с другой стороны гораздо больше, чем простые теоретические ошибки в формулировках богословских истин. И эти богословские проблемы мы должны рассматривать совместно, общими усилиями очищаться от порожденных нашими же изысканиями — индивидуализма, рационализма, позитивизма и т.д. И если современная цивилизация, уже начиная с эпохи Просвещения, упрямо упорствует в отрицании христианских корней в Европе, если это цивилизация — цивилизация психопатии, нигилизма, если она стала обществом антисоциальных индивидуалистов, мы несем за это ответственность, особенно мы сами, мы, которые свели Евангелие Церкви на уровень религиозного инфантилизма. Вот нам — предлог покаяния в диалоге, которое открывается сегодня перед нами — христианами Востока и Запада.

Мощь духа Божьего взращивает и обустраивает Церковь на протяжении веков. Обращаем взгляд на грядущее тесячелетие, Церковь все годы ее должна молить Духа о благодати, которая крепила бы единство и взрастила бы его. Все вы, Христиане, должны умолять Духа Святого удалить от нас наши заблуждения прошлого, ожесточение и вражду, вселять в нас мужество и свет любви, освещающий путь к единению. Помните, как святой Киприан толкует всеобщую молитву христианам «Отче наш»: «Бог не принимает жертвы того, кто пребывает в несогласии, более того, повелевает вернуться назад от алтаря, и

сперва примириться с братом. Только так наши молитвы смогут быть устремлены к миру, и Бог приемлет их. Величайшая из жертв, предлагаемых Богу, есть наш мир и братское согласие, есть народ, объединенный единством Отца, Сына и Святого Духа».

На заре нового тысячелетия, как же не просить у Господа, с обновленным порывом и более зрелым сознанием, благодати, которая расположила бы нас всех к этой «жертве» единства?

ОСУЩЕСТВЛЕННОЕ ПРИЗВАНИЕ

К 50-ЛЕТИЮ «ОЧАГА ВОСТОЧНЫХ ХРИСТИАН» — ИЗДАТЕЛЬСТВА «ЖИЗНЬ С БОГОМ»

Первую в своей жизни полную Библию я получила в 1984 году в подарок от православных французов, которым чудом удалось провезти через границу и привезти в Латвию несколько книг в мягких зеленых переплетах. На титульном листе стояло:

БИБЛИЯ. КНИГИ СВЯЩЕННОГО ПИСАНИЯ ВЕТХОГО И НОВОГО ЗАВЕТА. Второе издание. 1983,

Издательство «Жизнь с Богом», Брюссель. И какой-то загадочный адрес — Avenue de la Couronne, 206 — зачем он мне?! Ведь даже написать туда было настолько невероятным, что это и не приходило в голову.

Когда, через несколько лет, в Новодеревенском приходе отца Александра Меня я услышала загадку — «Откуда берутся духовные дети? — и ответ — в Брюссельской капусте», мне было смешно и весело от т а к о г о остроумия, потому что я уже прочитала «Сына Человеческого», «Таинство, Слово и Образ» и некоторые другие книги отца Александра, изданные Брюссельским издательством «Жизнь с Богом», и догадывалась, к а к о е значение для христианизации нашей страны, для единения христиан может иметь деятельность этого издательства. Тем более, что я сама была из «Брюссельской капусты»!

И, хотя, тогда еще невозможно было себе представить, что когда-нибудь мы с ними встретимся, посмотрим друг другу в глаза, помолимся вместе, но само знание о том, что христиане на Западе думают о нас и трудятся ради нас, имело большое

значение, поддерживало надежду, говорило о том, что мы не одни.

И вот прошло всего десять лет с того дня, когда я получила в подарок Библию, а, оказывается, сменилась эпоха, и я стою на avenue de la Couronne, у дома N 206 и перечитываю надпись на металлической вывеске: «Очаг Восточных Христиан. Издательство "Жизнь с Богом"». И невольно думаю, как много мы получили из этого дома... Прекрасное издание Библии, вызывающее восхищение тем, к а к оно подготовлено. Основные труды протоиерея Александра Меня, совершившие переворот в душах и сознании тысяч людей, открывшие нам Христа и Высший смысл человеческой истории; собрания сочинений выдающихся русских мыслителей Владимира Соловьева и Вячеслава Иванова; очень важный для познания Священного Писания «Словарь Библейского Богословия» и многие другие замечательные книги, вошедшие сегодня в нашу культуру, в наш духовный опыт.

Нет возможности перечислить здесь весь каталог издательства, говорящий о каждодневном подвижническом труде всего трех человек — Ирины Михайловны Посновой, священника Антония Ильца и священника Кирилла Козины. Трудно представить себе, чем была бы наша жизнь в глухие годы тотали-

Издательство «Жизнь с Богом», 1994 г.
Наталья Большакова и Ирина Поснова.

тарного режима без этой духовной пищи, которую мы от них получали.

Да и сегодня, при большом разнообразии религиозной литературы на русском языке, доступной нам, продолжаешь с нетерпением ждать каждой новой книги Брюссельского издательства, как подарка, как праздника.

Дорогие Ирина Михайловна, отец Антоний, отец Кирилл!

Поздравляю Вас с юбилеем издательства «Жизнь с Богом» — «Очага Восточных Христиан»!

От всех нас, детей, родившихся, для духовной жизни, в «Брюссельской капусте», я благодарю Вас за Ваши молитвы и труды, за Вашу любовь и верность, и молю Бога продлить Ваши земные дни «нас ради грешных»!

С любовью
Ваша Наталья Большакова

...13 мая 1917 года в двух километрах от небольшого португальского города Фатима прекрасная «Госпожа во всем белом, сияющая, как солнце, распространяющая свет более яркий и более сильный, чем кусочек кристалла, наполненный кристаллиновой водой и пронизанный лучами ярчайшего солнца» явилась трем местным детям Жасинте, Франциску и Лусии. «Не бойтесь... Я с Неба,» — сказала Она. Спустя два месяца Дева Мария в момент своего третьего явления детям сообщила: «...Я буду просить о посвящении России Моему Пренепорочному Сердцу и о причащении в первую субботу каждого месяца во искупление грехов. Если на просьбы мои откликнутся, Россия обратится и настанет мир; если же нет, то она распространит свои заблуждения по всему миру, сея в нем войны и гонения против Церкви; праведники станут мучениками, Святой Отец будет много страдать, многие народы будут уничтожены. Но в конце концов Мое Пренепорочное Сердце восторжествует.»

И вот через 28 лет, 13 мая 1945 года, в Брюсселе был создан «Бельгийский комитет религиозной документации для Востока» с отделением для России, который позже станет «Очагом Восточных Христиан» и будет известен в странах Восточной Европы под именем издательства «Жизнь с Богом».

Совпадение дат явления Богоматери и учреждения Очага указывает на сокрытое, но действенное присутствие Девы Марии в деятельности Очага, направленной на духовное окор-

Слева направо: отец Кирилл,
Ирина Михайловна, отец Антоний.

мление советских людей, обращение к Богу душ, воспитанных в атеизме.

Маленькая группа Очага, а именно — Ирина Поснова, священники Антоний Ильц и Кирилл Козина — сумела минимальными средствами и своим самоотверженным трудом осуществить гигантское дело. И сегодня группа продолжает активно способствовать распространению Слова Божия в России, посылая бесплатно книги тем, кто их просит.

На путь духовного служения Ирина Поснова вступила с юных лет. Дочь русского эмигранта Михаила Поснова, преподавателя Киевского Университета и Богословской Академии, она, находясь в Софии, изучила в совершенстве французский язык благодаря урокам у сестер Святого Иосифа, затем, получив стипендию фонда «Помощи Бельгии русским», созданного кардиналом Мерсье, училась в Лувене, где защитила докторскую диссертацию по патрологии о Святом Иустине; почувствовала призвание посвятить свою жизнь делу примирения христианских церквей. Сама она приняла католичество, но оставалась верной восточной традиции. И когда в 1945 году был создан Бельгийский Комитет религиозной документации для Востока под председательством епископа Нэве с преподавателем Лувенского университета господином Морреном и его супругой, Ирина Поснова горячо откликнулась на предложение возглавить его секцию «Для России».

На первом же собрании Комитета решили работать в тесном сотрудничестве с православными. Священник Валент Роменский, настоятель православной общины в Льеже и Лимбурге, охваченный тем же стремлением, сразу согласился помогать, дабы, не заботясь «о наших различиях», давать «хлеб веры этим бедным людям, воспитанным без Бога.» Сотрудничество продолжалось 30 лет, до самой смерти отца Валента.

В 1948 году Ирина Поснова посетила Ирландию, куда пригласило ее движение «Легион Девы Марии». Там же она решила организовать издание свидетельств «Явлений Богородицы в Фатиме». Это издание, отредактированное русским католиком, преподавателем русского языка в Париже М.Гавриловым, практически было первым ознакомлением широких слоев русской эмиграции с уникальным событием 1917 года. Его появление было необычайно важно и для самой Посновой, поскольку все свои экуменические служения она воспринимала и осуществляла в свете благовествования Девы Марии: «Богородица появилась в Фатиме как Мать всех христиан. Разве католики Запада и православные русские не являются ее детьми? Для Нее не существует разделения Церквей. Мощь действенной любви превосходит видимое разделение. Именно это Она нам передает, прося христиан Запада молиться за их русских братьев... Если мы привыкнем смотреть на разделенных христиан глазами Пресвятой Девы, мы действительно почувствуем себя братьями и сестрами, призванными создать Семью Божию на земле.» — пишет И.Поснова.

С первых дней создания Комитет оказывал посильную духовную помощь русским военнопленным в Западной Европе. Затем возникла идея о поддержке многих тысяч русских и украинских женщин, вышедших замуж за иностранцев (бельгийцев, итальянцев, французов). Чтобы помочь им преодолеть трудности адаптации Комитет стал издавать католический журнал «Жизнь с Богом», который и дал свое имя знаменитому издательству, а также родился православный журнал «Христианская жизнь».

Католический журнал издавался в Брюсселе, православный — в Льеже. Содержание их было практически одинаковым. Отличалась лишь страница, посвященная ежедневной приходской жизни. Два журнала выходили в свет вплоть до 1957 года, и каждый номер рождался в тесном сотрудничестве католиков и православных. Кроме того начали издаваться и другие работы. Так, например, появился «Молитвослов», составленный священ-

ником Роменским. Он был широко распространен среди русских православных.

Надо отметить, что деятельнось «Комитета для России» интересовала священников, которые занимались русскими беженцами в Германии и Австрии. Именно через них Восточная Конгрегация в Риме познакомилась с апостольским служением «Комитета для России» и убедилась в необходимости его развития. Кардинал Тиссеран, префект Восточной Конгрегации, предвидя объем работы Комитета, предложил ему переселиться из квартиры гостеприимной семьи Морренов в дом, расположенный на проспекте La Couronne № 206, под одну крышу с приходом «Католическая Русская миссия». «Я думаю, что именно в вашем Комитете лучше всего поймут необходимость создания контактов между западными христианами и верующими и неверующими из России в ожидании того дня, который, надеюсь, скоро наступит, когда можно будет совместными усилиями спасать отравленные атеизмом души, а душ этих — легион,» — подчеркнул кардинал Тиссеран.

В 1955 году священник Антоний Ильц, выходец из Словении, был назначен ректором католической русской миссии. Еще в молодости он вступил в братство Кирилла и Мефодия, члены которого — православные и католики — собирались и молились за примирение своих церквей, а также являлся членом Конгрегации Девы Марии. Его занятия в Риме, в «Русикуме», а также два года работы в качестве викария в бельгийском рабочем приходе недалеко от города Шарлеруа подготовили его к пастырскому служению среди семей, состоящих из людей разных национальностей и для работы церковным цензором религиозных изданий. Восемь лет спустя священник Кирилл Козина, выходец из того же прихода в Словении, приезжает помогать отцу Антонию.

Призвание к этой миссии он почувствовал во время войны. Так начали трудиться вместе три подвижника экуменизма, воодушевляемые постоянной молитвой и любовью к своим братьям, лишенным духовной жизни. Они публикуют брошюры с учетом специфики мышления, глубоко пораженного атеистической пропагандой. Периодические издания и брошюры: «Святитель Николай», «Православие и Флорентийский собор», «Рассказы о Фатиме...», а также молитвословы и богословские книги, издаваемые Очагом, стали быстро распространяться по всей Бельгии и за границей. Они приносили утешение и свет Христов в лагеря

беженцев в Германии, Австрии, Италии, Аргентине и Австралии.

Международная выставка в Брюсселе в 1958 году решительно изменила направление в работе издательства «Жизнь с Богом». До этого публикации распространялись в основном в западных странах, там, где осели интернированные лица. Теперь положение резко изменилось.

Когда члены Очага решили принять участие в выставке и организовать на ней отдел, посвященный СССР, их идея была встречена скептически. Думали, что советские люди не приедут на выставку, а если и приедут, то не станут посещать Папский павильон, где предполагалось разместить издания «Жизни с Богом». Но они прибыли, и их было много. Из десяти тысяч русских, приехавших в Брюссель, три тысячи посетили павильон Ватикана. Большинство из них были очень удивлены, обнаружив тексты на родном языке. Многие с радостью держали в руках Евангелие.

Позже советская пресса помогла своей критикой усилению популярности «верующих динозавров» из Брюсселя.

И вот, начиная с 1959 года многие советские люди — участники различных международных конгрессов; артисты, приезжающие на гастроли; научные сотрудники или работники культуры, прибывая в Брюссель, старались приобрести публикации Очага (либо прямо, либо при помощи гидов). Особенно спрашивали две книги: «Решение проблемы жизни» Ф.Лелотта и «Спутник искателя правды» П.Тиволье. Так группа Очага поняла, что именно для читателей, живущих в СССР, должны быть предназначены их публикации. Была осуществлена огромная работа по переводу и изданию книг, работа, возможная благодаря самоотверженности, стойкости и вере Ирины и священников Ильца и Козины, а также благодаря сотрудничеству со священником Раменским и с другими русскими. Теперь вместо простых брошюр стали появляться значительные произведения: «Очерки по истории русской святости» И. Кологривова, учебник для воскресных школ, «История христианской церкви» М.Поснова и другие издания.

Работа Очага получила новое направление, когда его сотрудники принялись за издание Нового Завета и Библии с комментарием.

Эти книги были напечатаны при участии русского протестантского пастора и стали очень популярны в России среди христиан всех конфессий. Также были опубликованы жития

святых: св. Августина и его матери Моники; св. Франциска Сальского, житие Шарля Фуко, проповеди кюре д'Арс, «Тайна св. Максимилиана Кольбе», «Подражание Иисусу Христу» Фомы Кемпийского. С 1966 по 1970 годы было опубликовано полное собрание сочинений Вл. Соловьева в 12-ти томах, а позже первые четыре тома произведений В.Иванова.

Несмотря на многочисленные препятствия, вся литература тайно передавалась в Советский Союз и попадала в руки читателей.

В 1967 году Очагу предложили вести религиозные передачи на русском языке для стран Восточной Европы на волнах радио Монте-Карло. Эта программа получила название «Свет и жизнь».

Вначале передача шла один раз в день в течение 15 минут. Но вскоре она стала пользоваться таким успехом, что решили давать две передачи в день. И потекли письма из России... «Ваше радио — единственный источник, который может нам дать свет и энтузиазм... Вся деревня благодарит Вас».

В конце 60-х годов в пору новых гонений на Церковь в СССР в переписку с Ириной Посновой через Асю Дурову (русская католичка, которая много лет работала во Французском посольстве в Москве) вступил отец Александр Мень. Он надеялся опубликовать рукопись книги «Сын Человеческий». Группа Очага считала необходимым ознакомить отца Александра со своими убеждениями: «Наш центр — католический, верен Риму, но придерживается традиции Восточной Церкви, сотрудничает с православными и другими христианами».

О. Александр Мень ответил: «Мы знаем, что Вы католики, но это нас не тревожит. Наоборот, это нас радует, и мы верим, что пришло время разрушить конфессиональные барьеры. Церкви-сестры должны делиться своим опытом и своим духовным богатством.» А уже в 1968 году «Жизнь с Богом» издает под псевдонимом А.Боголюбов книгу Александра Меня «Сын Человеческий». Необычайный успех книги насторожил цензоров в СССР. Поэтому последующие произведения отца Александра — шеститомная история религии «В поисках Пути, Истины и Жизни» — было опубликовано под другим псевдонимом, Э. Светлов. А первоначальный вариант книги «Таинство, Слово и Образ» — «Небо на земле» — вышел в свет вообще без указания имени автора.

Все книги прот. Александра Меня, вышедшие в издательстве «Жизнь с Богом», имевшие огромный успех у интеллигенции, пресытившейся атеизмом и ищущей смысла жизни, имели зна-

«Очаг Восточных Христиан». Храм Благовещения. Священники Антоний Ильц и Кирилл Козина. 1994 г.

чение и для всей страны, потому что приближали конец тоталитарного режима и атеистической эпохи.

«В период празднования тысячелетия крещения Руси двери наконец распахнулись... После самого длительного периода гонений, которые Церковь пережила за все время существования христианства, открытие России Богу стало реальностью. Все наши молитвы исполнились сверх нашего ожидания: мы смогли открыто посылать по почте книги, и они приходили... Просьбы поступали от семинарий, от мирян, священников, заключенных...» — вспоминает Ирина Поснова.

В 1990 году по приглашению министерства культуры СССР Очаг организует выставку всех публикаций «Жизни с Богом» в

Библиотеке иностранной литературы в Москве. Состоялась пресс-конференция в присутствии 120 журналистов. Заключительное обращение в связи с закрытием выставки прислала сестра Лусия — очевидица явления Девы Марии в Фатиме. Она писала русским верующим, что теперь они должны взять на себя дело спасения своей родины.

Сегодня, как и всегда, в ежедневной молитве черпает Очаг свою силу и надежду. Каждый день начинается с Евхаристии и заканчивается вечером небольшой службой «Молебном». А по воскресеньям в церкви Благовещения совершается Евхаристия, где поет на славянском прилежный хор энтузиастов под управлением Клоди В. — молодой бельгийской женщины, полюбившей восточное церковное пение.

«Ты, Господи! На Кресте моливыйся за распинателей. Твоих и приемый в последний час разбойничье покаяние, не погуби, о Господи, отступников, хулителей и гонителей святыя веры и святые Церкви Твоея, но, аще возможно сие, даруй и им радость познати Тя, Божественную Любовь и Премудрость, и дни свои в истинном покаянии скончати». *Из молитвы патриарха Тихона.*

Каждый первый четверг месяца совершается служба за преследуемых христиан. После падения коммунистического режима и освобождения заключенных эта служба сохранилась. Она объемлет все современные бедствия преследуемой Церкви, в особенности в мусульманском мире. «Мы твердо знаем, что молитва патриарха Тихона, произнесенная с верой, укрепляет наших братьев и сестер в мучениях. Она овеяна сугубой благодатью, которая помогает им устоять», — призывает группа Очага. — «Нам нужны ходатаи. Если вы чувствуете себя призванными к этому служению, присоединяйтесь к нам.»

Очаг — это международный Центр религиозных публикаций на русском языке — издательство «Жизнь с Богом». Публикации выдержаны в экуменическом духе, в их подготовке нередко принимают участие и православные. Они интересуют христиан всех конфессий: православных, католиков и протестантов.

Среди современных трудов можно назвать «Беседы с патриархом Афинагором и Оливье Клеманом», «О благочестивой жизни св. Франциска Сальского», «Жизнь падре Пио», «Я встречаю Иисуса» Жана Ванье, «Цветочки» Франциска Ассизского, «Житие в Боге. Вассула. Беседы с Иисусом», «Человек и вера» Р. Гуардини.

Ирина Поснова — ответственная за работу издательства. Священник Антоний Ильц занимается переводами. Он только что закончил прекрасную книгу «Гомос Агапис» (переписка патриарха Афинагора с папой Павлом VI). Отец Антоний является также ответственным за экуменические контакты. Отец Кирилл Козина ведет административную работу и занимается подготовкой книг для типографии. Под его руководством происходит и рассылка книг почтой и на грузовых автомашинах. 700 книг ежемесячно отсылается по почте. Каждый год отправляют два грузовика с книгами в Москву и два грузовика в Киев.

Регулярно в работе Очага участвуют добровольцы. В течение многих лет и миряне и монашествующие регулярно обеспечивают деятельность Очага. В плане шефства Очаг обеспечивает материальную помощь семьям и одиноким людям, живущим в трудных условиях. Более сотни бельгийских и французских семейств взяли на себя заботу об одной русской семье и обязались посылать регулярно посылки с питанием. Так растут узы дружбы между православными и католическими семьями.

Очаг или «Жизнь с Богом» — это экуменизм в действии. Вот что сказала одна молодая девушка во время своего пребывания в Бельгии: «Очень редко слова «католик» или «православный» произносятся в этом доме. Для чего это разделение, если все те, кто живет или гостит здесь, чувствуют себя едиными?»

Когда русские читатели пишут в издательство «Жизнь с Богом», они не ставят себе вопрос: «Кому они пишут? Католикам или православным?» Они пишут людям, которые умеют слушать и молиться за них, которые посылают сотни посылок с книгами тем, кто в этом нуждается.

Перевод с французского
А. Михайловой

ИЗ НАСЛЕДИЯ АРХИЕПИСКОПА САН-ФРАНЦИССКОГО ИОАННА (ШАХОВСКОГО)

ВНЕМЛЯ ГОЛОСУ ЧИСТОМУ...

Многие из нас, бывших советских людей, наверно, помнят имя архиепископа Иоанна по передачам «Голоса Америки», в которых несколько десятилетий звучала его удивительная, горячая проповедь, его благовествование уставшим в неверии душам. Выходец из России, Владыка прежде всего, конечно, обращался к россиянам, его радиовыступления так и назывались — «Беседы с русским народом» и это дело он считал частью своего пастырского служения, всегда ощущал ответственность за духовную судьбу соотечественников, за освобождение их из плена безбожия и материализма.

Архиепископ Иоанн (в миру Дмитрий Алексеевич Шаховской) родился 23 августа (стар. стиля) 1902 года в Москве. Учился в Императорском Александровском лицее, позже, за границей в Лувенском университете. Когда на Россию обрушится гроза 1917 года, юный Дмитрий примет участие в белом движении, и пережитое навсегда отвратит его душу от насилия, ожесточенности и, оказавшись с 1920 года в изгнании, он четко поведет свою независимую линию между правыми и левыми, окормляя в будущем и тех и других — видя в каждом человеке лишь неповторимый образ Божий.

Находясь за границей, молодой князь поначалу активно занимается литературой и издательской деятельностью. В Париже выходят в свет три его поэтических сборника, в Брюсселе он издает журнал «Благонамеренный», с которым сотрудничают лучшие писатели русского зарубежья — И. Бунин, В. Ходасевич, М. Цветаева, А. Ремизов и другие. Однако через несколько лет в судьбе Дмитрия Шаховского происходит резкий поворот: по совету своего старца он уходит в монашество. Иноческий

постриг был принят им на Афоне в 1926 году, в день своего рождения, с наречением имени св. Иоанна Богослова.

Пастырство отца Иоанна началось в Югославии, в городе Белая Церковь, где он был учителем Крымского Корпуса, настоятелем местной русской общины, преподавателем Пастырской школы и основателем Православного Миссионерского книгоиздательства «За церковь». Вступив на путь священства, отец Иоанн не оставляет и своей литературной деятельности, только теперь его дар слова, преображенный и очищенный, служит спасению душ человеческих и славе Божьей.

Пребывание иеромонаха Иоанна в Югославии длилось до начала 1932 года, когда митрополит Евлогий назначает его в Берлин настоятелем Свято-Владимирского храма, а позже и благочинным всех своих приходов в Германии. Здесь отец Иоанн проводит четырнадцать лет, отмеченных небывалой энергией его деятельности, главное направление которой — борьба за Церковь, ее чистоту и правду. Столкнувшись с увлечением местной русской колонией оккультными науками, он осуществляет целую проповедническую программу, разъясняющую истину православной веры и апостольских учений. Он проводит цикл лекций на вышеуказанные темы, издает книги: «О перевоплощении», «Христианский эзотеризм», «Удивительная земля» и другие. Одновременно отец Иоанн пролагает свои миссионерские пути за пределы Германии, он посещает различные города Западной Европы, обретая крепкие духовные связи с людьми, помогающими ему в благовестии. Исключительным местом в этих пастырских поездках окажутся для него страны Прибалтики, где, как он напишет матери в Бельгию, «хорошо мне сеять по хорошо вспаханному полю». Тогда же зарождаются его братские связи с инославными христианами, первая дружеская встреча с которыми состоялась близ Страсбурга в 1933 году.

Во время Второй мировой войны отец Иоанн находится в Германии. Издательское дело его Гестапо ликвидирует, все изданные им религиозные книги и даже Библии конфискуются. В 1945 году еще до прихода Советской Армии, архимандрит Иоанн уезжает в Париж, а оттуда в Соединенные Штаты Америки, где в 1947 году избирается Архиерейским Собором Американской Митрополии во епископа и рукополагается в Нью-Йорке на кафедру Епископа Бруклинского с назначением деканом Свято-Владимирской Православной Богословской Академии в Нью-Йорке, оставаясь на этой должности до перевода на кафедру в Сан-Франциско в 1950 году.

Епископ Иоанн предпринимает ряд активных административных начинаний, принимает участие как делегат Американской Митрополии в главных экуменических конференциях, заведует Южно-Американской епархией и заграничными делами Митрополии. Продолжают выходить его богословские труды, которые издаются также в переводе на английский, немецкий сербский, итальянский и японский языки. А с 1953 года отсюда, с Американского материка, еженедельно несет радиоволна его голос к любимой России, в духовное возрождении которой он верил всю свою жизнь и ради которого очень много сделал вплоть до завершения своего земного пути в 1989 году. Теперь настал черед нашего ответного отклика любви. Уже выпущен в свет издательством «Святой остров» в Петрозаводске сборник избранных религиозных и литературных трудов архиепископа Иоанна. Готовятся к публикации и другие издания. Мы также считаем своим долгом познакомить нашего читателя с Богодвдохновенным творчеством этого замечательного пастыря, философа, поэта, с духовным миром одной из самых ярких личностей нашей русской духовной культуры. Предлагаем Вашему вниманию произведения разных лет, изданные ранее в Нью-Йорке и в Париже, и до сих пор неведомые читателю бывшего СССР.

Архиепископ САН-ФРАНЦИССКИЙ ИОАНН (ШАХОВСКОЙ)

Из книги «ВЕРА И ДОСТОВЕРНОСТЬ»

ВОПРОСЫ ВОЦЕРКОВЛЕНИЯ В ДУХЕ И ИСТИНЕ (Дневник священника)

Как должны быть внимательны священники при подаче благословения верным!

(«Моя жизнь во Христе» о. Иоанн Кронштадтский)

Иерейское благословение

Чудно и свято всякое благословение. Оно — знак того мира. Оно — искра Царствия Божия, уже летящая здесь по земле. Блажен священник дающий эту искру, блажен мирянин, зажигающийся ею...

Но одно должно быть здесь несомненно: благословение — подача Духа и Истины, само должно совершаться в Духе и Истине. Всегда ли оно в них совершается? Ответим искренно: далеко не всегда. И плоды налицо: отсутствие благословения в жизни большинства верующих — развал страны, развал семьи, развал душ. (Механизация благословения не только одна из причин расцерковления общества, но и очень плохой симптом для этого общества. Отход Духа Святого).

Скажу, как священник, про себя: не всегда я даю благословение как надо, спешу дать поцеловать свою руку мирянину, ищущему от меня благословения. И не могу не видеть вокруг, что священническое православное благословение руки обратилось в картину внешнего быта, в форму церковного «приличия»... И оттого некоторые чуткие миряне избегают его (вне храма). Действительно, оно стало, в подавляющем большинстве случаев механическим либо для подающего, либо для принимающего... И — часто — для них обоих. И потому плохо и мало освящаемся мы. Только гневим Бога, Источника освящений.

Мы, священники, нередко видим, как миряне, вместо того, чтобы класть на себя благоговейное крестное знанение — «чистят пуговицу», небрежно машут рукой перед собою. Но мы, часто сами «машем» рукой, вместо крепкого благоговейного, сосредоточенного иерейского благословения. Отчасти конечно, мешает нам здесь и то, что миряне обычно спешат поцеловать нам руку, сами не думая о самом важном для них, о действии благословения. Поддаваясь этому «светскому» благословению, мы, осеняя Крестом — Животворящей Смертию Христовой, иногда говорим какую-нибудь шутливую фразу, или «приятно» улыбаемся — не ужасаясь исходящей от Честного Креста Силы... И получается вместо священнодействия, которое должно освятить жизнь — явление быта и быта плохого, идущего в разрез с евангельской заповедью.

Чуткие свидетели благословений руки о. Иоанна Кронштадтского замечали, что когда батюшка благословлял, лицо его сразу изменялось, приобретало трепет и благоговеинство, даже когда подходили к нему за благословением во время какого нибудь его живого или даже веселого разговора. Конечно, батюшка, в это — даже внезапное — мгновение, уходил сейчас же «внутрь» себя, пред Лицо Бога, и давал свое благословение Духом и Истиною. И от такого благословения, конечно, великая сила небесная осеняла всякого с верою его принимающего. Оно было истинным. Сразу же сосредотачиваться о. Иоанн, конечно, мог легко, ибо постоянным трезвением приучил себя к непрестанному предстоянию пред Богом.

Нельзя не приветствовать желание некоторых священников отстранять от мирян лобзание руки, вне храма. Дабы весь центр внимания был перенесен на святость самого благословения. Внимания — как священника, так и мирянина.

О послушании Евангелию в одном вопросе

«Даром получили, даром давайте...» Всегда ли мы, пастыри, в сердце или фактически, даем «даром»? Один из самых болезненных вопросов моей пастырской практики, это желание мирянина меня непременно «отблагодарить» кредитной бумажкой, даже в храме, даже, когда я в облачении стою пред Крестом и Евангелием, а он пришел положить у подножья Распятого свою душу... И тут шелестит та ужасная бумажка, которая столько зла причинила и причиняет в мире, будучи, как будто, самой безобидной. Нет, положительно надо иметь не ближе притвора церковного кружку, куда бы тайно от глаз человеческих клали бы свою вещественную благодарность пастырю миряне. Те, кто бы хотел — даже вне всяких треб — от чистого и доброго сердца! А то, во что обращается наша великая благодать пастырства? Во что обращается то, что не имеет никакой цены (молитва). Если молитва «платная», она ничего не стоит (ноль), а сердечная, безкорыстная, по заповеди ап. Петра *(5,2)* стоит миллионов золота и даже больше... Таксы за молитву, дело — вопиюще нехристианское (деньги никак не могут быть условием молитвы!)... Звякание монеты у Св. Царских Врат, пред Св. Чашей («на теплоту» «косвенный» налог) — глубоко вредное явление... Господи, помоги отцам и братиям святой и истинной веры православной искоренить это пагубное зло, делающее нас духовно-бессильными, духовно мертвыми. Даруй, чтобы перестала в храме нашем звякать монета, заглушая ангельское пенье Твоей Церкви!

Из книги
«ПИСЬМА О ВЕЧНОМ И ВРЕМЕННОМ»

ВЕРА И ОТВЕТСТВЕННОСТЬ

Одна из трудностей жизни в том, что теряется ответственность людей: народов — за их деяния, супругов — за их семейную жизнь, человека — за свою веру. Многие хотели бы исключить из круга ответственности себя, свою партию, свой народ, свою церковь... Но менее всего могут быть исключены из этого круга верующие в истинного Бога. Только вера в идолов, потакая страстям и эгоизму, допускает безответственность. А вера в Живого Бога противостоит этому эгоизму, тем более

религиозному. Вера в Бога есть признание человеком своей не простой, а великой метафизической ответственности и за свою жизнь, и за жизнь окружающих. Евангельская притча о Милосердном Самарянине, о лежащем на дороге израненном человеке и бесчувственных служителях веры, достаточно ясно показывает характер этой ответственности. В наивысшей своей форме она проявилась в апостолах, принявших *ответственность за весь мир, ради* возвещаемой истины.

В русской церкви этот дух осуществлялся и оптинскими старцами и о. Иоанном Кронштадтским. О. Иоанн молился не только за одних православных, но молился даже за нехристиан, исцеляя и их своей молитвой. Истина всегда сочетается с милостью. И где нет милости к человеку, там нет, конечно, и истины.

Верующие всего мира — и православные тоже — нередко претыкаются о то же самое, обо что преткнулся в притче евангельской сын Милостивого Отца. Этот старший сын «никогда не оставлял Отца»; он всегда «трудился в доме Отца»... Но вот оказалось, что внимание Отца сосредоточилось не на нем, а на блудном его брате, грешнике... и здесь начинается трагедия неистинной праведности. Дом такой праведности рушится под ледяной глыбой зависти. И мы видим, как «старшие сыны» (их уже набралось порядочно в истории!) не только завидуют милостям Отца к грешникам, но готовы уже заранее оспорить даже самое право Небесного Отца на милость к тем, кто, по мнению этих «старших сынов», не заслуживает милости. И ложная эта праведность обращается в подлинное богоборчество. Это относится особенно к новозаветному времени, так как во Христе открылась вся полнота истины и вся полнота милосердия. Человек, ощущающий себя «спасенным», «близким к Богу», но не в милости Божией, в своей собственной праведности, конечно, будет инквизитором. И, мы видим, мир наполняется «великими» и «малыми» инквизиторами, которые смотрят на свою веру, как на свою привилегированность и, даже, как на свою власть, — не как на свою ответственность.

Мысль о вере как ответственности легла в основание моей статьи «О нерелигиозном использовании религии», опубликованной в Нью-Йорке 29 ноября 1953 года.

...Уточню те ценности, которые я защищал.

Никакой теоретической веры человека, *отделенной от Благодати Божьей*, нельзя признать достаточной для спасения. Даже самая богословски верно выраженная вера, если она только отвлеченно существует в уме человека, не может быть

признана «достаточной для спасения». Спасение души человеческой, вход ее в Царство Божие, зависит лишь от власти, силы и милости Единого Великого Живого Бога, открывшегося во Отце, Сыне и Святом Духе, сотворившего человека не для гибели, а для бессмертия... И ничто человеческое ни в чем не в силах себя спасти для вечности. От человека, в деле спасения, — только свобода приятия Божьего Духа, свобода раскрытия себя, в сыновстве пред Богом. Спасает только Бог и лишь того человека, который не противится Его Духу, но открывается Ему, возлюбляет Его, Его правду.

Человек спасается верой, но не одной только верой, — «и бесы веруют, и трепещут» (*Иак. II, 19*), но «верой действующей любовью» (*Гал. V, 6*), принятием Христовой Жизни — в свою жизнь. Вера, хотя бы и совершенно православная, но только отвлеченная, не может спасти душу потому, что «вера без дел мертва» (*Иак. II, 20*). Добрыми делами своими тоже, как бы велики и широки они не были, человек еще не может войти в Божью вечность, если эти дела не ведут к созреванию души в Боге, не являются действием самой Божественной в человеке Жизни, плодами истинного в нем Духа. Можно ведь творить и фальшиво-добрые дела и говорить фальшиво-религиозные слова, ради самопрославления и корысти. Творец от человека ожидает веры, не как «признания» только его существования, но как органического раскрытия сердца, воли и разума Божественной Жизни, освящающей и спасающей... Такова сущность православного учения об органическом спасении человека.

Исходя из этой веры, нельзя предвосхищать Суд Божий ни над какой душой (в частности, и покойного З.), ни в сторону оправдания какой-либо души и провозглашения ее спасения, ни в сторону возвещения ее гибели духовной; ни, еще менее, конечно, в сторону ее проклятия. Я человек земной и не знаю последних тайн Божьего Суда; но у меня есть некая утешительная для меня надежда, основание которой вижу в свидетельстве Слова Божьего и в определенных душевных чертах почившего человека, а также в силе, в реальности молитв к Богу небесной и земной Церкви и приношений евхаристических, которые идут не только за праведных людей, но и за грешных, и даже за тех, кто сами себя считают праведными, т.е. за самых грешных; тем более сильны молитвы Церкви за грешников смиренных, за все взыскиваемое, погибающее в неведении греха и слепоты своей творение... В статье своей я высказал уповательную веру в то, что на пороге вечности и такая душа, как покойного З., *может*

быть узнала Спасителя своего Христа... Моя надежда Христос, Господь, только Он, Единая «Дверь» *(Иоан. X)*.

Надежда на конечное спасение того или иного человека, созданного по образу Божию, всегда законна. Св. Григорий Нисский надеялся на гораздо большее — на конечное спасение вообще всех людей, всего творения Божьего. И Церковь не осудила его за такое дерзание его надежды. Я надеюсь на меньшее, на «спасение как бы из огня» *(I Кор. III, 15)* всех добрых и скромных людей во всех народах, которые в своей земной жизни любили Любовь. Какими бы крохами любви не питались эти люди с небесного стола, всякая крошка эта была питательна. Церковь не осуждает великие надежды. Неисчислимые молитвы небесной и земной Церкви идут к Богу о грешниках и духовных слепцах мира. Жертва Голгофская «о всех и за вся» приносится на всех престолах Церкви. Вот какие слова Церковь возносит к Богу на литургии Св. Василия Великого: «...Благие в благости соблюди, лукавые благи сотвори благостью Твоею... расточенные собери, прельщенные обрати и совокупи Святой Твоей Соборной и апостольской Церкви, стужаемые от духов нечистых свободи... Помяни Господи и всех требующих великого Твоего благоутробия и любящих нас и ненавидящих... Ты бо еси, Господи, помощь беспомощным, надежда безнадежным, обуреваемым Спаситель... Сам всем вся буди...»

Эта евхаристическая молитва Церкви указывает путь не только молитвам, но и чувствам человеческим.

Надежда, которую я высказывал, в отношении покойного З., основана, конечно, не на вере в абстрактную идею «Высшего Добра» (это было бы абсурдно), — под понятием «Высшего Добра» может, в искривленном и омраченном сознании, скрываться все, что угодно, хотя для ума прозревающего под этим понятием скрывается Божья истина. Сам Живой Творец есть Высшее, Самое Высочайшее Добро, которое только может человек себе представить! И — Высшая Правда, Высшая Святыня, Высшая Чистота, Высшая Любовь, все высшее и доброе. И Христово, евангельское Добро может справедливо быть названо самым Высшим. Но, как отвлеченный и Живого Бога желающий заменить термин «Высшего Добра» не годится. Он не может внутренне определить путей ни всего человечества, ни отдельного человека. Он не дает никакого критерия для добра, полагаясь лишь на естественные чувства человека. Но к каким извращениям «правды» и «добра» может привести философия естественных чувств без компаса свыше мы знаем все в наши дни. Мы видим, как зло часто надевает маску Добра и пытается

даже надеть маску «Высшего Добра». Сам по себе этот термин не совершенен, но и издеваться над ним нельзя. Господь, Живой Бог выше всех человеческих именований, но все высшие нравственные состояния человека, в их беспредельности, принадлежат и Самому Богу, — Отцовство, Святость, Чистота, Милосердие, Правда, Справедливость, Благость, Чистота, Любовь и иные, суть и Божественные свойства, выражаемые на слабом человеческом языке.

Евангелие советует каждому из нас садиться на последнее место. Наша православная надежда в отношении нас самих дальше простираться не может — «...садись на последнее место» (*Лук. XIV, 10*). Ясны слова Спасителя. Позиция несчастных гордецов плачевна; не соответствуя заповеди, данной Христом, она свидетельствует о далекости от духа Христова гордящегося человека. А «кто Духа Христова не имеет, тот и не Его» (*Рим. VIII, 9*). Ни православное имя, ни священство, ни архиерейство, ни даже мученичество не дает права надеяться на спасение через такое душевное устроение, которое открывалось в статье, по поводу которой я высказался. Сколько-нибудь чутким ко Христову Духу людям это ясно. Всем нам в мире надо стоять, как в Храме Господнем, не смея глаз поднять к небу. И если *бить в грудь, то — себя только, а не ближнего*, — тем более не того, который уже пошел на последний Божий Суд.

Пастыри и благовестники Церкви посылаются звать многих людей к покаянию и спасению. Но слово их может быть плодоносным только, если они будут помнить слова Господа: «...Хочу дать этому последнему то же, что и тебе» (*Матф. XX, 14*)... И если эти слова будут утешением для них.

Духовное завещание человека, отказывающегося от христианского погребения, не есть еще его последнее слово и дело жизни. Естественно нам видеть всю скорбность этого желания в жизни крещеного Церковью человека. Это есть грозный симптом. Но этот грозный симптом не только для того почившего, но и для нас, пастырей Церкви, его окружавших. Ранее мы не смогли утвердить его в вере; потом мы не вернули Богу потерянную овцу.

Велика тайна посмертных путей человека... Этой Тайны надо бережно касаться. Ничего нельзя здесь, категорически, ни утверждать, ни отрицать, в отношении той или другой души, пошедшей на Божий Суд. Зная по своему собственному примеру слабость и недостоинство некоторых пастырей Церкви, я вполне могу допустить, считаю справедливым и это допустить, что кто-нибудь из нас, служителей Церкви, окажется виновен в

завещании З. больше, чем он сам. Все мы друг за друга виновны по закону Христову, как это глубоко и справедливо видел Достоевский... Мысль эта опять может не понравиться некоторым. Но ни для кого, ни для нас самих, не секрет, что мы — пастыри, мы — «верующие», мы — «христиане» иногда стоим перед неверующими в мире не как открытая для них дверь в Царство Небесное, а как дверь закрытая и даже захлопнутая. Оттого при отказе какого-нибудь крещеного человека от христианского погребения надо не гневаться на него и не бушевать, а тихо плакать. Плакать о почившем и о себе... Многие «верующие» ответят за неверие «неверующих»! Многие не-самоубийцы ответят за самоубийц! За то, что довели, за то, что не удержали, за то, что не помогли, за то, что душу свою не положили за них...

«Высшее Добро» — расплывчатое и несовершенное понятие. Трудно даже представить себе, как вообще можно верить в это вместо Живого Бога и Евангелия. Как можно верить в свечку, когда есть Солнце?! В свечку такую можно верить только по слепоте, по недоразумению, по искушению... Даже слово Бог, взятое лишь отвлеченно, недостаточно для понимания Бога и выражения истинной веры. «Деизм» не есть вера в Живого Бога. Вера истинная выражена в 10 Заповедях данных Моисею, в словах Евангельских и апостольском, святоотеческом Символе. Но и православное выражение Символа веры не есть еще сама вера, человеком усвоенная, как спасение. Веру надо еще усвоить в жизни. Усвоение же истинной веры есть открытие души к Богу и всежизненное пленение Им. Лишь через послушание сердца человека Духу Христову вера входит в жизнь человека как великий дар Божий, меняет слух, зрение, ум, волю человека и воскрешает его во Христе, и несет к жизни вечной... Спасает только такая вера.

Нельзя спастись вне Логоса Божественного и Церкви, как Его Тела. Церковь есть Царство Слова, Логоса, Агнца Божия. Вне этого Царства нет Вечной Жизни. Но невозможно, даже кощунственно, предвосхищение Божьего Суда над какой-либо душой, даже самой грешной. Тайна спасения только в руках Божьих. И лишь в отдельных случаях она открывается Церкви Самим Господом, у Которого «ключи ада и смерти» *(Откр. I, 18)*.

Некоторые, кажущиеся неверующими, может быть втайне веруют в правду Христову, как-то таинственно уже принадлежат к ней, любят ее, как евангельский Никодим, и идут к ней, хотя и не сознаются в этом перед окружающими и даже, может быть, перед собою...

З. мне пришлось знать только в последние годы. Он иногда приходил ко мне беседовать на 2-ую улицу в Нью-Йорке до моего переезда в Сан Франциско. Вернувшись из своего кругосветного путешествия в Нью-Йорк прошлой осенью и узнав, что он опасно заболел и стоит перед операцией, я позвонил ему. Он оказался дома; кажется, на следующий день ложился в больницу. Телефонный разговор наш был не долог, но как-то многозначителен. Я высказал ему одну мысль, на что он ответил мне буквально следующее: «...вот и К-в (имя одного писателя) говорит, что я верую в Бога»... В голосе его не было твердой уверенности в этом, но слышалось что-то затаенное... Может быть это была его надежда на веру.

Мне вспоминается, в связи с этим, один случай из моей пастырской жизни. Пришла однажды ко мне для беседы одна женщина и стала горько жаловаться на то, что «у ней нет веры в Бога», что она «в Бога не верит». В разговоре же выяснилось, что она, в молитвах своих, слезно Богу изливает эту скорбь и, горько плача, рассказывает Ему о своем неверии... Это один из примеров евангельской нищеты духа. Женщина эта не знала, что у ней уже очень глубокая вера; более того, сильная уже любовь к Богу... Нищету духа перестают как-то люди понимать в мире. И все меньше делают ее основой своего отношения к жизни, и своей и другого человека.

Знаю еще случай, подтверждающий веру Церкви и ценность неформального, духовного, бережного подхода к тайне спасения человеческой души. К одному пастырю в Европе — это было в середине тридцатых годов — обратилась одна известная пианистка М., с просьбой отслужить панихиду. На записке, которую она подала, стояло только одно имя: Авель. Священник помолился. После он услышал такой рассказ. Тот, о ком его просила помолиться прихожанка, был Авель Енукидзе, известный член ЦК коммунистической партии. Енукидзе покровительствовал людям искусства, и только благодаря его помощи М. со своей семьей смогла выехать из Советского Союза в тридцатых годах. И вот что она рассказала священнику: «Когда я перед самым отъездом из Москвы в последний раз была в кремлевском кабинете Енукидзе, чтобы поблагодарить его за все сделанное им для меня и моей семьи и, простившись, уже собиралась уходить, он как-то особенно посмотрел на меня и сказал буквально следующее: "я знаю, что вы человек верующий... если вы что-нибудь услышите обо мне, помолитесь"... Я узнала о его расстреле и вот исполнила его просьбу». Этот случай достоверен. И вот что он показывает: крушение всех жизненных

планов человеческих ведет в некоторых, даже далеко отошедших от Дома Отчего, душах к осознанию призрачности преходящих благ земли и целей земных; и это сознание нередко вызывает смягчение и смирение, раскрытие перед Богом души, в которой за ее заскорузлостью, неверием или одержимостью ложной идеей была хоть капля искреннего добра... И «краски варварские», по выражению Пушкина, тогда «спадают ветхой чешуей» с души человека и она обретает свободу и даже радость познания истины.

Мы не знаем, что творилось в бесчисленных душах тех «партийцев» и офицеров Красной армии, которые, проходя через одиночки тюрьмы, исчезали многими тысячами с лица земли. И никто не знает даже их могил. Только молитвы их любивших шли и еще идут за них к небу. Сколько среди них, этих несчастных, воистину, русских людей, оказалось «благоразумных разбойников» и сколько осталось «неблагоразумных», не поднявших ни одного молитвенного вздоха к небу? Один Господь знает это все... Но радость на небесах бывает большая об одном каящемся грешнике, чем о 99 праведниках, не имеющих нужды в покаянии. И нам, внимающим Слову Божию, надо понимать эту небесную радость. Если древняя библейская вера человека доходила до мысли, что «в погибели несчастливых радование», то отношение христиан к погибели нечестивых имеет еще и сторону глубочайшей печали *о несовершившейся этой высшей радости неба*... Преп. Исаак Сирин дает удивительную картину души очищенной, смягченной, умиленной близостью Божьей; эта душа получает дар милосердствовать о всем творении.

Я не верю в формалистическую, юридическую идею спасения. Даже католическая церковь от нее уже отказывается, допуская, что «и протестанты могут быть спасенными», т.е. мысля спасение не вне Церкви, конечно, а в некоей *Тайне Церкви*. И у евангелистов, и у ап. Павла, и в Откровении Иоанна Богослова эта тайна спасения созерцается в ее удивительном великолепии, как великий гимн творения.

Вслед за отцом православной веры Св. Афанасием Александрийским я верю в органическое спасение людей в Церкви Христовой. И вместе с Блаженным Августином я верую, что не все те души, которые сейчас находятся «в сети» Церкви, будут вынуты на брег Царства Небесного (дающие ложное лобзание Христу, будут извергнуты из этой спасительной сети); некоторые же из тех, которых сейчас нет в сети Христовой, войдут в нее и будут вынуты на брег Божьей вечности. Это вера

светоотеческая. Об истине ее говорят и первохристианские пророческие созерцания Св. Ермы. Спасение в руках Того, Кто «пришел не погубить, а спасти» Свое творение, — Кто «трости надломленной не переломит и льна курящегося не угасит» *(Матф. XII, 20)*.

Обращаясь к фарисеям и книжникам, прекрасно знавшим о *Боге*, но не знавшим *Бога*, Господь сказал: «мытари и блудницы вперед вас идут в Царство Божие» *(Матф. XXI, 31)*. Нет ничего труднее для некоторых понять эту мысль. Но она ясна, и непонятно, почему некоторые так смущаются, негодуют и соблазняются, думая, что эта мысль ослабляет правоверие. Казалось бы, нужно радоваться такой ослепительной истине!

Господь, Отец, всех сотворивший, отвергнет лишь сознательно сопротивляющихся Ему бесов и подобных бесам, по злобе и лукавству, нераскаянных людей... Явных же и тайных своих последователей Он примет... Кого утром, кого в полдень, кого под вечер и даже в полночь, в последнюю минуту... Если земная мать с великой любовью печется и болезнует о чадах своих, сколь более — сотворивший людей Господь. Он не желает ничьей вечной гибели! Он — «Пастырь Добрый». И истинно — Высшее Добро есть добро этого пастырства.

Всякое превозношение правоверием, всякое самоутверждение праведности, тем более дерзкое предвосхищение Божьего Суда, да еще с проклятиями вслед усопшим (и даже «утробам их матерей, и сосцам, которые их питали»), — есть ужасная духовная болезнь, мрак духа, сгущающийся легче всего там, где есть смешение политики и религии, борьбы духовной с борьбой плотской.

Соблазн антихристианского лжеправоверия очевиден. И это — не мнимый соблазн, происходящий от остро выражаемой в мире истины, но соблазн затворения дверей истины.

Обличать не-кающихся имеет право лишь тот, кто сам исполнен покаяния перед Богом и чувства своей ответственности. Обличать нам, христианам, надо, прежде всего (а, может быть, и только), самих себя. Это советует апостол: «внешних же», говорит он, «судит Бог» *(I Кор. V, 13)*. И считать такой подход оправданием внецерковности так же нельзя, как нельзя видеть оправдания неверующих в призыве к покаянию, обращенном к верующим людям. Это очевидно. Но мы привыкли партийно смотреть на все, даже на Церковь. И тот, кто нападает на Церковь за грехи церковников, смотрит на нее партийно и тот, кто нецерковно защищает Церковь, как что-то «свое». Церковь

не «нашап! Она — Божия. Не нам принадлежит истина веры, но мы сами можем, если будем покаянны, принадлежать ей.

Ангелу Сардийской Церкви сказано: «знаю твои дела; ты носишь имя, будто жив, но ты мертв... Вспомни, что ты принял и слышал, и храни и покайся. Если же не будешь бодрствовать, то я найду на тебя, как тать, и ты не узнаешь, в который час найду на тебя» *(Откр. III, 1, 3)*. Это к предстоятелю Церкви обращение, а не к язычникам или иудеям. А вот слово к другой Церкви, Лаодикийской, через ее предстоятеля: «Знаю твои дела; ты ни холоден, ни горяч; о, если бы ты был холоден или горяч! Но как ты тепл, а не горяч и не холоден, то я извергну тебя из уст Моих» *(Откр.III, 15, 16)*. Это тоже не о язычниках речь, или иудеях, — это обращение к православным. Православные не могут огорчаться на меня за то, что я говорю более об их покаянии, чем о покаянии людей нецерковных. Они знают, что не всякий грех «внешних» людей, не всякое беззаконие мира верующих имеет святую власть и сыновнее право — обнажить самое острое оружие правды: покаянное стояние перед Богом.

К 50-летию со дня добровольной мученической кончины в газовой камере концлагеря Равенсбрюк монахини Марии (Скобцевой)

МАТЬ МАРИЯ

«Мать Мария» — так озаглавлена книга ее памяти — «Стихотворения, поэмы, мистерии, воспоминания об аресте и лагере Равенсбрюк». Немного ниже этого подзаголовка на обложке овал, а в овале второй овал чуть склоненной на бок головы женщины в черной косынке (монашеский «апостольник»). Большой, «умный» лоб, очки, во всей фигуре какая-то напряженность, ожидание чего-то... И в этом совершенно особом своеобразном ожидании мать Мария провела всю свою жизнь. Есть в мире ожидания созерцательное, пассивное (картина Рериха «Вечное ожидание»). У матери Марии было творческое, кипящее, активное ожидание, всею силой воли устремленное к ожидаемому...

Молодость, поэзия, революционные кружки, первая книга стихов (1916) с характерным заглавием «Руфь». Первое замужество... Думские круги, революция... Этот период жизни матери Марии мне мало знаком.

Первая встреча с ней была в двадцатых годах в Париже в доме «Движения» на Монпарнассе. Елизавета Юрьевна Скобцова (фамилия ее второго мужа) — энергичный работник Русского Студенческого Христианского Движения. Широкое лицо ее, — доброе и твердое, волевое, — щурящиеся близорукие глаза, речь почти всегда быстрая, с легкой — такой характерной для русских интеллигентных людей — тонкой улыбкой пренебрежения к своей очень серьезной и значительной теме; папиросный дым — спутник напряженных мыслей, скрываемых волнений и ожиданий.

В тридцатых годах Елизавета Юрьевна постриглась и основала «Православное Дело». В сущности это что-то вроде «Общего Дела» философа Н. Ф. Федорова, то же «воскрешение мертвецов». Только у Федорова речь идет о всех мертвых прошлого, а мать Мария воскрешает современных. Прежде всего она хотела воскресить монашество. Она жадно выискивала еще до своего пострига в житиях святых человеческие черточки и примеры самоотвержения подвига «в миру», служение Богу через мир и в мире; она перелагала этот материал на современный язык (ее сборнички: «Жатва Духа»).

После, на своем монашеском примере, она захотела осуществить свою затаенную мысль о полном самопожертвовании инока служению ближним, об освобождении его от всего «условного», «византийского», о возвращении его к примитивной простоте религиозного вдохновения. Иногда мне кажется, что она специально только для этого приняла постриг, чтоб показать все это на своем жизненном примере, доказать возможность этого в Церкви и нужность. Свой клобук она сняла сейчас же после пострига и уже остается почти всегда в одной черной косынке — «апостольнике», — не по уставу сдвинутой к затылку. Сущность ею начатого «Православного Дела» можно было бы охарактеризовать, как попытку создания социального христианства, «социального монашества». Мать Мария была, конечно, права в стремлении (не просто стремлении, а в огненном стремлении) обратить себя, как часть Церкви, ко всем обездоленным в мире. В этом была вся простота и высота ее программы, вся правда ее человеческого и диаконисского служения, ибо она, конечно,

была восстановительницей в иноческой форме древнего прицерковного служения «диаконисс». Но горячая, неудержимая натура ее внесла в это служение и долю своего общего социального (даже революционного) протеста против «бытовой тины» мира и всей мировой нравственной недостаточности. Можно справедливо сказать, что служение матери Марии было даже не социальным, а каким-то все время вызывающе пророческим. Она ворочала тысячелетние камни «уклада», она боролась с «бытом», «с условностями». Конечно, прежде всего она бросилась кормить голодных. Ее материнский инстинкт, не насыщенный двумя прекрасными детьми, обратился ко всему миру, особенно к миру бездомному, бедному, отверженному, умалишенному, пьяному. Здесь, в помощи этому миру она была подлинным поэтом. Она не имела высшего наслаждения, как что-то сделать для «опустившегося на дно» человека. Всех этих «ночующих под мостами Сены» она пытается накормить и без поучений образумить. Устраивает общежития для одиноких и бедных женщин. Столовая при ее общежитии всегда полна бедных. Мать Мария ездит в район большого парижского рынка и там получает остатки бросаемых овощей и всякую подобную отверженную снедь. Из этого отверженного торговцами она готовит еду для «отверженных» миром людей...

В один из своих приездов в Париж я вижу мать Марию увлеченной еще одним действительно замечательным делом: она предприняла освобождение ряда здоровых, в сущности, людей, оставленных (за неимением родных) в домах умалишенных. Исследовав казенные психиатрические лечебницы в разных местах Франции, она увидела там много «забытых миром» русских людей, для освобождения которых нужно было только взять их кому-нибудь на поруки... Она стала их освобождать. Это дело было, может быть, высшим осуществлением «социального христианства» матери Марии.

Она посещает христианские конференции молодежи, ездит в балтийские страны, выступает, читает лекции, участвует в религиозных прениях, укрепляет в вере людей, организует в Париже беседы с литераторами и поэтами при помощи одного из ближайших помощников своих, известного зарубежного литературного критика К. В. Мочульского. В ее общежитии на рю Лурмель, в 15-ом арондисменте Парижа, где живут русские, калейдоскопом проходит все, что только можно сделать для ближнего, и все, кому что-то можно сделать. Там есть храм (бывший гараж), столовая, убежище для одиноких, престарелых, «психи-

чески-амбулаторных», прием «опустившихся»; лекции на темы чисто религиозные и смешанные с философией, наукой, искусством и социальными проблемами; кружки — лаборатория новых рецептов «социального христианства»...

Мать Мария сидит и всегда что-нибудь делает во время разговора; обычно — вяжет или штопает. Стекла очков поблескивают, глаза тоже. Умно и охотно говорит мать Мария. Апостольник совсем на затылке, «не по уставу»; речь всегда меткая, затаенно порывистая, словно облегчающая себя в высказывании. Улыбка добрая, но когда речь заходит о каких-либо действиях или мнениях «традиционной» общественности, сквозь пророка начинает искриться общественный деятель. Это травма, — благородная, конечно, травма неизжитой молодости. В этом отношении мать Мария оставалась молодой, моложе своего человеческого опыта, своего чина, моложе своей христианской всеобъемлющей любви. И этот политический душок, романтическая «душа прошлого» мешала бедной матери Марии быть матерью для всех, совершенно для всех, к чему она стремилась, чего она так хотела... Очищение от нелюбви к последнему своему врагу — социальному («недругу по социальной философии», как сказал бы Бердяев) — по-видимому свершилось во время последней ее агонии в лагере Равенсбрюк. «Недруг по социальной философии», я думаю, для матери Марии был единственным недругом и ее лично, и всего мира... Какая удивительная метафизическая логика в ее последних страданиях.

Она была из тех людей, кто в жизни бравировал, манифестировал, демонстративно подчеркивал свое несогласие — со злом, конечно. Она была из тех, которые с упоением исповедовали. Главная слабость этих людей — выбор наиболее рискованного... Воля, сильная и добрая, брызжет из матери Марии. Сверкающие брызги воли летят из ее слов, дел, поступков, планов...

Какой иной могла быть ее позиция в Париже во время немецкой оккупации, как не всецелая, упоительная, вызывающая, приглашающая на единоборство, социально-манифестационная, исповедническая, демонстративная помощь евреям. Если для некоторых христианских душ и пастырей в Германии было внутренней необходимостью иногда хоть немного посидеть в берлинских скверах на желтой скамье для не-арийцев или оказать особое внимание обреченному бледному человеку, идущему по улице с желтой звездой на груди, то сколь более матери Марии в Париже было необходимо не только себя, но и свое

«Православное Дело» отдать в это время на анти-антисемитскую положительную помощь евреям. Отличие нацистского гонения на евреев от прежних исторических было в том, что «христианство» еврея теперь не спасало; оно его не делало «арийцем»...

Такое христианство — героическое, сопряженное со страданием и опасностью — было двигателем и существом матери Марии. Никакое другое христианство ее не интересовало. И вот она «предпринимает» нечто со своими будущими со-мучениками — с отцом Дмитрием Клепининым, с сыном своим Юрием и другими... Кого-то стала сразу спасать, кому-то организовывать спасение, облегчение... На этом именно и на общей ее, конечно, гражданской оппозиции «нацистскому режиму» закончилась предпоследняя жизненная страница матери Марии и началась последняя.

«Мне хочется представить себе — говорит мать Мария в одной своей религиозно-философской статье — некий мир народившихся душ, некую фантастическую возможность сознательно живущего утробного человечества. Каждый младенец в утробе своей матери по этому представлению имеет некоторое сознание того, что его окружает, некое даже философствующее представление о смысле своей утробной жизни, и существует, так сказать даже и некоторое коллективное сознание утробных младенцев. Они чувствуют свой физический рост, поступательное движение развития, они питаются, они двигаются, они лично воспринимают усталость или болезнь матери, им бывает легче или труднее жить, — в их утробной жизни возможны очень определенные несправедливости, — одному лучше, чем другому, один несчастнее другого. Но перед ними всеми стоит одно, что определяет их судьбу, что является самой безграничной трагедией для всего утробного мира: они должны родиться. Они знают, что это значит: в пределах их жизни это значит, в первую очередь, ничем не оправдываемое страдание. В самом деле, если рождение ребенка так мучительно для сильного, развитого, хорошо защищенного организма матери, то совершенно ясно, что только отсутствие сознания не делает рождения для ребенка совершенно непомерным, ни с чем не сравнимым страданием. Черепные кости деформируются, он задыхается, первый вздох режет его легкие, как острый нож. И к этому же это рождение, опять-таки, может индивидуализироваться, быть более счастливым или более тяжким. Одно в нем несомненно: известное опытом изученной утробной жизни младенца уходит в неизвестное, а может быть даже в ничто, —

потому что какие у него доказательства, что после конца его утробного существования будет еще что-то, а не просто черная пустота, какие доказательства, что он действительно должен родиться для новой жизни, а не только умереть для старой утробной. Если бы было, в действительности, какое-то коллективное сознание утробных младенцев, то они воспринимали бы рождение одного из них как уход от общей жизни, как выбывание, т.е. как смерть. Для утробной жизни родившийся умер, в ней его больше нет, она понесла утрату. О дальнейшем можно только строить предположения, может быть она существует в каких-то иных формах бытия, а может быть его рождение увело его в полное небытие.

И можно себе представить некую нравственную бухгалтерию этого утробного мира, в которой будут подытожены обе страницы бухгалтерской книги, и будет по этому итогу ясно: страданий было много, гибель была мучительной, зачем это было — неизвестно, а может быть, и вообще незачем. И нет никакого оправдания этой муке, нет никакого смысла в ней, она сама в себе и собой исчерпывается. Более того, можно себе представить и нечто подобное сознанию Ивана Карамазова, который возвращает почтительнейше свой билет Богу, не желая принять предполагаемого блаженства земной жизни ценой муки рождения в нее.

Как апостол Павел сказал: «сеется тело душевное, восстает тело духовное», так тут можно перефразировать его и сказать: «сеется тело телесное, восстает тело душевное», в такую же неизвестность, в такое же как-бы небытие, через подобные же теснины рождения — смерть. Разница только в том, что тут мы допускаем возможность сознания, которого на самом деле в утробном мире нет, а потому нет и чувства зла и сострадания. Тело душевно претерпевает рождение, смерть, не сознавая этого, а потому не спрашивает, не ощущает никаких конфликтов, никакой трагедии, но ведь по существу она та же»...

Если мать Мария не сделалась писательницей, то лишь оттого, что была *слишком живущей* в этом мире; слишком интенсивны были ее рефлексы. Ее жизнь вся — полыхание. Это видно в стихах, слитно-отрывочных, громоздящих чувства, и мысли, и переживания.

Тот, Кто имеет право приказать,
Чьей воле я всегда была покорна,
Опять велел мне: «Ты должна назвать

Тут, на земле, средь вечной ночи черной,
То, что во тьме сверкает, как алмаз,
То плод дает сторицею, как зерна,
Упавшие на чернозем. Средь вас,
Из персти созданных, есть отблеск Славы,
Есть отблеск Красоты среди прикрас,
Есть нечто...»

(Псалом — «Похвала труду»)

И матерински говорит мать Мария: «Пусть сейчас в каком-то безумии и ребяческом легкомыслии материалисты объявляют все роковые вопросы уничтоженными, — пред ними остается только одно, — сегодня человек все разрешил, всему нашел правильный и справедливый исход, а завтра его раздавит автомобиль или он отравится тухлой рыбой, и от всей его справедливости и от всей его гармонии ничего не останется — холмик на кладбище или горсть пепла в крематории. Очень нужна тогда ему вся его справедливость. Смерть одарит его близких только одним этим нерешаемым вопросом: сама собою. И он уничтожит ответы на все другие вопросы и упрет человеческое сознание в неутоляемое отчаяние бессмыслицы, — и тогда он отвержется не только от Бога, но и от мира, и от себя, и от всего, и станет ничем...

Тут Эвклидов ум ничего разрешить не может; только вера способна дать нам ответ, но не вера в то, что Бог сможет бывшее сделать небывшим, не вера, которая в отчаянии толкается о гробовую крышку нашего земного неба, а только *вера, упраздняющая смерть*.

...И мы верим. И вот по силе нашей веры мы чувствуем, как смерть перестает быть смертью, как она становится рождением в вечность, как муки земные становятся муками нашего рождения. Иногда мы чувствуем приближение к нам часа этого благодатного рождения, что и мукам готовы сказать: «Усильтесь, испепелите меня, будьте невыносимыми, скорыми, беспощадными, потому что духовное тело хочет восстать, потому что я хочу родиться в вечность, потому что мне в этой поднебесной утробе уже тесно, потому что я хочу исполнить назначенное, потому что я хочу домой, к Отцу, — и все готова отдать и любыми муками заплатить за этот Отчий Дом моей вечности».

Книга, вышедшая в Париже, говорит об умученной земной жизни, о последнем «огненном испытании» духа и тела, о ее переходе в «Отчий Дом». Матерь Мария — образ подлинно человеческой души — встает перед нами со всей теплотой, присущей нашей жизни, которую не прервала, а только освободила от всего бессмыслия и бессилилия земного, всех мучительных подвигов, от всех человеческих непониманий, от всего человеческого несовершенства газовая комната лагеря Равенсбрюк.

Из книги
«ВРЕМЯ ВЕРЫ»

СЛАБОСТЬ И СИЛА ЧЕЛОВЕКА

Апостол Иаков так обратился к людям, слишком самоуверенным в своих человеческих планах:

«Теперь послушайте вы, говорящие: сегодня или завтра отправимся в такой-то город и проживем там один год и будем торговать и получать прибыль, вы, которые не знаете, что случится завтра: ибо что такое жизнь наша? Пар, являющийся на малое время и потом исчезающий. Вместо того, чтобы говорить если угодно будет Господу, и живы будем, то сделаем то или другое, вы, по своей надменности, тщеславитесь: всякое такое тщеславие есть зло» (*Иаков, IV*).

Казалось бы, это совершенно бесспорная истина, проверяемая на опыте каждого человека и каждого дня, — жизнь на земле есть «пар, являющийся на малое время». Можно ли строить слишком расчетливо жизнь на этом «паре»? Пар долго не держится, как к земная жизнь. Однако, расчеты человеческие обычно ведутся именно таким образом. В твердом убеждении своей прочности и непоколебимости, человек строит свою жизнь, борется, планирует, — не видя всей шаткости своей в мире, зависимости от непредвиденных обстоятельств, а за ними — всегда и во всем — от Бога. Бог есть хозяин видимого и невидимого бытия, настоящего и будущего (которое есть для нас уже мир невидимый). Мы, люди, так часто «тщеславимся» в своих планах и намерениях! И, вместо того, чтобы говорить, как советует апостол: «если угодно будет Господу и живы будем,

то сделаем то или другое», мы сразу, безапеляционно и самоуверенно говорим, что мы это — обязательно сделаем, то — построим и выполним, кого мы непременно победим и одолеем... «Всякое такое тщеславие есть зло»; ибо им мы Господа Бога устраняем из мира; и так как Господь Бог есть истинный Хозяин всего, то мы сами себя лишаем Его помощи и благословения. Да, слишком часто люди выражают эту неосновательную мысль, что их жизнь, успех и удача зависят только от них самих; и многие в мире даже хвалятся этим. Но таковые воззрения все время рушатся пред глазами всего мира; «неожиданные» болезни наступают на людей; стихийные бедствия, землетрясения, физические и психические — войны, от которых все страдают; быстрое разрушение, казалось бы, налаженных семейств и целых обществ, гордых правящих партий и могущественных государств; «преждевременные» (как люди выражаются) смерти, находят на человечество, невзирая на возраст людей, и льется поток людской чрез край этого мира — в вечность. Поколения за поколением исчезают и история прошлых веков остается, как сон, иногда, как кошмар человечества; старые и молодые люди отходят в безвестную даль, уходят неожиданно для окружающих, среди своих планов и начатых дел... Логика человеческих расчетов рушится все время. И нет вычислений, посредством которых можно было бы предвидеть будущий час и день каждого человека. Жизнь всех сохраняется лишь в Промысле Творца, и пределы каждого определяются только Им.

Но человек все легкомысленно повторяет свое старое заблуждение, которое было замечено и так хорошо выражено почти 20 веков назад: «сегодня или завтра отправимся в такой-то город, и проживем там один год»... и т.д. Неизменность житейской логики! Постоянство физических феноменов смены дня и ночи, прилива и отлива, всегдашняя горячность огня и холодность льда, — увлекает поверхностную мысль человека к выводу, что и его «завтра» и «послезавтра» с несомненностью и логичностью физических законов вытекают из его «сегодня»... Эту неосновательную мысль и ложную веру в постоянство и прочность земных ценностей и феноменов надо заменить истинной верой, в то, что люди, всегда и во всем зависят прежде всего от решений святой и великой воли Господней. «Если угодно будет Господу, и живы будем, то сделаем то или другое» — вот непогрешительная формула, относящаяся к нашему будущему, не только личному, но и всего человечества.

Если мы вытесним, хотя бы немного, из своего сознания это неестественное отношение к жизни, вытекающее только из нашего самомнения и самоуверенности, — мы сейчас же увидим всю невозможность и неразумность построений своего будущего только на таком песке, или лучше сказать паре, каковым является наша человеческая воля и наша физическая жизнь, — «Ибо что такое жизнь ваша, — пар, являющийся на малое время и потом исчезающий...»

Но вот, что удивительно; при всей своей слабости и смертности, человек есть, одновременно, и удивительная сила. Не физическая, не материальная, а духовная; огромная, духовно-созидательная, или огромная духовно-разрушительная сила. Человек покоряет горы и океаны, хозяйничает в недрах земли, утверждает свою власть над воздухом, строит быстро и столь же быстро разрушает многое. Будучи физически слабее, недолговечнее и несовершеннее, во многих отношениях, животных и даже растений, он господствует над ними... Откуда у человека такая власть над миром, среди его ничтожества? Откуда у него такая сила над стихиями, среди всей паутинности его жизни? Ответ один — от духа, — от невидимой глазами, его духовной сущности, драгоценной печати Высшего Разума в нем. Эту сущность и печать силы нездешней пытаются отрицать или, выводить ее существование из материи; однако, сама энергия и сила этого отрицания, в материалистах, идет не от их материи, а от их духа, — пусть слепого и больного, но духа, носящего в себе печать высшего мира.

МУДРОСТЬ ВЕРЫ

В Библии, в книге Иова, есть такие строки:

«Был день, когда пришли сыны Божьи предстать пред Господа. Пришел и враг рода человеческого, и когда Господь стал хвалить Иова, как непорочного, справедливого, богобоязненного человека, враг посмел сказать: "разве даром богобоязнен Иов», — не Ты ли кругом оградил его и дом его и все, что у него... Но простри руку Твою и коснись всего, что у него — благословит ли он Тебя?» И отдана была душа Иова на великое испытание. Вспомним лишь начало этого испытания. «Приходит вестник и говорит: волы пахали, и ослицы паслись подле них, как напали враги и взяли их, а юношей Иова убили»... Приходит другой к Иову вестник: огонь спалил имущество других его детей и их

самих... Что же Иов сделал, услышав об огне, спалившем его достояние, о врагах, убивших его близких? «Иов упал на землю, поклонился и сказал: наг я вышел из чрева матери моей, наг и возвращусь. Господь дал, Господь и взял, да будет Имя Господне благословенно». Таков был ответ Иова на все утраты, им понесенные: «Господь дал, Господь и взял, да будет имя Господне благословенно»! Чудный гимн Творцу исшел из уст Иова. «Во всем этом, — кратко добавляет его книга, — не согрешил Иов и не произнес ничего неразумного о Боге».

«Неразумное слово о Боге», — как часто его люди произносят в мире и среди своей беззаботности, и среди своих страданий. И это неразумное слово о Боге, Творце миров есть нечто более страшное, чем все бомбы, войны и пожары... Свое материальное имущество, свой жалкий скарб умеют спасать люди и легко заливают водой огонь, сжигающий их материальное благосостояние. Но когда раздается в устах человека роптливое, кощунственное слово, направленное против великого Творца и Бога, сколь многие люди молчат, не протестуют, не останавливают кощунства, не усмиряют безумия, не заливают огня неверия словом веры и разума.

Вера Иова о Боге озарила небо и землю. Пусть материальный огонь спалил его имущество, он озарил истребительным своим светом только малый клочок аравийской земли. А слово, исшедшее из уст праведного Иова, слово его бесконечной преданности Богу до сих пор горит среди человечества, во всех веках истории.

И когда мы хотим выразить самые лучшие, самые глубокие свои переживания, при потере чего-либо нам дорогого и ценного, мы говорим: «Господь дал, Господь и взял: да будет Имя Господне — благословенно»! И когда приближается к нам, неизбежный для каждого из нас, исход из этой земной краткой жизни, и мы готовимся отдать эту свою жизнь Тому, Кто нам ее дал, мы говорим: «Господь нам дал эту земную жизнь, — Он и берет ее. Да будет Имя Господне благословенно, — всегда и за все»!

Смотря открытыми глазами на жизнь, мы увидим, что все в ней содействует ко благу для того, кто ищет истинного блага. И чрез все открывается людям дверь просвещения и спасения. Радость и горе приходят к нам независимо от нас, но то и другое может быть ступенью для возвышения нашего духа. Все, что ни посылается нам совне, может или ближе подвинуть нас к Богу,

или увести от Него, в зависимости от нашего отношения к этому ниспосланному нам.

Веровать в Бога только при условии жизненных удобств и радостей, или среди только тяжких обстоятельств и небесных громов, — это еще несовершенная вера. Надо видеть божественную заботу о нашей бессмертной душе — и в радостях, и в трудностях жизни. Веровать в Бога — это значит во всем и всегда признавать силу, власть и мудрость Верховного Хозяина жизни, проводящего нас чрез мир, как чрез больницу и школу, для исцеления, научения, умудрения и спасения нашей бессмертной души.

К такому именно пониманию своих земных путей мы призваны. И лишь слепая мысль хочет объяснить все происходящее одним материалистическим рассуждением. Материальная сторона вещей существует; но это только одна сторона, и взятая сама по себе она ничего не объясняет. Выявите ли вы образ вашего друга, если про него скажете, что это «человек в серой одежде», — или это «человек среднего роста», «столько-то килограмм весящий»... «из таких-то химических элементов составленный»... Разве что-нибудь этим вы объясните в человеке? Нет. Но вы по-настоящему начнете открывать, показывать человека, если назовете его по имени, охарактеризуете его живую душу, создадите духовно верный его образ... То же и в отношении всех событий мира. Надо вникать в их «душу», надо уразумевать их смысл, всегда имеющий отношение к вечности, к плану Божественного замысла заботы Божьей о мире и человеке.

Это понял праведный Иов. И оттого его книга стала неисчерпаемым источником мудрости и вдохновения для человечества. Творец учит нас и радостью жизни и ее трудностью: трудностью жизни смягчает нашу эгоистическую волю и светлым утешением вдохновляет нас на борьбу за правду, справедливость, за мир и высшую жизнь.

О МОЛИТВЕ

Многие молятся... Прибегают к Богу в различные минуты своей жизни, — не только под влиянием тяжелых переживаний, но и в радости, от избытка светлых чувств. Нередко — в начале какого-либо дела; реже — в конце. Молятся внезапно, среди дня, устремляются к Создателю своему, в порыве благодарения или покаяния. Молятся методично, по утрам и ве-

черам. Более продолжительно — в храме. Когда придет вечерняя тишина или настанет утренний тихий час.

Разнообразны слова, с которыми человек обращается к Богу; многи оттенки чувств; различна сила устремления; несходна степень веры... А между тем, все человечество объединяет великая и страшная, по силе своей ответственности, молитва: самое высшее из доступных единений человечества. В этом незримом, но истинном единении единятся все возрасты и поколения, все осколки падшего и расколовшегося человечества, — люди разных народов, убеждений, мыслей, состояний. Все единятся между собою незримыми нитями в тайне молитвы.

Если мир не распался, еще стоит и держит на себе человека, это оттого, что со всех концов мира, со всех его гор и от всех его бездн поднимается чистая молитва к Богу, вздох восстановляемого творения.

Что такое молитва? Это — разговор с Богом. Люди почитают себя счастливыми и всю жизнь помнят случаи, когда им удается поговорить с каким-либо выдающимся, высоким по своему положению или таланту человеком, с мировым именем. Сколь более, казалось бы, должны люди ценить разговор с Тем, Кто создал всякую высоту и значительность в мире. Казалось бы, какой трепет подлинной радости должно было бы вызывать осознание возможности непосредственного обращения к Единому, Истинному Хозяину неба и земли... Но мало и очень глухо сознают люди эту близость Божию.

Что обычно ценится в молитве? Ценят возможность попросить что-нибудь у Хозяина всего. Избежать болезней, страданий, опасности, смерти — своей или близких людей. Ценят возможность получить какое-либо осязаемое благо, ценимое в мире: так называемое жизненное счастье, — мирную семью, близкого человека, хороших детей, удачно сложившуюся обстановку, приятную работу, здоровье, то или другое дело.

Но не только земные нужды одолевают человека и влекут к предстоянию пред Богом. Многие люди понимают, что все материальное надо крепко предавать в руки Божии, не слишком заботясь — даже в молитвах — о нем, выполняя лишь свои высшие задачи. Остальное все «приложится», сказал Господь. И, веря в это, многие люди верующие ищут и просят в молитве только ценностей духовных: самой молитвы, терпения, любви, кротости, смирения, веры, чистоты, правды. Просят узнать и услышать волю Божию и, услышав, исполнить ее. Во многом

уже, зная волю Божию, просят сил себе благодатных на исполнение этой воли.

Достойна всякого почитания высокая, не материальная цель молитвы. Особенно молитвы за других. Но и в материальных своих простых запросах люди, прибегающие к молитве, как дети, получают ее плод, хотя и не всегда тот, который они просят.

Самая же высокая молитва, которую не знаешь, какими словами и восхвалить, это — молитва, когда человек забывает все цели свои, даже самые высокие, горя одним желанием, как можно ближе придвинуться к Господу, положить к ногам Его голову свою, отдать все сердце свое. Это есть совершенная любовь и совершенная молитва. Когда хочется лишь Господом дышать, только Им жить. Его любить, укрываться в Его близости, в Его неизреченной любви.

Священным бескорыстием, исканием молитвы ради самой молитвы может быть наполнено всякое человеческое прошение к Богу, одухотворена и оправдана всякая молитва. Земной повод к ней есть лишь второстепенное, превходящее обстоятельство. Сердцем же и волей молитвы остается радость — поговорить, пообщаться, излить все тревоги, все сомнения, все радости свои — Единому, Вселюбящему, Премудрому и Всезнающему Отцу.

Лепет ребенка угоден Ему. Господь принимает все прошения человеческие, как бы малы и ничтожны они ни были, если сердце человеческое радуется и трепещет, предстоя пред Лицом Владыки. Все малое усовершается в этом предстоянии. Все несовершенное делается великим.

Не смущайтесь величиною или ничтожеством ваших прошений, но ищите, прежде всего, не то, что вы хотите просить, а Того, Кого вы хотите просить. Недостойны просьбы лишь тех, которые Господа меньше любят, чем ту вещь или дело, о которых они просят. Если же вы любите Господа больше всего, то благословенно всякое прошение ваше, и великое и малое, и всякая просьба ваша исполнится, а та, которая не исполнится, принесет большее благо, чем та, которая исполнится.

Представьте себе, что вы не видите очень близкого и любимого вами человека, общение с которым есть всегда радость для вас. Вы хотите его видеть, и возможно чаще, но обратиться к нему вы можете только если у вас есть какая-нибудь к нему просьба. Вы очень хотите его видеть, гораздо более, чем по-

лучить что-либо от него. И, чтобы его видеть, вы обращаетесь к нему с просьбой... В глубине сердца вашего вам все равно, исполнит или нет он ваше прошение, но вам дорого общение с ним, возможность говорить и слушать его. Вы уходите из его дома, совершенно не помышляя о подарке, дал ли он вам его или не дал. Ваше сердце наполнено им самим... Вот что значит человеческая любовь.

Если человека мы можем так любить, сколько более — Бога! Ведь радостно всякое наше прошение пред Ним. Плод великий всегда остается в нашей душе от молитвы, — мы восходим на небо, к Творцу светов, и падает на наше сердце божественный угль серафимовой благодати...

О ВЕРЕ

* * *

Если человек ищет волю Божию прежде своей, то Господь исполняет даже самые неосознанные, и даже будущие его желания.

* * *

Если человек, сквозь тишину смолкнувшей речи, так много способен сказать, сколь более — Господь... Господь всегда говорит; даже, когда не слышат Его люди. Пусть не смущаются переставшие слышать Господа, пусть говорят с Богом.

* * *

«Время — деньги», это от лукавого. Время есть начало святой вечности, сокровище неоценимое. Во всех земных делах и в самом времени открывается безграничный простор, обращенный к небу... Мгновение во благодати дороже тысячелетий. Люди все богачи, даже если им осталось земного времени только для одного покаянного вздоха.

* * *

Во всяком обижаемом, если он не обижается, и не хочет обидеть, есть неотмирное величие; отсвет Христовых страданий.

* * *

Если бы человек не был так мелко недоволен жизнью, если бы он был глубоко ею недоволен, как тогда он был бы доволен ею!

Лишь глубокое, метафизическое недовольство этой жизнью может дать человеку душевный мир. Человек — сын великой Любви, и ничто малое ему не свойственно.

* * *

Беда наша не в том, что мы критикуем все, а в том, что мы критикуем мелко и, в сущности, только мелочи; мы отталкиваемся от порослей зла, а не от его корней. Это мелкое недовольство жизнию, вереница ничтожных протестов и обид на жизнь, сетований на людей, друг на друга, есть плесень человечества. Эта плесень уничтожается только великой неудовлетворенностью, дочерью великой любви, ослепительного видения истины.

* * *

Печаль одиночества связана с несоответствием человека Господу Иисусу Христу. Чувство «одиночества» есть знак несоединенности со Христом и томления по этой соединенности... Тут сокровеннейший источник жажды людей, так часто ими неверно и гибельно удовлетворяемой — лишь в области телесной и психической...

* * *

Люди очень нужны друг другу, и очень друг другу приедаются. Нужны они друг другу общностью природы своей, которая есть любовь, и различием даров своих, призванных ко взаимному восполнению... Нужны люди друг другу, но приедаются бесконечной своей суетой и облеканием в торжественность суеты своей...

* * *

Жизнь в этом мире — плавание по морю. Интерес к этому миру — глотание соленой воды.

* * *

В лучших книгах мира истина шепчет и ползет. В Евангелии она летит и поет.

* * *

Беспечность и многопопечительность — два крыла, на которых летит удаляющееся от Бога человечество.

* * *

Защищая правду, не дай мне никогда, Господи, присваивать ее. Даруй защищать не как свою и не как отвлеченную правду, а как — Твою.

* * *

Священник окружен тайнами. Как осторожно надо ступать священнику. Тайна рождения, брака, посвящения себя Богу, тайна восстания, прощения, Богоприобщения, Богоблагодарения... Как чутко надо священнику жить...

* * *

О важном рассуждаем мы пусто, а о пустом — важно.

* * *

Хорошо ни о чем не думать, чего нельзя было бы сказать; ничего не говорить, чего нельзя было бы оставить навсегда в душе другого человека.

* * *

Мытарь в нас глубок; но фарисей и в этом хочет утешить нас.

* * *

Мы только подбегаем к Господу... Надо ходить с ним.

* * *

Целый мир не-осуждения — на выбор;
Я не имею права осуждать;
Я не должен осуждать;
Я не привык осуждать;
Я боюсь осуждать;
Я не хочу осуждать;
Я не могу осуждать;
Я не люблю осуждать...

* * *

Есть люди — клинья, и есть люди — звенья.

***

Молитва за ушедших с этой земли очищает и сердце самого молящегося от всех ненужных осадков в отношении этих усоп-

ших. Молитва за живущих на земле может быть и корыстна, и своевольна. Молитва за усопших такой не бывает; она всегда источает небесную очищенную любовь, истинный воздух вечности.

* * *

Ценность предмета зависит не от него самого и не от того, кто этот предмет дает, или имеет. Ничтожное становится драгоценным только оттого, что его имеет или дает какой-нибудь большой или известный всем человек... Это и закон религиозной аксиологии. До бесконечности возрастает ценность всего, что исходит, созерцается исходящим от Источника всех сокровищ. И самое малое Божие бесконечно выше всех самых великих человеческих ценностей... Принимать все, как от Бога, — это значит обладать несметными сокровищами.

* * *

Покаяние есть оттеснение себя к блаженной вечности. Освобождение своего настоящего, прошедшего и будущего от всего небожественного.

* * *

Забвение есть такой же дар Божий, как и память. Мы бы сошли с ума, если б все помнили или все забыли.

* * *

Как ответственно всякое желание. Господь исполняет и тайные наши желания.

* * *

Осуждение человека не всегда бывает от неприязни. Иногда от излишней осторожности, боящегося разочарования, немужественного сердца; или от избытка своего (когда-то, где-то не оправдавшегося) доверия к другому человеку...

Мало в мире простого, евангельского подхода людей друг к другу, — без подозрительности и без идеализации, без требований предъявляемых, без «счета» за любовь.

* * *

На молитве слушает нас Господь и отвечает нам. Иногда слушает, но не отвечает. Бывает, что слушает и хочет слушать

(когда в истине молимся Ему), а в иное время слушает, но не хочет слушать (не угоден Ему дух нашего моления). Трепетно, прозрачно, должно быть предстояние Богу. Никогда не бывает, чтобы совсем нас не слушал Господь.

* * *

Человеческое слово крикливо; Слово Божье молчаливо. Иногда хочется, чтобы и в храмах ничего не говорили.

* * *

Безвидно сияет Господь. Мы плохо видим мир от этого сияния.

* * *

Есть две божественные «внесправедливости», иногда кажущиеся людям несправедливостью: страдания в мире праведников и Божия милость ко грешникам.

* * *

Молитва по книге (не своя) изображает удаленность человека от Бога. Молитва без книги (своими словами) есть образ близости человека к Отцу. Тот и другой образ молитвы правдив для падшего человека.

* * *

Слабости тоже надо учиться. Слабость есть знание и мудрость. «Университетом слабости» можно назвать человеческое тело, его утомляемость, его сон, его болезни, страхи, непрестанное умирание... Человеку — предлежит обучиться слабости своей человеческой. А потом — придет вера, ее жажда...

* * *

Одним волоском, помыслом, как паутина тонким, от человека может заволокнуться все небо.

* * *

Не откровений надо искать, а верности. В откровениях Господь служит человеку, а в верности человек служит своему Господу.

* * *

В не предании себя Господу Иисусу Христу — начало предания Его врагам.

* * *

Неверующие люди не могут опровергнуть веры, а верующие могут, — не живя по своей вере.

ПЕСНЬ МОЛИТВЕННОГО ПРЕДСТОЯНИЯ

Правило молитвенного умирания, каждое слово которого должно отзываться в сердце и в безвидности ума

Господи, Ты — Единая Истина,
Господи, Ты — Единая святыня,
Господи, Ты — Единое блаженство,
Господи, Ты — Единая правда,
Господи, Ты — Единая Жертва за наши грехи,
Господи, Ты — Единое Сияние в нашей тьме,
Господи, Ты — Единая наша Жизнь.
Алчу и жажду, Господи, Твоей святыни!
Алчу и жажду, Господи, Твоего мира!
Алчу и жажду, Господи, Твоей чистоты!
Алчу и жажду, Господи, Твоей Истины!
Алчу и жажду, Господи, Твоего Царствия!
Алчу и жажду, Господи, Твоего Света!
Алчу и жажду, Господи, Твоей премудрости!
Алчу и жажду, Господи, Твоей благодати!
Алчу и жажду, Господи, Твоей воли!
Алчу и жажду, Господи, Твоего Духа!
Алчу и жажду, Господи, Твоей Жизни!
Алчу и жажду, Господи, Твоей Милости!
Господи, Господи, водами Твоими небесными напой меня,
Господи, Господи, пищею Твоею нетленною напитай меня,
Господи, Господи, Словом Твоим научи меня,
Господи, Господи, силою Твоею укрепи меня,
Господи, Господи, милостью Твоею возрасти меня,

Господи, Господи, Духом Твоим созижди меня,
Господи, Господи, нищего приими меня во Царствие Твое.
Отрекаюсь, Господи, от суеты моей,
Отрекаюсь, Господи, от лукавства моего,
Отрекаюсь, Господи, от лености моей,
Отрекаюсь, Господи, от косности моей,
Отрекаюсь, Господи, от гордыни моей,
Отрекаюсь, Господи, от тщеславия моего,
Отрекаюсь, Господи, от маловерия моего,
Отрекаюсь, Господи, от малодушия моего,
Отрекаюсь, Господи, от нечистоты моей,
Отрекаюсь, Господи, от всех страхов моих,
Отрекаюсь, Господи, от всех внушений диавольских,
Отрекаюсь, Господи, от всех похотей мира сего!
Господи, Господи, подыми меня,
Господи, Господи, уврачуй меня,
Господи, Господи, обнови меня,
Господи, Господи, озари меня,
Господи, Господи, освяти меня,
Господи, Господи, даруй мне умереть в Тебе,
Господи, Господи, даруй мне воскреснуть в Тебе!

УТРОМ

Господи, да будет этот день — благодарением Тебе,
Господи, да будет этот день — послушанием Тебе,
Господи, да будет этот день — служением Тебе,
Господи, да будет этот день — славословием Тебе,
Господи, да будет этот день — во благодати Твоей,
Господи, да будет вся жизнь моя во благодати Твоей,
Господи, да будет последняя минута моя во благодати Твоей святой.

ВЕЧЕРОМ

Господи, да будет эта ночь покоем в Тебе,
Господи, да будет эта ночь молитвою к Тебе,
Господи, да будет эта ночь укреплением в Тебе,

Господи, да будет эта ночь благодарением Тебя,
Господи, да будет эта ночь во благодати Твоей,
Господи, да будет вся жизнь моя во благодати Твоей,
Господи, да будет последняя минута моя во благодати Твоей святой.
Господи, Господи, ничто меня не радует, — только Твой Свет,
Господи, Господи, ничто меня не радует, — только любовь Твоя,
Господи, Господи, ничто меня не радует, — только прощение Твое,
Господи, Господи, ничто меня не радует, — только упокоение в Тебе.
Господи, Господи, ничто меня не радует, — только молитва к Тебе,
Господи, Господи, ничто меня не радует, — только любовь к Тебе.
Господи, Господи, даруй мне, чтоб я был, как молитва к Тебе идущая,
Господи, Господи, даруй, чтоб я был, как песнь Тебе звучащая,
Господи, Господи, даруй, чтоб я был, как вздох к Тебе устремляющийся,
Господи, Господи, даруй мне, чтоб я был, как покаяние Тебе принесенное,
Господи, Господи, даруй мне, чтоб я был, как сердце к Тебе открытое,
Господи, Господи, даруй мне, чтоб я был, как жизнь в Тебе успокоившаяся,
Господи, Господи, даруй мне, чтоб я был, как создание Твое, Тебя нашедшее.

АМИНЬ

Январь, 1944 г.

ВЕРА И ЖИЗНЬ

Инокиня Екатерина
(КОЛБАНОВСКАЯ)

«В ТЕРПЕНИИ СТЯЖИТЕ ДУШИ ВАШИ»
(Памяти монахини Екатерины)

Настави мя, Господи, на путь Твой
и пойду во истине Твоей.

(Пс. 85, 11)

КОНЧИНА

У меня в руках письменное сообщение о смерти. Читаю медленно, боясь что-либо пропустить. Как важно все узнать о тебе, дорогая матушка. Ты помогла всем, кто тебя знал при жизни, ты помогаешь и теперь тем, кто узнает о тебе. Вот поэтому я хочу рассказать то, что сама о себе ты рассказывала близким в сокровенные минуты, и то, что связано с воспоминанием о тебе, а также и о самих людях, вспоминавших тебя — все, все включила я в эти записи.

Помоги мне, Господи!

Первая моя встреча — это письмо: «В 0 часов 15 минут 9 февраля 1985 года перестало биться многострадальное и любвеобильное сердце нашей дорогой монахини Екатерины* (в миру Наталии)...

За неделю до кончины м. Екатерина чувствовала себя крайне тяжело: не хватало воздуха, стало трудно дышать. Несколько

* Пижанова Наталья Ивановна (06.08.47—09.02.85).

раз приезжали врачи из реанимации, но они были бессильны — близились последние часы жизни. 8-го февраля началось сильное кровотечение из раны, где была вставлена трахеостома. Делались попытки остановить кровотечение, но полип или разрастание соединительной ткани вокруг трубки, которая много лет находилась в трахее больной, мешали доступу воздуха. Искусственное дыхание вызывало еще большие страдания и усиливало кровотечение.

До последней минуты больная была в сознании. «Я очень устала, — сказала она, — больше не хочу возвращаться к жизни и сегодня от вас уйду».

Все эти дни здесь же находились священники, которые ее причащали. Перед самой смертью она сказала: «Слава Тебе, Господи, за все!» — и попросила скорее читать благодарственный акафист Спасителю: «Слава Богу за все!»

В 23 часа 40 минут состояние больной резко ухудшилось. Иерей Евгений, совершив последнее соборование, причастив, благославив ее, дал крест в руки и прочел молитву на разлучение души и тела.

М. Екатерина тихо скончалась. Тело ее протерли соборным маслом, одели в монашеские одежды. Непрерывно читалась псалтырь.

На второй день при множестве собравшихся, верующих и священников тело перенесли в храм Владимирской Божией Матери в село Куркино Химкинского района. В понедельник, 11 февраля, на отпевании усопшей было восемь священников из разных храмов. После Божественной литургии и окончания заупокойной службы все присутствовавшие провожали м. Екатерину до места последнего ее упокоения. От ворот кладбища до самой могилы гроб несли на руках священники.

У могилы еще раз была отслужена лития и с пением «Святый Боже...» опущен гроб на упокоение до всеобщего воскресения.

Монахиня Екатерина погребена на Головинском кладбище Москвы, 9 аллея.

Проводили в Горний путь нашу матушку и сразу осиротели. Совсем недавно, когда очень тяжело становилось на душе, все шли к ней и получали облегчение.

Отец Дмитрий, иерей из Смоленской области, приехал на второй день после похорон. Телеграммы он не получал, но приехал потому, что в ту ночь, когда она умерла, он видел сон: «Стоят две монахини и одевают матушку в белые одежды. На голове ее необыкновенно красивая корона. Она говорит: »Ухожу от вас в монастырь".

К письму приложена фотография, сделанная в конце земной жизни м. Екатерины: спокойствие, тишина, мир в лице и глазах. Вот непостижимая для меня тайна — это лицо, излучающее тихую радость. На лице никаких следов страдания. На обратной стороне надпись:

«Монахиня Екатерина. Январь, 1985 год, г. Химки Московской обл. Скончалась 9 февраля 1985 г.

В возрасте 10 лет перенесла полиомиелит, после чего наступил паралич диафрагмы, и легкие перестали дышать.

28 лет была на искусственном дыхании, скончалась в возрасте 38 лет».

ВСТРЕЧА С ХОЖАЛОЧКОЙ

«Хожалочками» называла м. Екатерина тех женщин, которые ухаживали за ней. Все менялись, только Наталья Петровна была с матушкой последние шесть лет постоянно. Не каждый человек мог разделить с ней тяжесть ее креста. Батюшки многих посылали, и часто женщины хотели помочь, но не выдерживали всех трудностей. И вот Господь указал на Наталью Петровну. Она приняла предложение. И с тех пор не оставляла матушку Екатерину до последней минуты.

Она и сейчас живет в этой квартире в Химках. Татьяна Захаровна, письмом которой начинается мой рассказ, живет рядом. Она позвонила Наталье Петровне и сообщила о моем приезде и желании прийти к ней. Так хотелось побывать в келье м. Екатерины, познакомиться с женщиной, за ней ухаживавшей. Позже я особенно поняла важность этой встречи, т.к. жизнь матушки никто не знал более подробно.

Наталья Петровна радушно нас встретила и пригласила в комнату. Здесь чисто, светло, тихо, горит в углу перед иконами лампада. Все в комнате сохраняется в том виде, как было при болящей матушке. Татьяна Захаровна спешит на работу, она скоро уйдет, Наталья Петровна приглашает меня сесть в кресло, сама садится напротив, рядом с кроватью, и начинает рассказывать. (При жизни матушки мало кто знал о том, что болящая — монахиня Екатерина, все ее звали Наташей. Так и Наталья Петровна в своем рассказе чаще называет ее Наташей.)

Наташа родилась 6 августа 1947 года здесь, в Химках. Тогда не было еще этих каменных больших домов, они жили в частном деревянном доме с усадьбой. Мама ее умерла рано, когда девочке было 7 лет. Наташу с младшим братом Олегом воспитывали бабушка с дедушкой. Особенно любила внучку бабушка Варвара

Афанасьевна. Отец оставил семью, когда Наташа находилась еще во чреве матери. И бабушка, хотя была верующей, советовала дочке избавиться от ребенка до рождения. «Отца не будет, зачем же ребенок,» — говорила она Ларисе (так звали маму). Но родилась Наташа. А через год Лариса вышла второй раз замуж. Отчим был военный и служил за границей. Бабушка внучку оставила у себя, не отдала новой семье. «Отец не родной — так любить не будет», — говорила она. На самом деле отчим очень любил девочку и потом, когда она болела, приходил к ней.

Однажды мама приехала домой одна, без мужа. Она ждала ребенка. Вернее, хотела от него избавиться до рождения. «Почему? Ведь муж так тебя любит, вы так хорошо живете?» — недоумевала бабушка. Но Лариса настаивала на своем и Варвара Афанасьевна пошла за «бабкой». По дороге какой-то внутренний голос не один раз ей говорил «вернись», но она не послушала. Дочка умерла тридцати одного года от большой потери крови.

Бабушка потом, когда Наташа заболела, чувствуя перед ней двойную вину, говорила: «Теперь до последних дней своих за Натальей ходить буду». Так и было. Никого к ней не допускала, пока сама не заболела и уже не смогла встать.

Тогда, в 1979 году, Наталья Петровна пришла в этот дом. Варвара Афанасьевна тяжело, неизлечимо болела два года. Когда она умерла, появились еще «хожалочки».

В редкие минуты откровения, когда м. Екатерина оставалась с Натальей Петровной наедине, она вспоминала свое детство. «Наташа всегда так хорошо рассказывала,» — улыбнулась моя собеседница.

«Еще в детстве, когда было мне пять лет, я подбегала к иконе Николая Чудотворца и молилась. Эта икона висела у бабушки в комнате. Я молилась тайно, чтобы никто не видел, — вспоминала матушка. — В церковь всегда с бабушкой ходила. А однажды, тогда же в пять лет, захотелось мне вдруг побежать в алтарь. У самых Царских врат меня остановили. В детстве много бегала. Дедушка называл меня "мой червячок" за эту неутомимую подвижность. Как будто на всю жизнь отбегалась...»

Беда пришла неожиданно. Наташа только что отлежала в больнице из-за болезни сердца, а когда вернулась домой, очень захотелось ей поехать со всеми детьми в лагерь. Ей тогда было 10 лет. Как бабушка ни отговаривала ее: «Ну чем тебе здесь

плохо — сад, огород — всего, сколько хочешь?!» — она настояла на своем.

Из лагеря многие дети совсем не вернулись, а многие остались калеками: заболели полиомиелитом. Смерть нависла и над Наташей — болезнью поражены легкие и вся левая сторона. В больнице ее положили в металлический каркас — «железные легкие». Наталья Петровна показывает фотографию. На ней — огромная установка, похожая на круглый пенал, на одном конце которого видна маленькая детская головка. Девочка лежала так год. Врачи пытались с помощью этого аппарата разработать легкие.

У Натальи Петровны сохранилась фотография, где Наташе 11 лет. Ее только что вытащили из каркаса. На белом фоне простыни худенькое тельце ребенка. В сравнении с телом голова кажется большой.

Лицо серьезное. В глазах непостижимое страдание, сила и решимость — недетские.

«Тогда, в одиннадцать лет, когда не хотелось жить, было мне явление Божией Матери, — вспоминала матушка. — Она мне сказала, что теперь будет со мной всегда, до конца дней».

Когда девочку привезли домой, дедушка первое время часто выносил ее на руках на улицу. Скоро Наташа сама отказалась от этих прогулок — тяжело было необычное внимание, сочувствие людей. Время от времени она попадала в больницу. Когда же находилась дома, приходили к ней учителя, школьники. Так она закончила восемь классов. Учительница английского языка полюбила Наташу и долго еще потом навещала ее. Но другие не приходили, и девочку стало томить одиночество. «Почему никто не приходит к нам?» — спросила она однажды бабушку. Бабушка побежала на двор и первого встретившегося ей человека позвала к себе. Это была верующая женщина, певчая из храма. И с тех пор Наташу постоянно окружали люди.

После «железных легких» сделали первую операцию: вставили дыхательную трубку. И качать воздух нужно было только тогда, когда дыхание чем-то затруднялось. Постоянно же следовало лишь откачивать мокроту, слизь. Наташа могла в то время иногда сидеть. С помощью второй операции врачи хотели заменить маленькую узкую трубочку, вставленную в детском возрасте, более широкой. Это сделать не удалось, т.к. старая трубочка крепко вросла и трогать ее было опасно.

Понадобился дыхательный аппарат, который уже постоянно подавал воздух. Тогда начали появляться в трахее вокруг трубки полипы, которые мешали доступу воздуха и причиняли больной

большие страдания. Первое время старенькая и очень опытная врач прижигала эти полипы. Она умерла в девяносто лет. После ее смерти никто уже не решался на такую операцию. И до последнего дня полипы причиняли Наташе страшную боль.

Наталья Петровна замолкла, и тишину нарушало лишь мерное тиканье старинных часов с кукушкой.

«Так вот и при матушке тикали часы и куковала кукушка? — прерываю наступившее молчание. Наталья Петровна оживилась новыми воспоминаниями. »Если вдруг я забывала подтянуть гирьки, и часы останавливались, матушка Екатерина очень тревожилась. Тогда я быстро забиралась на стул, подтягивала гирьки и недоуменно спрашивала: «Зачем тебе, Наташа, время?» — «Когда кукушка откукует, я начинаю читать "Богородицу" до следующего боя». И так все время долгих дней болезни каждый час куковала кукушка бабушкиных часов.

Я снова и снова оглядываю комнату: кровать, святой угол, окно, в которое видны деревья, кусочек неба, пытаюсь сама войти на секунду в эту жизнь. Обращаю внимание на то, что больная лежала лицом к дверям. Так долго лежать неподвижно и даже не видеть меняющейся природы, неба? — недоумеваю я.

Было время, когда Наташа любила смотреть в окно, ее подвозили в кресле к нему. А однажды ей приснился сон, в котором Господь показал ей все великолепие Своего земного Творения. Этот сон повторялся три раза. И после него Наташа отреклась от мира, и в окно не хотела смотреть.

Монашество она приняла в 1975 году. Бабушка была против этого ее желания стать монахиней. Она боялась, что не сможет Наташа понести монашеский обет, правило, — ведь такая больная. Внучка настаивала, тогда бабушка пригрозила оставить ее. В какую-то решительную минуту Наташа сказала: «Ну и оставь, Господь не оставит.»

Еще до прихода Натальи Петровны сюда матушка Екатерина вымолила у Бога большие страдания, усугубление болезни, чтобы Господь простил маме ее последний грех.

Когда состояние больной ухудшилось, один врач, глядя на нее, сказал: «По нашим законам она может прожить не больше месяца». А матушка после этого пять лет жила. Тот же врач, обращаясь к иконам, сказал: «Это высшая помощь».

Несомненно, Господь хранил ее. Матушка Екатерина нужна была людям, живущим вокруг нее. Часто, обремененные заботами и болезнями, они, переступая порог ее кельи, падали на колени, плакали. Их страдания и горести становились невесомыми перед этой мерой. Как-то ей приснилось, будто перед

ней много золотых крестиков с золотыми цепочками. Никто их не берет, и она их все надевает на себя.

Говорила матушка Екатерина мало, больше сама слушала или просила почитать акафист, иногда Писание. Но и без слов люди получали облегчение. Матушка Екатерина уже в конце открыла Наталье Петровне свою тайну. Духовный отец ее (о. Варфоломей) сказал ей как-то: «Знай, что ты ничего не понимаешь и ничего не знаешь. Твое дело лежать и терпеть». Таково было его благословение. С тех пор она стала молчаливой.

Моя собеседница снова вспомнила о снах монахини Екатерины. Они занимали особое место в ее жизни. Она их всегда рассказывала. Вот такой, например, видела она сон: сидят черные кошки, а она бросает им еду; они все съедают и снова просят. Она рассказала батюшке этот сон, а он посоветовал ей посмотреть синодик: может быть, там записаны некрещеные и самоубийцы. Людям, который к ней приходили, матушка часто предлагала записать в ее синодик всех, о ком надо помолиться.

Она много молилась за умерших и как-то особенно их чувствовала. Однажды она вспомнила одну женщину, которая уже два года не приходила. Несколько раз спрашивала о ней. Наконец узнала, что та умерла. Дочь и понятия не имела о том, что нужно совершать отпевание. Тогда отпели заочно. После этого матушке Екатерине стало легче.

«Шли тяжелые дни, месяцы, годы болезни. Появился второй дыхательный аппарат. Всегда после смерти бабушки около больной были две “хожалочки”. Когда аппарат выходил из строя, воздух качали вручную, специальной гармошкой — «жухолкой» (как называла ее бабушка). Люди бывали разные, не у всех получалось так, как надо: одни быстро, другие медленно качают. А у Наташи от этого страшная боль, как будто бритвами внутри резали. Она молчала, только качнет иногда головой и больше ничем себя не выдаст. Я-то знала, как ей больно, и часто не сдерживалась, ругала неумелых. А Наташа просила не ругать этих людей, им тоже трудно», — вспоминала Наталья Петровна.

«За три месяца до смерти матушки приехал из Иерусалима ее духовный отец, о.Варфоломей. Наташе было совсем плохо и встреча с «папочкой» ее очень обрадовала. Он благословил ее причащаться каждый день.

Как хотелось матушке, чтобы перед отъездом в Иерусалим еще раз побывал у нее отец Варфоломей, а он не успевал. Но, видно, сильна была молитва ее: день отлета поменяли и он сразу велел ехать к больной. Это было прощание. «Готово сердце

твое», — сказал батюшка, глядя на Натащу. Тогда поняли мы, что близок конец.

Вскоре после того, действительно, наступил конец. Душа оставила тело, Наташа находилась в забытьи восемь часов. Как молила я Бога, чтобы она вернулась к нам, ведь из-за меня все случилось. Соблазнилась я тем, что ежедневно матушку причащают, и не стала именно в тот день договариваться со священником о причастии. Вот и случилось, казалось, непоправимое. Но матушка очнулась. «Это я к тебе вернулась,» — сказала она. После этого сами батюшки договаривались между собой, кто в какой день приезжает к нам. Последние три месяца матушка Екатерина жила только причастием и молитвой.

Больше всего любила она слушать акафист благодарственный «Слава Богу за все» и акафист Великомученице Екатерине. Лицо ее хранило мир и покой, излучало радость нескончаемую. И только от сильной боли дрогнет чуть голова, больше никак не выдавала своих мук. Священники служили молебен, читали каноны около ее постели. Людей, которые заходили навестить матушку, она просила рассказывать об их путешествиях по святым местам или о встречах с духовными людьми. Иногда слушала в магнитофонной записи службу. Записан на магнитофон и ее голос: она читает свое стихотворение «Ангел». Она его любила читать.

В бессонную ночь, после слез и мучений
Печально угасшего дня
Мой ангел-хранитель из райских селений
Явился утешить меня.
Он был так невинен, так дивно прекрасен
В своей неземной красоте,
И лик его чистый, спокоен и ясен,
Так кротко склонился ко мне,
Что я все земное на миг забывала,
Отдавшись волшебному сну,
Небесному гостю объятья раскрыла
И все рассказала ему.
В слезах я о скорби земной говорила
О зле, о неправде людской,
О том, как страдала, как все разлюбила
И плакал Он вместе со мной.
Он понял, как много страданий таилось
В моей наболевшей груди.
Он понял, что в сердце больном накопилось,

Что люди понять не могли.
И полные грусти, лазурные очи
На небо взирали с мольбой.
Никто не молился так в тихие ночи,
С такой непорочной душой.
Когда он молился, я тихо склонилась
В святые объятья его,
Взирая на образ, я тоже молилась,
Не зная о чем, за кого...
Потом я услышала стройное пенье,
Когда же очнулась от сна
Все стихло, исчезло святое виденье,
И вновь я осталась одна.
Но часто с тех пор, средь безмолвия ночи,
Как памятный час наступал,
Мне грезились кроткие, грустные очи,
И голос небесный дрожал.

За окном незаметно стемнело. Мы о времени забыли. Я полюбила Наталью Петровну, которая, разделив страдания матушки Екатерины, неразрывно теперь с ней связана. Мы благодарим друг друга за часы, проведенные в воспоминаниях о матушке. Договариваемся через три дня поехать на Головинское кладбище.

МЕСТО УПОКОЕНИЯ

Сегодня, как договорились, посещение кладбища. По дороге Наталья Петровна вспоминает. Однажды матушке Екатерине приснился сон, будто видит она двух монахинь в чисто убранной светлой комнате. Она удивляется, что у них так чисто, ведь теперь они одни, и им никто не помогает... Ей приснились те монахини, за которыми раньше ухаживала Наталья Петровна, они давно умерли. Матушка Екатерина в своих молитвах всегда их поминала, а тут перестала, вот они и приснились.

Мы идем вдоль сплошного бетонного забора. Вдруг мои спутницы останавливаются: «Вот у этой щели я всегда предупреждаю — Наташенька, я иду к тебе». В этом месте в глубине кладбища могила м. Екатерины.

Будний день, на кладбище пусто. Совсем недалеко от входа, по левую сторону широкого прохода — могила. Просто деревянный крест над небольшим холмиком. На кресте под укры-

тием укреплена икона Владимирской Божьей Матери с лампадкой.

Тишина, покой и какая-то непонятная легкость на душе. Припоминаю слова матушки Екатерины из письма игуменье Магдалине: «Господь дал мне крест и поможет его донести». Она донесла свой крест, теперь ей легко. Еще одна женщина, не сговариваясь с Натальей Петровной, пришла к матушке. Три свечи, укрепленные на ограде, затеплились перед могилой. Женщины начали петь молитвы. Тут подошли еще две, их привела сюда та же любовь. И в их ладонях затеплились свечи. Все пели. Я не могла петь, мешали слезы. Чудны дела Твои, Господи. Немногим даешь ты самый тяжелый крест, но тем, кто его донесет — вечная память.

ДЕНЬ ПАМЯТИ

На этот раз я приехала в Москву в день памяти монахини Екатерины. Встречаемся в храме Федора Стратилата и Архангела Гавриила. После службы отправляемся на Головинское кладбище: едет отец Георгий и еще несколько женщин, знавших матушку.

У могилы служили панихиду. День пасмурный, серый. Что принесет мне новая встреча с м. Екатериной? У меня все время ощущение, что самое важное, самое главное еще впереди.

О. Георгий знал матушку, но уклонился от разговора о ней. «Не одна Наташа несла такой крест. На моей памяти она — четвертая,» — заметил он. И сейчас у него есть девочка 12 лет, которая тоже находится без движения. Она учится и очень верующая. «Несомненно и она будет монахиней — молитвенницей за всех,» — заключил батюшка. С кладбища едем в Химки, в дом м. Екатерины. Вот уже третий год здесь собираются люди за поминальной трапезой.

Странно, сегодня об усопшей не говорят. Я решила сама просить рассказать о м. Екатерине ту женщину, которая написала икону Владимирской Божьей Матери, что укреплена на погребальном кресте. Она живет в этом доме, давно знала Наташу, но уверовала только после ее смерти. Женщина выразительно смотрит на Наталью Петровну, приставляет палец к губам. Вот, оказывается, в чем дело — боятся воспоминаниями расстроить ее.

Я же здесь, чтобы собрать, хоть и по крупицам, все свидетельства о жизни м. Екатерины и о них рассказать. Этим «днем памяти» продолжается мой путь к тебе, дорогая матушка.

НОВЫЕ ВСТРЕЧИ

Праздник трех святителей: Василия Великого, Григория Богослова и Иоанна Златоустого. Я в храме Илии Пророка. Служит настоятель, протоиерей Алексей. По окончании обедни подхожу к кресту последняя и говорю батюшке о причине моего приезда. Надеялась на отдельную беседу, но о. Алексей заговорил сразу на интересующую меня тему: «Да, последние полтора месяца матушка Екатерина жила только причастием. Умерла как мученица.

«Какое покаяние? Приходили люди, что-нибудь подумают, скажут, а для нее переживания. Вот и покаяние: исповедовала помыслы. За великое терпение Господь дал ей эту радость, которую хранило ее лицо. Многие люди к ней приходили и получали помощь.

Да, в назидание людям Господь дал ей такой крест, в помощь людям. Никогда ни одной жалобы, а только благодарение Богу».

Вечером в храме имени образа Божьей Матери «Утоли моя печали». После окончания богослужения разговариваю с отцом Петром. Он сразу понял, о ком я спрашиваю.

«Каялась в грехах до конца дней своих. Только Господь безгрешен, а мы до конца жизни должны каяться. Если бы подумала она на секунду, что безгрешна, святая — душа с высот была бы низвергнута в бездну.

Почему лицо хранило радость? «В терпении стяжите души ваши».

Нет, нельзя сказать, что она была отстранена от своей доли. Нет. Она терпеливо несла свой крест.

А если бы попросила у Господа исцеления, так он бы ее исцелил. Но она несла крест до конца. Господь давал ей жизнь людям во спасение. Пример терпения и смирения для всех».

В ОТРАДНОМ

Воскресение, народу в храме много. Отец Валериан исповедует. Служба кончилась, а исповедь продолжается.

Поговорить с батюшкой сегодня не удастся, успеваю лишь объяснить причину своего приезда. При упоминании м. Екатерины лицо его согрелось светлой улыбкой. Тут же вспомнил, как, приходя к Наташе, спрашивал: «Как ты себя чувствуешь?» И она, переводя на него взгляд больших доверчивых глаз, говорила детским голосом: «Хорошо, батюшка. Как же, когда за

тобой ухаживают, — конечно, хорошо. Вот когда они, хожалочки, ругаются, мне плохо».

Наш разговор продолжился на другой день. Праздник «Сретения Господня», народу опять много. Вчера было больше молодежи, а сегодня в основном старики и люди пенсионного возраста. Батюшка потом мне заметил: «Это родители вчерашних детей, которые пришли к Богу первыми и вот привели своих родителей. И сегодня видели юношу, высокого, черненького? Он привел первый раз маму в храм. Она еще некрещеная.»

Когда все разошлись, батюшка вышел из алтаря. Мы устроились на скамеечке в левом приделе. Сегодня помешать некому. Батюшка говорит медленно, продолжая начатый вчера разговор.

«Конечно, было и Богообщение и внутренняя духовная жизнь. О многом говорить нельзя. Радость была в ней и вокруг нее. Она помогала людям своим терпением и еще, видимо, благодатью, которую Господь даровал ей.»

Батюшка вспомнил удивительный случай, который рассказывала ему одна верующая женщина.

Шла война. Немцы входили в деревню, и надо было от них бежать, спрятаться, иначе расстреляют. Взрослые, дети спешили укрыться. А у одной женщины был ребенок убогий, больной, с ним быстро не побежишь. Кто-то посоветовал оставить его, иначе из-за одного всех убьют. Но мать бросить ребенка не могла, и всех вскоре немцы с собаками нашли. Выходили по очереди и становились в ряд перед немцами, которые уже взвели курки. Последним выполз больной ребенок. Он медленно передвигался между двумя рядами людей. Когда доползал до конца, возвращался обратно, а потом снова — в другой конец. Он как-будто возводил незримую стену между людьми. Вскоре немцы опустили ружья, повернулись и ушли.

«Вы только вслушайтесь в слово, — говорит батюшка, — убогий, то есть он уже у Бога. Да, в этих убогих большая для нас спасительная сила. Господь спасает наши души, посылая убогих.»

И еще вспоминал батюшка: «Читала Наташа книги, которые помогали ей нести тяжелый крест. Я сам тоже давал ей книги. Знаете поэта Пушкинской поры Ивана Козлова? Страшный недуг — слепота и паралич ног — приковал его к постели в сорок два года. Он стал поэтом. Наташа любила его стихи, особенно вот это:

МОЯ МОЛИТВА

Услышь, Христос, мое моленье,
Мой дух собою озари
И сердца бурного волненье,
Как зыбь морскую, усмири.
Прими меня в свою обитель,
Я блудный сын, — Отец Ты мой,
И как над Лазарем, Спаситель,
О, прослезися надо мной!
Меня не крест мой ужасает,
Страданье верою цветет,
Сам Бог кресты нам посылает,
А крест наш Бога нам дает.
Тебе во след идти готовый,
Молю, чтоб дух мой подкрепил.
Хочу носить венец терновый,
Ты сам, Христос, его носил.
Тревожной совести угрозы,
О, милосердный, успокой,
Ты видишь покаянья слезы,
Молю, не вниди в суд со мной.
Ты всемогущ, а я бессильный,
Ты Царь миров, а я убог,
Бессмертен Ты, — я прах могильный,
Я здесь на миг, — Ты вечный Бог!
О дай, чтоб верою святою
Рассеял я туман страстей,
И чтоб безоблачной душою
Прощал врагам, любил друзей,
Чтоб луч отрадный упованья
Всегда мне в сердце проникал,
Чтоб помнил я благодаренья,
Чтобы обиды забывал.

«Сам Бог кресты нам посылает, А крест наш Бога нам дает. — повторил о. Валериан эти строчки, вспоминая об одном больном, который с детства был прикован к креслу или постели. — "Пляска Святого Витта", может быть, слышали? Сейчас ему пятьдесят два года, — верующий и сильный молитвенник. Я спросил его как-то, хотел бы он другой жизни. Он покачал головой. Иной жизни не хотел бы. Какая-то духовная сила, нам неведомая, ему дарована от Бога.

И у матушки Екатерины была эта сила, освещавшая ее лицо радостью. «В немощи сила Божия совершается». Какая непос-

тижимая премудрость Господня. В наше время люди крестов не берут. Хорошо выполнить свой долг — вот и самый трудный крест. И через убогих Своих Господь нам помогает, вразумляет.

Здоровье — драгоценный дар Божий, а болезнь — бесценный дар Божий.

Вот, жила еще матушка — молитвенница и заступница наша перед Богом. Она умещалась в небольшом ящичке и там всю жизнь пролежала.

А история с ней такая связана.

В лагере строгого режима был среди заключенных врач-невропатолог. Его использовали для осмотра каждой новой партии заключенных. Однажды узнал он, что в последней партии есть священник. Кто же это? Как угадать? Но он узнал и тихо прошептал: «Благословите». Священник понял, слезы выступили у него на глазах. Врач освободил его от тяжелых работ по болезни.

Как-то это узналось, и врачу прибавили срок заключения на десять лет. Батюшка при случае сказал ему: «Отойди подальше и крикни: "Матронушка, помоги!"» Он так и сделал.

Скоро врача освободили, и он пошел искать Матронушку. Люди подсказали, где она живет. Входит он в дом, проходит в комнату, слышит приветливый голос: «Проходи, Сергей». Но никого в комнате не видно, только заметил ящик. В нем была Матронушка. — «Ты откуда имя мое знаешь?» — «Как же мне не знать, ведь ты меня о помощи просил».

Чудны дела Твои, Господи!

ЕЩЕ ВСТРЕЧИ

Отец Владислав был у матушки Екатерины за несколько часов до ее смерти.

Время нашего с ним разговора отмерено дорогой от Москвы до Загорска. Батюшка, видимо, заранее обдумывал нашу беседу. Он видел м. Екатерину всего один раз, и это был последний день ее жизни.

«Слова лишь намеком могут передать то, что там, около матушки, я испытывал. На ней почивал Дух Святой. Она терпением стяжала душу свою и приумножила ее дары.»

Непостижимое по тяжести страдание, его усугубление и, одновременно, такое же, если не большее, благодарение Господу. Все это в ней было. И это величайший дар, который дал ей редкую духовную силу. Я находился около нее несколько часов, но там времени не было, или оно иное. Непрерывно я

молился, читал покаянный канон, Евангелие, Псалтырь. Матушка беспокоилась, чтобы я не ушел. Когда я смотрел на часы, Наталья Петровна подходила ко мне и говорила: «Матушка вас не отпускает». Она, видимо, чувствовала приближение конца. А я спешил к дочери на день рождения. Да, наверное, недостоин я был принять смерть монахини Екатерины." — с сожалением заключил о. Владислав.

Помолчав, продолжал: «Конечно, крест ее был исключителен, и подвиг неповторим. И какое долгое испытание дал ей Господь. Наши люди много и долго страдали, но пройдя испытания войной, гонениями, в большинстве не показали такого терпения и укрепления в вере. Если некоторые и сохранили веру, то детей не воспитали в строгой заповеди, и это уже отступление, малодушие. А здесь терпение беспримерное, и им стяжание милости Божией — дара Духа Святого.

Иногда она закидывала головку и говорила: «Мама, мама», — это она обращалась к Божьей Матери. Ручки у нее были небольшие, по-детски припухлые, и лицо сохранило детскость. «Будьте как дети». Время от времени она выкидывала ручку то одну, то другую. Она говорила что-то, но я не мог понять. Женщины понимали.

Потом о. Владислав, продолжая тему Веры, сказал: «Святое писание должно занимать особое место в жизни человека, его надо проживать. В миру человек считает, что самое главное в жизни — самовыражение, а в духовной жизни главное — самоотрицание, умерщвление своего я.

В Крестовоздвиженском храме сегодня постовая служба. День памяти Варсануфия и Иоанна. В конце службы проповедь. Отец Димитрий говорит о Преподобном Варсануфии, который жил в затворе, людям не показывался и на все вопросы отвечал письменно. Преподобный, т.е. подобный Богу в высшей степени. Сначала этот угодник Божий обретал подобие человеческое, которое утрачено первородным грехом, потом всею жизнию обретал подобие Божие и достиг высшей меры, — стал Преподобным. В конце жизни старец вкушал пищу только для собственного смирения, чтобы не подумать о своей святости.

После службы о.Дмитрий уделил мне немного времени для беседы о монахине Екатерине. Это особый разговор, и наверное, поэтому не все батюшки могли приступить к нему сразу. Некоторым вообще было трудно говорить о матушке. У каждого своя встреча с ней и своя тайна. Можно ли так вдруг ее открыть. Отец Дмитрий пригласил меня в небольшую комнату. «Ну,

задавайте вопросы» — решительно сказал он. Я ищу одного, чтобы приоткрылся внутренний мир м.Екатерины, ее духовная жизнь.

«Она была незаурядным человеком, хотя внешне самая обыкновенная. Она была очень внимательна ко всему в своей жизни. Ей было трудно, она боролась, сомневалась, отчаивалась — все было. Нельзя сказать, что сразу было такое благодарение, она училась благодарить. Она в болезни своей достигла примирения с нею. Никуда не ушла, а именно примирилась. Каялась она постоянно, и открывались ей такие грехи, которые от нас совсем скрыты.

Хотела ли она иной жизни? Я узнал ее, когда эти вопросы были решены для нее. Она жила на ином уровне.

Как постигала она Священные Писания? Нет, не было у нее никакой школы. Но тем не менее ей была открыта вся глубина их. Господь избрал ее, до конца вел и обучал всему.

Невообразимой тяжести был ее крест и поразительно, что таким длительным временем испытан. Да, было благодарение, но не внешнее проявление его. Это было глубокое сокровенное чувство. Оно и освещало лицо тихой радостью, внутренним миром и покоем.

Были и трудности, ослабевала молитва, усугублялась тяжесть болезни, и все как у всех людей бывает. Но и не так. Может быть, мои слова — дерзость, но это было: Господь в ней нам явил Себя. Ее все любили, ее невозможно было не любить. Это было чистое золото. Он явил Себя красиво.

Святая мученица нашего времени. В наше время вот только такие подвижники могут быть — совершенно скрытые. Ее подвиг тайный. Мера его мало кому ведома.

Святым Духом постигла она многое. А снам особого значения я не придаю. Она была уже в такой мере святости, когда сна глубокого нет. Ее размышления переходили в сны. Тут границы почти стираются.

Перед концом уже был у нас договор о том, что операцию, которую предлагали врачи, ей делать не будут. Она к смерти готовилась очень сознательно и не боялась ее.

Богообщение было. И у нас вот сегодня три часа было общение с Богом. Только какое? В этом все дело. Один вопрос меня беспокоит. Наталья Петровна смущается таким настойчивым интересом к жизни матушки, боится преждевременного прославления. Может быть, она права? А мы ее уже прославили на отпевании. У нее было архиерейское отпевание — восемь батюшек отпевали, да еще каких...»

ПУСТЫНЬКА

Давно мечтала о лесной тишине. Вглядываюсь в небесную бесконечную прозрачность — вот где рай земной.

Здесь продолжается мой путь к матушке Екатерине.

Сегодня в пустыньку приехал митрополит Рижский и Латвийский Леонид и игуменья Магдалина. Служба праздничная по случаю дня Ангела Владыки.

Вл. Леонид ходит медленно и очень осторожно, видимо, болезнью так скованы движения. Но голос показал силу и бодрость духа. Облокотившись на кафедру, он начал проповедь громким, решительным голосом. Ему было что сказать — важное и безотлагательное.

«Монастыри должны быть духовной лечебницей, а не телесной. Прежде всего духовной. Сейчас много говорят везде о духовном совершенствовании, это стало насущной проблемой всех людей в нашем отечестве. И тем более это должно стать самым главным в монастырях — духовное совершенствование. Оно может осуществляться только трудом, трудовой деятельностью. Вы должны понимать важность, первостепенное значение труда в духовном совершенствовании.

Началась вторая седмица Великого Поста. Этот Великий Пост будет великим только для тех, кто с должным вниманием и строгостью отнесется к посту и молитве. Время поста — это время, когда человек совершает новые шаги в духовной жизни, это время новых открытий.

Не бегите от Чаши, а приближайтесь к Ней. Чаще исповедуйтесь и причащайтесь».

После трапезы состоялась встреча с матушкой игуменией.

«Как произошло ваше знакомство, возникла переписка с монахиней Екатериной?» — начала я нашу беседу.

«Она написала мне письмо первая. Очевидно, узнала адрес у верующих, они же рассказали о монастыре. Вот так начали переписываться и два раза говорили по телефону.

«Духовно она нуждалась в вашей поддержке и покровительстве?»

«Да, я и монастырь молились о ней и ее близких. Помогали, чем могли. Такой духовной глубокой связи я не имела с м. Екатериной. Вот видите, сколько забот у меня. Серьезно вникнуть, понять ее состояние не было возможности.»

«Матушка, как вы думаете, могли быть у нее внутренняя борьба, искушения?»

«А как же. На такую чистую душу сам дьявол начинает нападать. А в монастыре многие живут совсем не так, как следует жить в монастыре. Очень об этом можно сожалеть. Не понимают, к чему обязывает монашеская жизнь... Я сама не могла поехать к ней, потому послала монахиню Иулианию. Вы с ней можете сегодня поговорить. Недавно был совершен ее постриг, на день Иоанна Златоуста, потому теперь ей дали имя Иоанна. Постриг не случайно связан с днем смерти матушки Екатерины.

Мать Иоанна сидела на кровати, прислонившись к стене. Видно было, что ей тяжело и сидеть, и говорить. И потому я испытывала большую неловкость, обращаясь все-таки к ней с просьбой поделиться своими воспоминаниями о монахине Екатерине. (Матушка игуменья боялась, что дни м. Иоанны сочтены и потому лучше не откладывать этот разговор.)

Мать Иоанна была у матери Екатерины недолго. Она застала и ее смерть.

«Это была светлая личность,» — несколько раз повторяла монахиня. — «Рядом с ней чувствовала свою немощь, несовершенство. Поражала ее покорность всем внешним неудобствам, которые случались чаще всего из-за нашего невнимания, непонимания ее трудностей.

Я привезла матушке Екатерине интересную духовную книгу. Она читала лежа, а книга ставилась на специальную подставку. Я не заметила, что лампа, которая должна была освещать книгу, развернута к ее лицу, так что ей приходилось щуриться до боли, чтобы читать. Нескоро я увидела, как она мучается. Она же ничем не показала, что испытывает неудобство. И так во всем. Вот это было удивительно в ней».

ПОСЛЕДНЯЯ ВСТРЕЧА

Когда я была в Риге, то познакомилась с Павлушей, мальчиком восьми лет. Павлуша от рождения прикован к постели, видно, что он никогда не встанет и каким-то сроком жизнь его уже отмерена. Он тоже убогий.

Но это не главное. Тут, рядом с этой детской кроваткой, видишь не изуродованное болезнью тельце ребенка, совсем нет. Видишь себя, свою грубость, нечистоту, уродство духовное. Когда Павлуша смотрел на меня, невольно хотелось опустить глаза. Как тонок мир этого мальчика. Тут не может быть и вздоха лжи. Глаза его излучали такой свет, что я невольно отступила.

Павлушин свет открыл немного тайну матушки Екатерины, которую можно только сердцем почувствовать. А что скажут слова?...

ПОСЛЕСЛОВИЕ

*В нашей временной жизни они — инокиня Екатерина * и монахиня Екатерина ** — лицом к лицу не встретились.*

Но мать Екатерина все же таинственным образом вошла в жизнь инокини, духовно укрепляя ее в несении креста жизни.

Приехав в очередной раз из Санкт-Петербурга в Рижский Троице-Сергиев монастырь, Наталья Колбановская тяжело заболела. Ее хроническая болезнь настолько обострилась, что у самой больной и у всех ее окружающих возникли мысли об ее уходе. Я посоветовался с игуменией Магдалиной и митрополитом Леонидом о помощи Наталии. Митрополит Леонид, знавший о уже давно зревшем у больной желании монашеской жизни, благословил ее на иноческий постриг.

Так началась иноческая жизнь Екатерины в миру.

Она часто приезжала в нашу Карсавскую общину молиться и исполнять нужные поручения и как-то в беседе впервые услышала о больной монахине Екатерине из Химок. Я рассказал ей о том, какое сильное духовное впечатление произвела на меня встреча с нею. Монахиня Екатерина после того, как я ее причастил, произнесла примерно такие же слова, которые сказала больная раком мать моей духовной дочери: «Откровенно говоря, я бы не хотела выздороветь: я боюсь потерять то, что Господь открыл мне во время болезни.»

9 февраля из Москвы сообщили о кончине матери Екатерины. Меня не было дома, поэтому перезвонили туда, где остановилась в Карсаве инокиня Екатерина. Этот звонок потряс инокиню: она увидела в нем особый знак уже начавшегося духовного общения с ушедшей.

А вскоре я предложил инокине Екатерине поехать в Химки, где жила и скончалась мать Екатерина, чтобы душа ее глубже познала тайну светлого страдания.

---

* Наталья Колбановская.
** Наталья Пижанова.

Там она через людей, самозабвенно служивших больной и молившихся вместе с ней, встретилась с живой матерью Екатериной.

Но это была встреча нездешняя.

Архимандрит Виктор (Мамонтов)

ПИСЬМА МОНАХИНИ ЕКАТЕРИНЫ

Слава Богу за все!

Боголюбивейший и всечестный о Господе отец Григорий, Христос Воскресе!

Дерзаю написать вам свое убогое письмецо и попросить о себе ваших пастырских святых молитв. Адрес ваш мне дала Верочка Ершова, моя духовная сестричка, которая в прошлом году приезжала со своей мамой в Ваш храм. Вы тогда были больны.

Напишу о себе. С 10 лет я неизлечимо больна. Лежу на одре болезни 27 лет, вся парализованная (в 1957 году перенесла детский паралич). С тех пор я и лежу недвижима, не могу даже сама на бочок лечь. Руки тоже парализованы, но с помощью Божию приспособилась лежа на спинке писать. Заболев, я около года пролежала в морозовской больнице с аппаратом искусственного дыхания — «железными легкими». Недуг полностью парализовал центр дыхания, и тогда, лежа в дыхательном аппарате, я возносила Господу свой детский лепет...

Со мной была моя бабушка, она почти непрестанно находилась у моего одра, вернее, аппарата, шепотом читала молитвы. И они запечатлелись в моей детской памяти, и я стала читать молитвочки, молиться Господу и Его Пречистой Матери. Дыхание частично отошло, и в конце апреля 1958 года я вернулась домой. Мои бабушка и дедушка ухаживали за мной (моя мамочка умерла, когда мне было 7 лет. С отцом моим мама разошлась еще до моего рождения, и я отца никогда не видела, знаю только, что он жив. Молюсь о его здравии и спасении), возили меня иногда в церковь причащаться. Несколько раз летом 1958 года возили в Загорск, купали меня в целебном источнике Преподобного Сергия. Им очень хотелось, чтобы я встала. И я до 18 лет все думала, что буду ходить... Но с августа 1963 года состояние мое резко ухудшилось, я снова задыхалась. Без конца стала попадать в больницу, в отделение реанимации, дышать аппаратом.

И, наконец, в 1976 году врачи мне сказали, что я сама дышать не смогу, навсегда буду прикована к аппарату искусственного дыхания. Я была обречена на пожизненное пребывание в больнице в отделении реанимации, куда доступ посетителям был строго запрещен. Ко мне пускали только одну мою бабушку и то ненадолго. Ходила бабушка ко мне каждый день, превозмогая старость и немощь. Я стала проситься домой, хоть на недолго. Врачи отпустили, дав ручной дыхательный аппарат. Дома несколько раз в день меня «раздыхивали» этим аппаратом. Но временами я снова задыхалась, и тогда возвращалась в реанимацию. И так без конца стала ездить туда-сюда... В мае 1979 года моя бабушка совсем стала изнемогать, у нее был рак мочевого пузыря. Ухаживать за нами было некому. Дедушка мой скончался в 1969 году. Врачи предлагали бабушке лечь в онкологическую больницу, а меня отдать в институт. Мы с бабушкой находились в великой скорби, все упование возлагали на Единого Господа, у Которого нет сирот. Я написала письмо своему духовному отцу в Троице-Сергиеву Лавру. Батюшка приехал, причастил нас с бабушкой. Послал двух своих духовных дочерей ухаживать за нами, убогими и беспомощными. Эти добрые женщины доупокоили мою бабушку до кончины ее. Она скончалась 22 мая 1980 года, будучи 80 лет. Один Бог знает, как тяжело нам с ней было расставаться. Перед кончиною моей бабушки я просила ее поручить меня, убогую сиротку, Самой Царице Небесной. Проси, родная, говорила я, чтобы Матерь Божия вместо тебя была мне матерью, и мне всегда будет хорошо. После кончины бабушки я чаще стала попадать в реанимацию: легкие еще более атрофировались, дыхание не восстанавливалось. Ручной дыхательный аппарат не помогал. День и ночь я умоляла Господа вывести меня из стен больницы и дать мне возможность жить дома. И вот, в октябре 1980 года я узнала, что по молитвам моего духовного отца из московской реанимации мне домой привезли большой автоматический дыхательный аппарат РО-5. Искусственное аппаратное дыхание проводится через металлическую трубочку, которая постоянно стоит в дыхательном горлышке. Ночью за меня дышит один аппарат, а днем — другой. Сама я не могу дышать ни одной минутки. Нет слов, как тяжело и непостижимо жить без своего природного дыхания. Но чтение духовных книг, откровение помыслов, частое приобщение Святых Христовых Тайн оживляют и укрепляют меня. Одна благодать и неизреченная милость Божия держит меня еще в этом мире.

Отче, я Ваше имя записала в свой келейный синодик и поминаю Вас на молитвенных правилах. Правила читают мои хожалочки, а я слушаю. А синодик свой я всегда читаю сама. Помолитесь и Вы обо мне, честный отче, воздохните обо мне у Престола Божия. Простите Бога ради за беспокойство и все погрешности моего письма. Покройте христианской любовью.

Милостию Божией
многогрешная убогая Наталия.
3/V-84 г.

Нет Тебя, Господи, краше, нет тебя, Господи, добрей!

Дорогой и всечестной во иереях Божиих, о. Григорий, Христос Воскресе!

Смиренно благодарю, дорогой отец, за Ваше доброе и такое теплое письмо. Дорогой батюшка, никакая я не подвижница, а грешный и немощный человек. Если я неделю не причащусь, то совершенно изнемогаю душой и телесно. Мой духовный отец благословил меня причащаться два-три раза в неделю, но у меня так часто не получается: не хватает знакомых батюшек. Но и еженедельное причащение, соединение с Господом — это великая милость Божия, которая меня, бездыханную, держит еще в этом мире. Душат меня бронхо-легочные полипы, которые подступают к трахеотомической трубке и закрывают в ней отверстие и доступ воздуха. Это бывает очень часто и всегда внезапно, в любое время дня и ночи. Не «продыхивают» даже дыхательные аппараты. Каждый раз еле отхаживают. С помощью электроотсоса резиновым катетером отсасывают у меня из легких мокроту, сгустки, корки. В сутки обычно раз по 30 (а когда бывает плохо, без счета). Процедура эта очень мучительная, иногда мне кажется, что я больше не выдержу... В глазах темнеет, сердце, голову бьет током, бывает, отсасывается кровь. Врачи говорят, что в легких у меня есть язвочки, во время отсасывания они травмируются и кровят. Сама я не смогла бы жить в таком состоянии столько лет. Не хватило бы человеческих сил и терпения. Поистине, «Сила Божия в немощи совершается».

Во всем мне помогает Господь и Его Пречистая Матерь. Поэтому в своих письмах вначале я обычно пишу: Слава Богу за все!

Сердечно благодарю за любовь и внимание к моему недостоинству.

Простите Бога ради за все. Прошу Ваших святых молитв.

Милостию Божией
Недостойная болящая Наталия
15/V-84 г.

Все упование мое на Тя возлагаю, Мати Божия, сохрани мя под кровом Твоим.

Дорогой батюшка о. Григорий, благословите. Смиренно благодарю вас за письмо, вашу фотографию, фото архимандрита Серафима Тяпочкина. Мои духовные сестрички ездили к старцу Серафиму и мне о нем рассказывали. В это воскресенье по вашему благословению навестил меня диакон о. Валерий. Он очень простой, общительный, впечатление такое, словно я его давно знаю. Спаси Вас, Господи, дорогой батюшка, за это доброе духовное знакомство!

Сегодня я причастилась Святых Христовых Тайн. По благословению духовного отца, я имею на дому постоянно запасные Дары и священническое облачение с тем, чтобы почаще меня можно было причащать. Св. Дары находятся в отдельной келейке, куда нам не велено пускать никого из посторонних.

О. Григорий. я так переживаю за своего духовного отца. По благословению Святейшего Патриарха он вот уже четвертый месяц несет послушание духовника русской духовной миссии в Иерусалиме. Переписка в эту страну очень затруднена. Когда едут в Иерусалим наши паломники, я стараюсь передать через них отцу письмо, но далеко не все берут. Везде хватает искушений.

Дорогой о. Григорий, поздравляю Вас с грядущими праздниками Св. Троицы, днем Святого Духа, Образа Матери Божией, «Споручницы грешных» и с наступающим Петровским постом.

Пошли вам Господи Свой небесный мир и радость!

Отче, напишите, пожалуйста, когда у Вас будет день Ангела?

Простите Христа ради за все. С любовью о Господе.

Ваша сестра по скорби и утешению
Убогая Наталия
5/VI-84 г.

Нет тебя, Господи, краше, нет Тебя, Господи, добрей.

Многоуважаемый и всечестной о Господе отец Григорий, благословите!

Вчера получила Ваше боголюбивое письмо, за которое спаси Вас Господи! Взаимно поздравляю Вас с наступающим Рождественским постом. Очень благодарна Вам и диакону Иоанну за молитвенное поминовение меня и моих родненьких. Я и они в этом очень нуждаемся. Состояние мое продолжает ухудшаться — совершенно задушивают полипы в легких. Милосердный Господь сподобляет меня ежедневно или через день причащаться. Это меня очень утешает и укрепляет. По немощи человеческой меня иногда пугает мысль, что я не выдержу своего креста. Но слова Писания: «Сила Моя в немощи совершается» и то, что выше сил Господь ничего никому не дает, а если Он и дает, то Сам и помогает — являются для меня спасительным якорем в трудную минуту. Не прошу у Господа ни жизни, ни смерти, а только терпение до конца и мирной христианской кончины. И Вы добрый пастырь вместе с диаконом Иоанном поусердней помолитесь обо мне, убогой. Сейчас для меня настало самое тяжелое время. Ежеминутно я могу отойти в вечность. Я частенько думала об этом — как будет происходить разлучение души с телом. И вот неделю назад мне было совсем плохо. Полип очень сильно задушивал. Потом мне немного стало полегче и я задремала и увидела себя стоящей у одра. Я стояла и смотрела на саму себя лежащую, уже совсем бездыханное тело. Возле — лежащее мое тело, что-то делали хожалки, но меня никто не видел, стоящую рядом с ними. Я удивлялась, как все быстро и незаметно произошло, без всяких болезненных ощущений и страхов. Я стояла и рассуждала о том, какая для меня самой это была непостижимая тайна, вместе с тем меня объяло какое-то дивное спокойствие и радость. У меня не было никакого сожаления о земном. Когда же я очнулась и ощутила себя по-прежнему находящейся здесь, то признаюсь, меня охватила даже досада, сожаление о том, что это был только сон...

Простите ради Бога за все.

С любовью Христовой,
болящая Наташа с хожалками
25/XI-84

Слава Богу за все!

Дорогая и боголюбивейшая матушка-игумения Магдалина, благословите!

Получила я Ваше Рождественское поздравление. Спаси Вас Господи! Я очень тронута и обрадована Вашим христианским вниманием ко мне.

Матушка, на одре болезни я нахожусь с десяти лет, а мне сейчас идет тридцать пятый год. Я могу лежать только на спине и левом боку, кормят меня из ложечки, я вся парализована. От долгого лежания мои легкие совсем атрофировались и перестали сами дышать. И вот, дорогая матушка, второй год я живу совершенно без своего дыхания. У меня в горлышке вставлена трубка, к ней присоединен дыхательный аппарат, который автоматически вдувает воздух в мои легкие — получается вдох, и выдувает воздух — получается выдох. Вот так, матушка, я и живу на этом свете, бездыханный человек. Конечно, матушка, дорогая, очень и очень тяжело жить на свете без своего дыхания. Всякое дыхание да хвалит Господа. А за меня дышит машина. Лежу и думаю иногда — все живое дышит, вдыхает свежесть воздуха, ощущает аромат цветов. О, какой это бесценный дар Божий иметь свое дыхание! Но за все слава Богу! Господь дал крест, Он и поможет донести до конца.

Дорогая матушка, если Вас не очень затруднит, вспоминайте меня (в тайном постриге монахиню Екатерину) в своих святых молитвах. Очень буду благодарна, если вы по возможности будете радовать меня своими письмами.

С любовью Христовой.

Ваша сестра по скорби и утешению
многогрешная болящая Наталия
15/I-82 г.

Нет Тебя, Господи, краше, нет Тебя, Господи, добрей.

Дорогая и благочестивейшая во игуменіях матушка Магдалина, благословите!

Хочу поблагодарить Вас, дорогая матушка, за пасхальное поздравление, ваши фотографии и духовные открыточки. К Пасхе я получила от Вас несколько писем. Очень тронута Вашим поистине христианским и материнским вниманием ко мне, убогой. Спаси Вас Господи за Ваше доброе отзывчивое сердечко.

Поздравляю Вас с днем Вашего тезоименитства равноапостольной Марии Магдалины.

От всей души желаю Вам, дорогая матушка, с Божией помощью стяжать цветы всех добродетелей Вашего Ангела Марии Магдалины, коими она угодила Господу.

Дорогая матушка, самочувствие мое все ухудшается. Я все больше слабею, сильно кружится голова, по ночам не могу спать, так тяжело.

Матушка, хоть иногда, по возможности, вспоминайте в своих святых молитвах ухаживающих за мной моих хожалочек и сестричек милосердия... Помолитесь о нас, добрая матушка, воздохните ко Господу о нашем недостоинстве.

Я же Вас вспоминаю с сестрами обители на всех своих молитвенных правилах: полунощнице, Евангелии, псалтири. Общее правило читают хожалочки, я слушаю, а синодики свои я читаю сама.

Простите Бога ради за все.

С любовью Христовой недостойнейшая
во иноцех Екатерина
19/VII-83 г.

Все упование мое возлагаю на Тя, Мати Божия, сохрани мя под кровом Твоим.

Всечестная и боголюбивейшая во игумениях матушка Магдалина, благословите.

Бесконечно благодарна Вам, дорогая матушка, за заботу и внимание ко мне, убогой и ничтожной.

Очень тронута вашими подарками, смиренно благодарю.

Я постоянно ношу свой постригальный монашеский параман, но за давностью лет он стал уже совсем ветхиньким. Очень рада, что вы прислали мне новенький параманчик.

Спасибо, спасибо, добрая матушка, за все, за все.

Одна из моих бывших хожалочек, послушница Пюхтицкого монастыря, была у меня на днях, и гостила несколько дней по благословению игумении Варвары.

Послушница много интересного рассказывала о трудностях и радостях монастырской жизни. Я ведь никогда не была в монастырях. Знаю об их жизни только из духовных книг и по рассказам богомольцев.

Состояние мое плохое. Вчера меня по милости Божией пособоровали и причастили. Только и держит меня в этом мире частое приобщение св. Христовых Тайн.

Получила от своего духовного отца (он несет послушание духовника горненского монастыря в Иерусалиме) письмо долгожданное. Молю Господа, если Ему угодно, чтобы мне дождаться, когда мой батюшка приедет в отпуск в Россию. Скучаю я очень без него. Много у меня есть хороших батюшек, которые меня причащают, наставляют. Но моего дорогого, родненького папочку (я так зову духовного отца) никто мне не может заменить. Дорогая матушка, я очень рада, что вы молитесь о моих хожалочках. Я и они молитвенно Вас с сестрами вспоминаем во всех наших келейных правилах.

Простите Бога ради за все.

Милостию Божией
убогая монахиня Екатерина
29/X-83 г.

Все упования на Тя возлагаю, Мати Божия, сохрани мя под кровом Твоим.

Ваше высокопреподобие, боголюбивейшая и всечестная матушка игумения Магдалина, благословите.

Смиренно благодарю за присланные лекарства и теплое письмецо. Взаимно всегда имею Вас в своем сердце и молитвенной памяти.

Записала в свой синодик Вашу келейницу инокиню Веру и послушницу Раису.

Дорогая матушка, хочу поделиться с Вами своей большой духовной радостью. По милости Божией дождалась я в отпуск своего духовного отца. Приехал он из-за границы на два месяца. Навестил меня два раза, на Казанскую пособоровал меня, моих матушек-хожалочек, некоторых своих духовных чад. А меня Милосердный Господь сподобил из его отцовских ручек принять Святых Христовых Тайн.

А сейчас батюшка поехал к своим родным. Скоро, скоро папочка вернется в Святую Землю, будет нести данное Богом нелегкое послушание духовника Русской Духовной Миссии и, предстоя с трепетом и слезами у Гроба Господня, будет молиться за весь мир!

Матушка, сегодня праздник Матери Божией «Троеручицы» и мой юбилей: исполнилось 27 лет моей болезни. И в этот же день 15 лет назад скончался мой дедушка, воспитавший меня, сиротку, вместе с бабушкой. Царствие Небесное.

Самочувствие мое очень переменчивое, беспокоят легкие и сердце, частенько бывает ломота. Аппаратура моя пока, слава Богу, работает исправно. Завтра, если Господь сподобит, думаю причаститься. Духовник мой благословляет меня причащаться в неделю два-три раза. Матушка, дорогая, прошу у Вас: прощения, благословения и святых молитв.

Ваша усердная молитвенница и сестра по скорби и утешению.

Недостойная монахиня
Екатерина с хожалками
25/VII-84 г.

Пою Богу моему, дондеже есмь!

Дорогая и всечестная о Христе матушка игумения Магдалина, благословите. Спаси Господи, дорогая матушка, за ваше боголюбезное письмецо и посылочку. Чем я заслужила Ваше внимание и заботу, родненькая матушка!? Награди Вас Милосердный Господь за Ваше доброе сердечко и христианскую любовь к моему убожеству.

Дорогая матушка, состояние мое ухудшается, дни мои земные приближаются к концу... Каждый день душат бронхиальные полипы, поднимаются полипы вверх к трахеотомической трубке, закрывая доступ воздуха. Мой духовный отец велел мне готовиться к вечности, благословил мне составить список адресов и телефонов моих духовных друзей и благодетелей для извещения о моей кончине. В телеграмме будет указано мое мирское имя, так как мое монашеское имя мало кому известно. Таково благословение духовного отца. Родненькая матушка, день и час каждого в руках Божиих. И, когда наступит мой смертный час, воздохните о мне, добрая матушка, с сестрами обители о моей многогрешной, многострадальной душе, отходящей в вечность... Прошу о себе и в вечности Ваших святых молитв. Может, по милости Божией и по молитвам всех молящихся о мне, я еще и поживу в этом мире. Но у меня такие страшные легочные задыхания, что просто делается невмоготу.

Поминаю Ваших родителей прот. Германа и инокиню Татиану. Царствие им небесное!

Низкий от меня поклон благочинной монахине Олимпиаде, записала ее в свой синодик. Прошу прощения за все заботы и хлопоты обо мне, убогой.

Подарки мы все разделили между собой с хожалочками. Низко все трое кланяемся Вам в ножки, дорогая матушка. Спаси Вас Господи за все и за поздравления с днем Ангела. Я очень была рада, поговорив с Вами по телефону.

Всегда молитвенно Вас помнящая недостойная монахиня Екатерина с хожалочками.

23/IX-84 г.

СОДЕРЖАНИЕ

К 70-ЛЕТИЮ СО ДНЯ КОНЧИНЫ СВЯТОГО ПАТРИАРХА ТИХОНА

Александр Нежный
Допрос Патриарха 7
Завещание Патриарха 24

ПАМЯТИ ПРОТОИЕРЕЯ АЛЕКСАНДРА МЕНЯ
60 лет со дня рождения, 5 лет со дня мученической кончины

Наталья Большакова 35
Священник Георгий Кочетков
Проповедь 37
Протоиерей Александр Мень
О духовном опыте 43
Андрей Еремин
Отец Александр Мень
и его шеститомная «История религий» . . . 49

СЛОВО ПАСТЫРЯ

Иеромонах Антоний (Ламбрехтс)
О блудном сыне 83
Архимандрит Виктор (Мамонтов)
О ближнем и дальнем 86

ИЗ АРХИВА СВЯЩЕННИКА СЕРГИЯ ЖЕЛУДКОВА

Христианство и атеизм (окончание) 91
Письмо отца Александра Меня
отцу Сергию Желудкову 157

ХРИСТИАНСТВО И ТВОРЧЕСТВО

Андрей Еремин
«Всякому имеющему дано будет» 169

НА ПУТИ К ЕДИНЕНИЮ ХРИСТИАН

К 30-ой годовщине со дня принятия
Совместной Декларации
о снятии анафем 207
Осуществленное призвание.
К 50-летию «Очага Восточных Христиан» —
издательства «Жизнь с Богом» 214

ИЗ НАСЛЕДИЯ АРХИЕПИСКОПА САН-ФРАНЦИССКОГО ИОАННА (ШАХОВСКОГО)

Внемля голосу чистому... 227
Из книги «Вера и достоверность»
Вопросы воцерковления в духе и истине . . 230
Из книги «Письма о вечном и временном»
Вера и ответственность 232
Мать Мария 241
Из книги «Время веры»
Слабость и сила человека 248
Мудрость веры 250
О молитве 252
О вере 255
Песнь молитвенного предстояния 260

ВЕРА И ЖИЗНЬ

Инокиня Екатерина (Колбановская)
«В терпении стяжите души ваши».
Памяти монахини
Екатерины (Пижановой) 265
Архимандрит Виктор (Мамонтов)
Послесловие. 283
Письма монахини Екатерины (Пижановой). . . 284

Международным Благотворительным Фондом имени Александра Меня (Рига, Латвия)

изданы (1991—1995):

альманахи — *«Христианос»*, выпуск I, II, III, IV

— *«Отчий Дом»*, выпуск I

книги — прот. Александр Мень.
«Практическое руководство к молитве»

— *«Апокалипсис»*.
Комментарий прот. Александра Меня

— *«Крестный Путь»*.
Молитвенные размышления и молитвы
Вселенского Патриарха Варфоломея

**Адрес редакции: K. Valdemāra iela, 121 — 6,
LV 1013, Rīga, Latvija**

Подписано к печати 17.07.95. Формат 60×84/16. Зак. 687. Рег. удост. 2-0333.
Печать офсетная. Отпечатано в г/п "Полиграфистс", Рига, Кр.Валдемара, 6.